

В л а д и м и р

Ч И В И Л И Х И Н

Дневники, письма

Воспоминания современников

Владимир Чивилихин

**Дневники, письма.
Воспоминания современников**

«Алгоритм»

2008

УДК 82-4
ББК 84

Чивилихин В. А.

Дневники, письма. Воспоминания современников /
В. А. Чивилихин — «Алгоритм», 2008

ISBN 978-5-9265-0520-4

Имя замечательного писателя Владимира Чивилихина (1928–1984) неразрывно связано с «Памятью» – главной его книгой, давшей в свое время сильнейший импульс к пробуждению русского национального самосознания. А публицистические статьи всегда были о современном, актуальном, они поднимали нравственные, глубинные проблемы. Немало сделал он и на поприще общественном, когда боролся с временщиками от власти за русские леса, озеро Байкал, за сохранность земли родной. По словам Валентина Распутина: «Имя его навсегда записано в святцы отечественного служения...» В настоящее издание вошли дневники и обширнейшая переписка писателя с классиками отечественной литературы Михаилом Шолоховым и Леонидом Леоновым, учеными, читателями. Отдельная глава – воспоминания современников о Владимире Алексеевиче.

УДК 82-4
ББК 84

ISBN 978-5-9265-0520-4

© Чивилихин В. А., 2008
© Алгоритм, 2008

Содержание

От составителя	5
Дневники 1941–1974 гг.	7
1941 г.	7
1942 г.	10
1943 г.	17
1944 г.	20
1945 г.	27
1946 г.	38
1947 г.	57
1948 г.	69
1949 г.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Владимир Чивилихин

Дневники, письма.

Воспоминания современников

От составителя

В 1942 году школьник Володя Чивилихин записал в своем дневнике: «Сегодня писали диктант. Я написал на «хор.». Текст – хоть брось. Предложения бессодержательные, выражения – ни к черту. Вот этот диктант еще больше укрепил во мне настойчивость и веру в то, что со временем я буду писателем. Я знаю, что это трудно, но я смогу добиться этого не для славы и известности, а потому, чтобы люди могли читать хорошие слова и хорошие мысли».

К этой цели он шел упорно, воспитывая волю и характер, через безотцовщину, нищету, унижения, несправедливость, физические и моральные страдания, в борьбе за кусок хлеба и крышу над головой. Единственной радостью и счастьем будущего писателя было чтение. Володя Чивилихин буквально проглатывал все буквенное, как он писал, начиная от газет, отрывных календарей, справочников до бабкиной Библии, а позже – все, что удавалось достать у друзей, соседей, учителей, взять в библиотеках сибирского городка Тайга, где прошли его детство и отрочество.

С тринадцати лет он начал вести дневник постоянно, ежедневно. Дневник стал для него собеседником, верным другом, поддерживал в трудные минуты, помогал выбрать правильное решение. Читатель из его дневника узнал «как молодой человек без мощной «подсаживающей» длани, без чьего-либо указующего перста, несмотря на все превратности судьбы, сумел «поднять себя за волосы» – воспитать себя, стать личностью, всемирно известным писателем, гражданином, Человеком... Его сокровенное слово звучит страстно, современно и обращено на созидание, и в этом его значение» (Р. Федотова, чл. СП СССР).

Прошло детство, юность, закончен университет, впереди работа в «Комсомольской правде», поездки по стране и за рубеж, публикации, вступление в Союз писателей СССР, встречи с М. Шолоховым и Л. Леоновым, первые премии. Уже есть «кусочек хлеба» и «крыша над головой», а покоя нет, волнуют другие проблемы, не дают спокойно жить и работать. И снова борьба. Борьба с временничеством, бесхозяйственностью, за русские леса, кедр, светлое око Сибири – Байкал, землю в беде, историю родины. В дневниковых записях теперь большие перерывы, но появляются письма – своеобразное продолжение дневников. В них почти ничего нет личного, и в то же время каждое письмо – это его личная принципиальная и общественно значимая гражданская, идеологическая, патриотическая позиция в жизни, в творчестве. Письма не только интересны, но и, как и дневники, очень ценны для истории, являются документом времени. Среди адресатов Владимира Чивилихина – писатели-классики XX века М.Шолохов, Л.Леонов, ученые, с которыми он советовался, спорил, привлекал на помощь в решении вопросов большой государственной важности, собратья по перу, читатели.

Отдельная глава книги – воспоминания современников. Ученые, поэты, прозаики, журналисты, критики, историки, хорошо знавшие Владимира Алексеевича и его творчество, создали редкий по откровенности портрет, полностью соответствующий его своеобразному творчеству и ярким человеческим качествам.

Писатель Валентин Распутин писал: «Владимир Чивилихин сделал все, что мог, и даже много больше, чем мог один человек. Ему упрекнуть себя не в чем. Имя его навсегда записано в святцы отечественного служения...»

России не повезло, быть может, лишь в том, что у нее было недостаточно таких защитников, как Владимир Чивилихин».

Е. Чивилихина

Дневники 1941–1974 гг.

1941 г.

7 марта 1941 года. Мне сегодня 13 лет.

22 июня 1941 года узнал, что фашисты перешли границу (западную) и бомбили Киев, Житомир, Винницу, Каунас и др. Я думаю, что Германия зря сунулась...¹ Всю ночь разносил повестки.

7 сентября 1941 г. События (вкратце) за лето. Лето я провел хорошо. 8 дней и ночей жил на покосе в балагане. Часто ходили в лес...

На нас напала Германия. Сейчас идут бои на всем фронте от Ледовитого океана до Черного моря. Захватили Эстонию, Литву, Латвию, большую часть Белоруссии и Украины...

11/IX—41 г. Ходил копать картошку. Но не накопал. Потел в школу без чернильницы... В школе на русском нагрубил училке. На истории Борька ко мне приставал, я на весь класс закатил ему пощечину, и сразу стало легче, хотя учительница записала здоровое замечание... Скажу о физичке. Молодая, высокого роста, никогда не кричит, из Ленинграда. Недавно у нее убило в Ленинграде бомбой брата. Были красные глаза. Я первый заметил. Я ее не боюсь. Она однажды оставила меня, Борьку, Вовку и Скибу. Разговаривали о посторонних делах, вспоминали старую Тайгу, мечтали о будущей... Смертьев стал нас стравлять с Юркой... Если откажусь драться, будут звать «трус» (я не люблю этого), если буду биться, то попадет. Выбрал второе: так ему дал, что рука у меня хрустнула...

12/IX—41 г. Понес Леньке «Цусиму». Взял у Федьки Морковчина «Восстание» Пушкирева. Понравилась...

16/IX—41 г. Взял книгу «Рассказы» Паустовского. Ушел с четвертого урока. Не пошел на физику...

19. Не писал долго. Было некогда. Отличнейшая новость. Приехала из Чернигова сестра Маня с Аликом и Мэльсаной. Привезла пуда 2 сала, часы карманные, противогаз... Вечером ходил в Маниной шинели.

21. Вечером лазили за брюквой и за морковкой. Ленька дал прочитать книжку на украинском языке... Сегодня было солнечное затмение (не полное)... Гришка постепенно забирает власть в отряде. Я решаю: или его подчинить, или отколоть.

22. 21-го сдан город Киев. В ежедневных сводках все одно и то же, т. е. «наши войска вели бои с противником на всем фронте».

26. Я опасаюсь. Маня работает в лазарете.

27/IX—41 г. С Ленькой всю перемену сидели за одной партой. Я ему пообещал «Американскую трагедию» Драйзера.

5/X. Болею. Купил щегла за 3 рубля у Володи Черникова. Прочитал книгу «Рассказы» Э. Грина и «Сборник 10-ти». Со мной дружит только Володька Смертьев. Мы с ним делаем библиотечку.

9/X. Взял книгу из библиотеки «Очерки бурсы»... Щегол у меня отсиделся, поет хорошо. Прочитал «Солдатская слава» и «Суламифь».

11/X—41 г. Погода неплохая... Сегодня лошадь из Сибторга (хромая) вместе с повозкой перевернулась, и хомут стал ее давить! Собрался народ. Дают советы, а сами ни с места. Я собрал огольцов, и вместе с возчиком поставили лошадь на ноги... Очень внимательно

¹ Здесь и далее тремя точками обозначено сокращение, сделанное составителем Е. Чивилихиной

читаю книгу «Цусима» Новикова-Прибоя. Очень нравится. Была воздушная тревога. Выскочили из дома. Володька Черников с противогазом. Мы все надели платки (условное), потом разошлись по домам.

14/X... Наши войска оставили Орел, Вязьму, Брянск.

23. Каблю все время. Зачеркнул свою фамилию в газете... Взял книгу «Бруски». Третью. Вторую я читал прошлый год. Немного было непонятно. У нас нынче кризис на бумагу. Будем писать на газетах. У меня пока есть тетради. Наши войска сдали Одессу. Купил за рубль 9 марок. Старинных, бывших в Китае.

24. Взял книгу «Избранное» Сергеева-Ценского. Ничего. Особенно переписка с А.М. Горьким. Впрочем, там есть место, где оба писателя хвалят книгу Пантелеева и Белых «Республика ШКИД» (Школа имени Достоевского). Особенно писателя Леонида Пантелеева. Я хочу ее достать. Когда я прочитал эти «Письма», я уже Горького почувствовал другим человеком, хозяйственником своей страны, шутником.

25. С утра было хорошо, а потом повалил снег...

План на зиму у меня появился, когда я кинул взгляд на снег, пощупал его приятность, когда мой взгляд остановился у лыж. План: 1. Отремонтировать лыжи (сделать новые ремни). 2. Съездить на лыжах по просеке до Яи и лесом по компасу до Маяка на юг. 3. Пройти не менее 300 километров за зиму. Научиться ходить быстро, без усталости, далеко...

27. Прочитал «Клятву» Геннадия Фиша. Мировая... Взял у Борьки книгу «День мира». Вот это книга! Под редакцией Горького. Цена 50 рублей. Там описаны все страны, включая Сов. Союз. Только я не понимаю, почему день мира 27 сентября и, удивительно – в 1934, когда фашизму в Германии было 2 года уже, цели фашизма были известны миру, по их политике и гос. устройству. Помогал писать эту книгу (издавать) Кольцов Михаил.

У нас в школе совсем скоро не будем получать бумагу, заставляют писать на старых книгах.

30. Был осмотр. Я здоров, только нервный. Врач так сказал. Прорабатываем «Ревизор» Гоголя. Скоро будем читать в лицах. Я – в роли Хлестакова. Насчет нервов я сам замечаю, что шатаются.

2... Прочитал «Обыкновенную историю» Гончарова. Я думал, что Гончаров пишет только произведения вроде «Обломова», а это нет. Мировая книга. Очень поучительная для молодежи.

Был в бане с Алькой и Борькой...

3. Пришла телеграмма от Вани. Его взяли в Армию. (Иван – старший брат Володи. – Е. Ч.)

4... С сеном одна мука. Мама сегодня даже плакала навзрыд. Это все, говорит, из-за меня.

8. Ездил утром в лес на лыжах. В лесу мирно. Катался во втором логу с горы между елочек. Хорошо! Вечером мама пошла давать корове сена. Но вскоре вернулась, вбежала в избу и закричала: «Пожар! Церковь горит!» Я сапоги натянул, накинул пальто, шапку, забежал за Борькой и туда. Прибегаем. Это горит не церковь, а стайка. Я взял у Черниковой рукавицы и побежал к огню. Сначала я откидывал рейки для лыж (там недалеко лыжная мастерская). Потом, когда от реек огонь отогнали, я схватил багор и давай оттащить бревна. Потом пошел к колодцу и вытащил ведер 20 воды. Приехали пожарные. 3 насоса, № I колодец. У насосов шланги не достают до воды. Стали подвозить. Потом я опять пошел раскидывать горящие бревна... На пожаре чуть не провалился в погреб.

Купил у Яшки самодельные шахматы за 3 рубля.

12. Ездил в лес за Черный лог. Натопил серы, ел рябину, видал следы колонка или кого другого, не знаю, потому что следы ведут на дерево.

15. Дежурили с Нинкой Рудко во вторую смену и на вечере. Был контролером. Пропустил Федьку Морковчина без билета. А сам, дурак, купил билет. Были танцы и почта...

18...Взял книгу «Маленькие романы». Наверное, барахло... Ходил подстригаться. Под бокс. Хочет мама шить шубу, покрытую шинелью. Погода морозная, у меня нет пимов.

22. Взял «Освобождение» и «Пагубную книгу». Первая мировая, вторая – мура.

23. Мне купили пимы. Немного теснят, но ничего. Я, даже сам не подозревая, накопил 10 рублей.

26. День сегодня отменно несчастливый. Начался хорошо. По русскому писали изложение по Тургеневу. Я написал лучше всех из класса...

1.12...В таблице 7 «пос», 4 «хор», 2 «отл», «плохо» нет. Во вторую четверть думаю учиться получше. Стоял за керосином, достали всего 22 литра. Теперь можно будет сидеть по вечерам...

2.12.41 г. Пишу утром в 5.40 минут. Мама ушла за керосином, а я встал, умылся, оделся, обулся и пишу... На всех фронтах действия разворачиваются в нашу пользу. От Ленинграда отогнали, возле Москвы остановили немца, от Ростова-на-Дону бегут, только пятки сверкают. Каждый понедельник слушаю «огонь по врагу»..

5...Сегодня на географии вызвали меня. Я стою, молчу. Он говорит: «Так не учил?» «Нет». «Почему?» Молчу. «И тебе не стыдно так отвечать?» «Стыдно». «Я вижу». Поставил «оч. пл.» и посадил.

8. Купил билет в Московский кукольный театр. Купили почти все ученики нашего класса...

10. Вчера Р.В. дала мне «Огонек» № 7. Я его сегодня забыл. На шестом оставили по русскому весь класс. Я говорю ей: «Мне можно идти домой?» «Я никого не держу». Я встал и пошел домой. У Борьки есть книга «Педагогическая поэма» Макаренко. Взял «Энергию» Гладкова и «Уитт в Кантоне». Обе ничего (?). Сегодня было два солнца. Очень интересно...

15. Мое положение плохое: по немецкому, по алгебре, по русскому (устно), по географии, по черчению, по физкультуре у меня плохо. Как-то все случайно. Погода вчера чертовая была. Метель, ветер, снег – крупой, режущей лицо, буря – с ног сшибает!

20. Вчера оставляли. Я стал уходить. Р.В. закричала, я не обратил внимания. Роскошь оставаться. Взял в библиотеке книгу «Титан» Теодора Драйзера. Автора «Американской трагедии». Ничего книга. У Черниковых взял «Собор Парижской богородицы». Мировая. Колотили Ярыгу...

21. Выходной. Морозюка! Свыше 40°. Утром сходили в баню, а потом целый день сидел на полатах. Мы с мамой расчистили там и хорошо. Я там теперь сплю...

26. Не учились 3 дня из-за морозов. А сейчас вышел приказ, что нам (семиклассникам) учиться и в морозные дни... Прочитал «Труженики моря». Мировая. Виктора Гюго. «Восемь рассказов» Матильды Юфит, тоже хорошая. Сейчас читаю Эмиля Золя «Чрево Парижа»...

27...Взял у Нинки Рудко «Макар-следопыт». Мировая. Только автора не знаю.

1942 г.

5...Прочитал «Вокруг света» 10 журналов. «Дикая собака Динго» и «Рассказы» Пантелеева. Надо будет достать его «Республику ШКИД». Купил лыжи. Ничего. Вчера ездил в лес.

16. Был в кино. «Дело Артамоновых». Мировое. Надо будет достать книгу Горького... Прочитал «Борис Волгин», «В боях и походах» О. Городовикова, Чехова 6 том. Я положительно глотаю книги... Приехала Маруся Поворова. (Сиротка, которая жила в семье Чивилихиных ребенком. В семье было 9 человек: бабушка, мама, дочь Мария, ее дети Алик и Мэльсана, дочь Надя, сыновья Володя, Борис и Маруся Поворова. – *Е. Ч.*) Она сейчас учительницей, в отпуске. Я помню, учился в четвертом классе, а она в 7. Как мы читали книги! В особенности «Как закалялась сталь». Сидели у лампы коптящей и дающей мало света. Читали одну книгу...

...Мне бы очень хотелось узнать историю нашей Тайги. Я о ней ничего не знаю. Чуть-чуть смогу описать по рассказам старожилов.

ТАЙГА (1905 г.)

В то время Тайга разделялась на несколько частей: 1. Шанхай. Это часть северная, вернее северо-восточная, находящаяся за линией. Кривые грязные переулочки, землянки, вырытые переселенцами, главным образом цыганами. Там были самые отчаянные жулики, шулера. Можно было встретить человека с «умным лицом, с чемоданчиком и кругом «Синекрасно». Вечером, когда мрак покрывал Шанхай, по его закоулкам бродили «шанхайцы» с резинами, гирьками, ножами. Кстати, почему «Шанхай»? Это когда матросня и солдаты с русско-японской войны возвращались домой, они в насмешку прозвали трущобы этой части города Шанхай, китайский город, и многие из них здесь окончили свою жизнь, прерванную гирькой, кистенем, кинжалом. Матросы с войны нередко сходились в жестокой поножовщине и обращали в бегство знаменитых шанхайцев. Слово «шанхаец» еще до нашего времени остается нарицательным всему грязному, оборванному и в то же время удалому, ухарству. Следующая часть так называемый «город». То главный центр нашего городишки. Главная улица – это Первая, дальше Вторая и т. д. до 9-ти. На Первой улице было расположено 3 дома в одном стиле. Первый дом, двухэтажный с железными решетками, принадлежал какому-то богатому купцу Бутырину. Во втором и третьем были церкви. В третьей была староверческая «кержацкая». Надо сказать, что была еще одна церковь, на Пятой. Сейчас она заслонена от улицы 39-й школой. Во второй церкви сейчас кино им. Крупской. В третьей – так называемый «зеленый магазин». А в первой – общее училище. Третья часть отделена от «города» ручейком, ранее называемым Буром, а теперь просто Логом. Эта часть, в которой живу я, называется Забуром, в честь Бура. Из всех районов города Забур выделяется своими широкими, зелеными улицами. Здесь главным образом жили «кержаки» и «чалдоны». Сюда почти не заглядывали полицейские, хотя их было в Тайге не больше полсотни, а если заглядывали вечером, то их раздевали, отнимали «селедки» и угоняли. Кержаки крепко держали власть в своих переулочках, оберегая забурских девок от «городских». Над всеми парнями верховодил «атаман». По рассказам старожилов, долгое время держал власть со своей шайкой Сенька Стрельников или просто Стрела. Однажды приехал матрос в Забур из армии и появился на улице. Плотный, здоровый парень, с гармошкой и рыжим чубом, человек большой физической силы. Они встретились со Стрелой у колодца на Седьмой. Стрела в сапожках, в напущенных брюках и пиджачком внакидку. Вышли на чистые кулаки, измолотили друг друга в кровь и тут же отмывали, но с тех пор друзья навеки, потом в 15-м году круговорот войны захватил их обоих. Еще одного героя помнят старожилы. Это был толстый, здоровый дурачок с лошадиной силой. Это было в годы, когда Колчак отступал по желез-

ной дороге или по тракту, проходящему через Тайгу. Обозы колчаковцев убегали, оставляя фураж и лошадей, а Паня Породистый не зевал. Он по наущению отца брал дубину и ходил грабил людей на тракту. И сейчас еще на тракту в 2 километрах к востоку есть следы его медвежьих шуток. Когда-то давно, еще деды не помнят, купец поставил памятник прямо возле дороги на могиле своего друга – татарина или грузина. И вот этот памятник с татарскими надписями, вышиною в человеческий рост, Паня Породистый задался целью сломать, и сломал-таки! Сейчас еще обломок памятника стоит на бугорке возле дороги. Впоследствии Паню Породистого куда-то увезли милиционеры за то, что он сильно смело ходил с ватагой по улицам, грабил огороды, валил плетни и маленькие избушки, поддев их плечом. И Кабинет тогда еще был просто поселком киргиз, цыганов, татар. Сейчас есть и еще 5-я часть – «Ленинский поселок» и еще хорошая часть – «Станция». Эта «Станция» включает в себя все вокзалье и самые большие два здания в Тайге – станцию и больницу. Еще ей принадлежит депо, вокзал, склады, тупики, экскаватор. Здесь работали рабочие, большая часть трудящихся Тайги. Это были неразвитые темные люди, похожие (у Горького) на людей-героев его «Матери». Но вот настал 1905 г.: страна стала. Бастовали заводы, фабрики, школы, и в нашей Тайге начали устраиваться забастовки в депо. Уходили в лес, который тут же, под рукой, и устраивали маевки. Славную память хранят рабочие Тайги. Например, рабочий Серебренников, о днях, когда в Тайге нелегально проживал тов. Киров. В депо и сейчас есть колонна, а на ней медная доска и выдавлено о том, что тут рабочие пошли за молодым студентом. Киров тогда скрывался в сарае у знакомого рабочего. Тот сарай стоит и сейчас (3-я ул., № 32). Торговые дела в Тайге сплошь был обман торгашей и купцов. Базары были каждый день. Больница хоть и была, коек на 50, но все же большим авторитетом пользовалась старуха Литвиниха, умершая в 1939 году. Литвиниха была женою лесника Литвинова, здоровяка и в 80 лет ходившего на медведя с драным ружьишком и ножом. Он знает километров за 30 все дорожки и тропинки леса. Вокруг Тайги простирался во все стороны на сотни километров лес. Этот Литвинов написал, будучи девяностолетним (1941 г.) стариком, в местную газету заметку, в которой говорилось, что он знает вокруг Тайги нефть, уголь, золото, медь. Уголь и золото начали разрабатывать, но в связи с войной работы прекратились (1914 г.).

Отдыхали люди Тайги по-разному. Рабочие, с вялыми после работы мускулами, приходили домой, ели, умывались и ложились в кровать спать до утра. Городские парни ходили в «колизей». А парни Шанхая, Кабинета и, в особенности, Забура дрались, потешались над слабыми, лазили в огороды, валили плетни кержаков, мазали ворота у провинившихся. Если забурские делали хороший «Исполин», то шанхайцы его ночью обязательно ломали.

Еще надо немного сказать о Литвинове. Он самый, пожалуй, старый старожил в Тайге. В 6–7 км от города он построил себе избу, сарай, завел лошадь, корову, пчел, собак и стал жить там с женой в уединении, только приходил иногда в город за порохом, солью, нитками и т. д. В годы начала советской власти его хотели раскулачить, но, подумав, не стали, так как он уничтожает много медведей, дает аккуратно налог, не эксплуатирует чужой труд. В 1940 г. его все-таки раскулачили, описав имущество на 80 тысяч рублей. Сейчас он живет в Тайге и изредка приедет на своей Пегашке (лошадь ему оставили) на базар, встретится там со стариками и подолгу беседует о старом, о погоде, о конях, зимой – о лыжах.

17/1—42 г. По немецкому исправил, по черчению тоже. «Плохо» нет. Сегодня сандело... Из нашего класса берут в школу Ф.З.О. человек 5.

26...За эти дни чего-то хандрю, не учу уроки, нахватал плюшек. Мама уехала еще 24-го. Она однажды ходила в школу и разревелась там при всех учителях. Теперь пускай лучше исключат из школы, но мать не пойдет! Сегодня, например, не захотел идти на физкультуру, училка просила – не пошел...

2.2. Приехала мама. Привезла хорошие часы (настольные). Сегодня подрался с Колькой Цуцуюком. Дрался ничего... Я два дня не ходил в школу. Получал карточки...

5. Прочитал «На скате», «Мое поколение» Горбатова. Про революцию, хорошие. Прочитал еще «Нет выбора» англичанина Сцинглера (?) и «Девять точек» Казакова, 1 книгу...

15...Прочитал «С гор потоки», «Путешествия Н.М. Пржевальского».

18. Ходил в кино на «Дети капитана Гранта». Хорошая. Понравился образ Роберта Гранта: смелого, мужественного мальчика, для которого перебраться по веревке через пропасть дело чести. Прочитал «Близкое и далекое» Чернокова и «Степь в огне».

Погода сегодня испортилась: ветер, буран, снег, мороз... Я состою в пионерах. Выписал «Пионерскую правду»... Я сейчас хожу каким-то блатом: гимнастерка нараспашку, а на груди матросская тельняшка, штаны из сапогов навыпуск, широкие, руки в карманах, чуб...

25.... Взял у Р.В. журнал «Смена», хороший. Сменял в библиотеке книгу, взял «Избр.» Короленко. Ничего. Особенно рассказ «Чудная» и еще «За живой и мертвой водой» Воронского. Смотря на Короленко, мне кажется, что в Короленко собраны все лучшие качества русского человека. Его рассказы поражают своей ясной мыслью, построением и простотой и легкостью языка. Вот таким-то мне человеком и хотелось быть. Вечером у Борьки Черника играли в шахматы...

3. Газет почему-то нет. Еще подожду неделю: не будут носить – иду на почту...

Прочитал книгу «За живой и мертвой водой» большевика Воронского. Там он описывает свою жизнь с самого начала революционной работы и до Великой революции 1917 года...

12...Газет все нет. Взял книги «Два романа» и «Хитрые глаза». Сегодня военрук пробирал нас за то, что не хотим участвовать в игре «Тыл врага». Я не хочу тоже. В бурках не пойдешь по снегу лазить. Мне хочется поиграть, но обуви нет. Сегодня писали диктант. Я написал на «хор». Текст: хоть брось. Предложения бессодержательные, выражения – ни к черту. Вот этот диктант еще больше укрепил во мне настойчивость и веру в то, что со временем я буду писателем. Я знаю, что это трудно, но я смогу добиться этого не для славы и известности, а потому, чтобы люди могли читать хорошие слова, и хорошие мысли. (Это не списано, это мои слова). Я на днях попробую свои силы и напишу маленький рассказик и постараюсь подбирать хорошие предложения. Ну вот, например, на тему из своей жизни летом...

16. Вчера был выходной. Ездил в лес. Вычистил стайку. Скоро отелится корова. Тогда немного отдохнем, а сейчас хлеба не хватает. Ешь не досыта. По большей части чай да хлеб... Разговаривали с Борькиным отцом, начальником Промкомбината. Он хочет взять наш класс к себе на учет и, как только кончится учеба, заберет его на подсобное хозяйство. Вот где будет мирово: хлеба по 600 гр., помещение дадут хорошее, а главное – пахать не будем, не успеем к пахоте. Работа будет: собирать колбу или черемшу, березовый сок, прополка, ягоды, грибы. Прочитал книгу «Дым» Тургенева. Хорошая. Еще прочитал у Борьки «Язычники». Это про алтайцев и двух охотников, живших недалеко от селения... Взял книгу у Борьки «Повесть о суровом друге» Жарикова. Мирская.

19...Делаем с Алькой каждый день гимнастику. Не на полу, а на «коврике». Одежде солдатском. Прочитал книгу «Записки охотника» Тургенева. Очень хорошо описывает зверей, птиц, лес, собак.

20. Собираем лом. Сдал по русскому на «хор». Сегодня играл с Черниковым Борькой в шахматы. Я проиграл, но борьба была долгая. Ура. Достижение! Уже Борька со мною думает.

23. Прочитал «Братья Карамазовы» Достоевского. Взял еще Достоевского «Преступление и наказание». Сегодня чего-то летят над Тайгой много самолетов, штук сотня, должно быть.

25. Отелилась корова. Телочка красивенькая! У нас все ребята курят. Маня принесла из госпиталя две осьмушки табаку. Я стырил и курю. Все!

27. Получили табеля. У меня все «хорошо», за исключением агротехники – «пос».

Меня в школе кличут по-разному: Володька, Чивилихин, Вовка, Чиля, Чиль...

28... У меня глаза порядочно испорчены. На уроке физике я посмотрел в двояковогнутую линзу, и мне все предметы вышли точно. (Собирали металлолом. – *Е. Ч.*)... Мы с Борькой пошли на линию. Я взял кусок железа с пуд и отдал Борьке, а сам взял рельс пуда в два; ему записали 15, а мне 40 кг...

29. Начал читать «Кто виноват?» Герцена. Выходной. Погоду будто сглазили: снова буря, снег, холод. Брат Иван прислал письмо. Пишет, что находится недалеко от Вологды.

2. IV.42 г. Закололи теленка. Кололи, когда я был в школе. Сегодня здорово поссорились с Р.В. Я завтра в школу не пойду, т. к. она велела привести маму... Сегодня хорошо нанимался мяса и супу.

3. Не пошел в школу. Натаскал воды. Ходил на базар. Все дорого. Лук, одна луковица – 1 рубль, одна чесночина – полтора рубля. Телятина 60–70 рубл. Отнес в детсад Мэльсану. Мама натерла ноги до крови. Я хожу кругом за нее.

4... Написали контрольную по алгебре. Мне «отлично». Сегодня чего-то Раиса Васильевна придралась к нам. Борька ей что-то наговорил, она позвонила его отцу, тот пришел помой голодный (а дома есть нечего), бил Борьку. Борька в слезах прибежал ко мне! Стоит у частокола и плачет навзрыд, а я как раз носил воду, и клянется отомстить Р.В. Я его кое-как успокоил, принес шахматы, мы полезли на вышку и сыграли 4 партии счетом 2:2. Завтра Пасха.

6... Писать нечего. Ну ладно, напишу про Борьку Черникова. Я таки частенько о нем пишу, потому что он мне пока единственный хороший друг и такая натура! Сам он небольшого роста, на голову меньше меня, но название «коренастый» к нему не подходит т. к. он легкий, не широк в плечах, не сильный, особенности: нос вздернутый, а на кончике красненькое пятнышко, глаза серые, голова в шишках. Любит поспорить, затейник, сметливый, силен в арифметике. Он имеет ружье и стреляет неплохо. Володька, его брат, научил его играть в шахматы, и он сейчас его обыгрывает. Несколько романтичен, упрям. Я помню его еще малышом, во 2-м классе, тогда я не замечал его. Летом, однажды после 3-го класса, я ему стукнул по морде, он не ответил. Потом мы с ним враждовали. Он сколотил команду, и я сколотил команду. Воевали. Были враги. Снова друзья... Мне почему-то кажется, что я потом буду атаманом... Но для этого нужно будет драться, лавировать, но не подлизываться...

7. Взял у Бори Путинцева книгу «Семь простых людей». Не особенно. Получил по физике «отлично». Раиса Васильевна Елкина к нам с Борькой привязалась чего-то сегодня на уроке и стала рассаживать. Я говорю: «С этого места никуда не уйду». Тогда она стала пересаживать Борьку. Тот запротивился. Чтобы ему не попало, я взял и пересел, а на следующий урок сел назад... Сiju один. С Р.В. ругался, заводил, с (...) Михайловной спорил. Она говорит: «Ты, Чивилихин, уже взрослым стал, но на учителей, пожалуйста, так не смотри, старого человека не смущай». Это она про то, что я, когда разговариваю, смотрю хоть кому в глаза. Настроение бузовое. В школе сегодня был мрачен. Дома тоже. Читал «Ранние рассказы» Толстого. Хорошая, но читать не влечет. Оделся, думаю: «Пойду разомнись за работой». Вычистил стайку – скуку не разогнал. Пришел домой, разделся, лег спать – не спится. Взял книгу – не читается. Встал и вот, пишу... Прислал письмо Иван. Ура! Пишет, что находится недалеко от Старой Руссы в лесу, в землянках. Работает электриком. Ваня уже воевал в 4 местах: 1 – война в Финляндии, 2 – с немцами под Москвой, потом под Клином, под Старой Руссой. В финской был шофером. Всего сейчас у нас воюют человек 20. Только я знаю: Иван – мой брат, Сережа Морозов – двоюродный брат, Людвиг, я про него напишу после – зять (муж сестры Марии. – *Е. Ч.*), его брат Игнат. По материнской ветви – шесть двоюродных братьев из одной семьи. Итого – 10. Людвиг – это замечательнейший человечина. Сахар никогда не колол, а ломал руками. Он прекрасно рубился, хороший математик, хороший стрелок. Пошел добровольцем на польскую войну, но попал во вторую линию Армии.

Его родные в Польше. Узнав про зверства фашистов, он заронил злобу на немцев. Грянула буря Отечественной войны, он пошел добровольцем в коммунистический батальон, как партиз. И вот уже с самого начала нет вестей.

14 апреля 1942 г. Вчера был у Борьки Черникова. Взял «Тристан и Изольда». Сыграл с Васькой Андреевым в шахматы. Загнал ему мат. Сегодня на переменке пришла Раиса Васильевна и спросила меня: «Володя, ты сколько пожертвовал (рублей) на подарки бойцам?» Я отвечаю: «У нас, Р.В., дома получки нет и денег нету». На другой переменке она меня позвала и дала (...) рублей, я хотел отказаться, но она сама всунула мне их в карман.

15. Прочитал Тургенева 8-й том и «Преобразователь природы». Ничего. Особенно первая. После школы пришел Борька (вот тут-то я, дурак, показал свой характер). Стали играть в шахматы. Первый раз он меня обыграл. Второй обыграл. Он на меня глянул и спрашивает: «Ты что, Володька?» Я чуть-чуть не заплакал. Балбесина. Да еще тут мама пришла и пилит, что не наколот дров, а сама не говорила...

22. Сегодня дал 3 раза по морде Юрке Ярыгину за то, что он нарисовал меня на стене в уборной, с подбитым глазом и подписал: «Ребята, глядите, В. Чивилихину глаз подбили». Я позвал его на переменке в уборную и говорю: «Сотри сейчас же!» Юрка замялся: «Кого стереть?» И сразу же: «Это не я писал». Я в это время, когда показывал на рисунок, съездил по глазам и еще, и еще.

Мама купила пачку «наркомовского». Не знаю с какой целью, я его покамест курю...

Скорей бы лето! В колхоз скорей бы! Я возьму с собой дневник...

27. Сегодняшнюю ночь сплю на вышке. Поспал хорошо. Особенно приятно засыпать вечером. Чувствуешь в голосе улицы весну. Глаза слипаются. Вот пропел скворец, заплакала у соседей девочка, прошел какой-то человек, весело насвистывая «Крутится, вертится шар голубой», возится внизу в стойле корова. Свист все удаляется. Я поднимаю руку, она слабо опускается (это верный знак, что я уже скоро засну). В глазах белые круги. Уши гложут. Я сплю...

Вчера, т. е. 26-го был выходной. Я здорово поработал. Вывез из стайки пудов 70 навозу... Прочитал «Александр Суворов»! Замечательная!!! Прочитал драмы Гюго. Хорошая. Пишу на вышке. Чернила нет. Так писать плохо...

В последнее время я стал очень много курить...

30. Ровно 5 лет со дня смерти моего отца...

3. Выходной. В лес не пойду. Холодно вот уже 3 дня. Мороз. Сплю дома. Хожу обедать в столовую по пропуску. Благодаря Р.В. Вопреки, в 2 часа пошел в лес с Васькой. Пили сок, ели калбу, кандыки, медунки. Сходил мирово.

6. Прочитал «Георгий Седов». Это был путешественник из народа...

13. Мама собиралась ехать за картофелем, но ее обманули. Не взяли. Теперь не знаем, где достать картошки на семена. Надька ворчит. Я выхожу из себя... Мама самый несчастный человек, которого я знаю. 12 лет пошла из деревни на фабрику, 19 вышла за папу. Было 6 детей, из которых одна, старшая, дочь умерла. В 37-м году свалилось несчастье: зарезало папу. Мама от природы добра, нежное сердце, но она все вынесла. Через год умерла мать отца моего, и тут начинаются самые главные ее муки с детьми. Я ее так люблю, что готов отдать полтела за нее. И я не могу себе представить житье нашей семьи без мамы. Еще тут Мелька, ее внучка, как провожать в детсад, так она выматывает у нее все нервы. Не знаю, что за удар будет для нее, если на войне убьют Ивана... Я с сегодняшнего дня буду стараться, взяв себя в руки, помогать матери, оставлять ей лучшие куски. Я окончу нынче семилетку и поступлю работать в депо учеником или в ФЗО, чтобы скорее помочь ей. Ведь она наработала на своем веку изрядный горб. У нас украли (...) курицы, крынку молока, а у бабушки – барана...

14 мая 1942 г. Встал, день пожил, лег спать.

20. Мама давно уехала, почти неделя. Сидит где-то в Тяжине. Купила муки и картошки... От Ивана давно не было писем.

29. Вчера прислал. Пишет: «Немцы гонят»... Вот уже 3 дня копаю огород в поле, немного загорел. От натуги и от жары, так как я не закрывал голову, шла носом кровь.

1. День был барахло. Написал заявление и автобиографию. Завтра получу свидетельство и пойду в техшколу... Прочитал книгу «По ту сторону желаний» Андерсона. Не особенно понравилась. Вчера вечером привезли картошку. Я ее всю свозил.

7. Поступил в техникум Н.К.П.С. в нашем городке. В колхоз поеду всего на 1 м-ц, на август... Борьку не приняли по глазам. У него 5 % потеря и очки не улучшают, а у меня 25 % потеряно и очки улучшают. Борька, наверное, поедет в колхоз. Решил заняться кротоловством...

23. Написал Ивану письмо. Поймал 3 крота... Сбежал из колхоза Васька Андреев. Жить, говорит, невозможно. 200 гр. на день хлеба, да и то из овсяной муки. Жизнь вовсе не такая малина, как многие представляли (да и я в их числе).

26. Вчера был дождь, но я пошел в лес. Кротов нет. Набил крупных шишек (50 шт.). Недавно в лесу на черемухах я нашел куколок бабочки. Они были прилеплены крепкой паутиной. Дома из них вылезли 5 бабочек. Все как бы бабочки, но только крылья еще не тверды...

28.7.42 г. Долго не писал: некогда было. Первого числа разрубил порядком левую ногу топором, до 19-го лежал в больнице. Скучно было. Эти так называемые «друзья» пришли только раз. 19 ушел на покос и только вчера вернулся. Надо карточки получать – нога мало-мало болит.

23. Ходил 2 раза за орехами и ничего не принес. Кедряч весь пошелушен белками, кедровками и бурундуками. Видели следы медведя, убили трех рябчиков. Узнал хоть место.

26...Прислал письмо Сергей Морозов, двоюродный брат. Пишет, что встретился на фронте с моим родным братом Иваном. Вот, представляю, была встреча... Купили тележку-двуколку за 500 рублей. Гром и молния! Что за деньги сейчас стали. В огороды лазили мало, всего только за огурцами, бобами, горохом и подсолнухами. Наш Борька лежит в постели, наскочил вчера на стекло. У нас несчастливое лето. Сначала я ногу покалечил, потом Надька, сейчас Алька лежит в больнице. Кстати, поправляется. И, наконец, Борька.

17. Ходил вчера в кино. «Красные дьяволята». Мировая... Сегодня читаю книгу Диккенса «Домби и сын». Ничего...

9.10.42 г. Уже вот 9 дней учусь в техникуме. Попала в 6-ю группу вся старая братва... Плохо, что по черчению нет у меня готовальни. По математике ничего не понимаю из темы «Приближенные вычисления». Не знаю, что делать. По экономической географии и русскому хороший старый преподаватель. Мастерские надоедают. Записался в нашу библиотеку, но мало, скоро думаю записаться в клубную и техническую. Насчет бумаги плоховато.

Часто отгоняем с Васькой Андреевым лошадей. Я чаще всего езжу на Карчике, здоровом, вороном жеребце. Любит крупную рысь, от чего я его отучаю. Васька ездит на типичном монгольском жеребчике Рыжке. Это рыженькая, низенькая лошадка с мировым ходом, но с плохим характером. Например, она сразу берет во весь опор, что я очень люблю, а также делает свечку, и потом нехорошая ее сторона та, что вздумает не пойти с горы и стоит вертится, но зато она много прыгает через канавы. А на Карчике я съезжаю с горы, лежа на спине.

7.11.42. Годовщина В.(еликой) О.(ктябрьской) социалистической рев.(олюции). Ходил с Васькой А. в столовую. Съели по 2 обеда. Учимся больше месяца. Я пока ничего. Даже получил от начальника техникума благодарность... Мало-мало каблили. Однажды я взял у Киселева из 8-й гр. очки и стал в первый ряд на линейке. Нач. делает какое-то сообщение. Я смотрю на него серьезно, тогда как сзади группа смеется открыто. Он стал на меня погля-

дывать и военрук тоже. Смех по всей линейке. Я протер очки, посадил их на кончик носа и задрал голову. Смех растет. Но я решил кончать и отошел назад. А на истории я взял сделал из бумаги ковшик (а воду достал из трубы парового отопления, где была дырочка) и налил под скамью впереди сидящему Панжинскому. Вышло очень комично. Был на «Ансамбле цыган». Понравилось. Сегодня провели электричество. Вот сейчас сижу и пишу при свете лампочки Ильича.

17. У меня плохо по геометрии. Думаю исправить. Сегодня разговаривал со студенткой из нашей группы Л. Она Анжерская, отец пропал без вести. Я люблю с ней разговаривать, она умна, начитанна. Мы с ней начали дружить чистой дружбой. Постараюсь укрепить ее... Прочел «Анну Каренину». Достал туши маленько и пишу. Надо будет последний раз. Оставить на чертежи.

19...Сейчас приходится нам здорово переживать. Частенько ходишь с поджатым брюшком. Свет горит не так хорошо: когда тухнет, когда зажгется...

1943 г.

17.1.43 г. Целый месяц не писал. Некогда, да и чернил не было... Живу сейчас плохо. Разве я думал 3–4 года назад, что буду есть в день 500 г. хлеба. Делаю так: возьму грамм 300 хлеба, мякиш в шарики с солью и в так называемый «суп» – воду и капусту, а корки с «чаем» – кипятком. Это не жизнь. Был бы моложе года на 3, дождался бы весны и уехал бы в Среднюю Азию. Еще хорошо, когда хлеба достанешь по блату 1 кг. через день, на станции, где мама стирает. Иван прислал письмо. Ничего особенного не пишет, только обижается на меня, что не пишу ему. Борьке Черникову мирово: их двое, хватит картошки на зиму и хлеба по булке в день достают. Марусин госпиталь эвакуируется назад, на запад, так как наши наступают. У нас в армии ввели погоны и мундиры, как в старой армии. Не дай бог, чтобы и кокарды, и эполеты, и аксельбанты всякие ввели.

19.2.43 года. Живем, как жили. Я понемногу питаюсь в столовой. Боре, Надьке, а особенно маме приходится туго. Брат пишет письма, что живет неплохо, ни в чем не нуждается. Но я думаю, что пишет так потому, что не хочет расстраивать маму. Я ему в ответах пишу тоже так, чтобы он не особенно заботился. Но он-то, наверное, знает, как нам приходится. Молодец Борька Черник. Я у него просил за деньги брюквы, он денег не взял, дал 2 брюквы и штук 10 здоровых картошек. Я не забуду этого. I семестр я закончил с 2 «посами». Меня сейчас ни к чему не тянет: ни в кино, ни на вечер, ни к учебе, ни к работе.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды.
Желанья? Что пользы напрасно и вечно желать.
А годы проходят – все лучшие года.

(Лермонтов)

Как это подходит сейчас к моему настроению.

Вода из чарки вкуснее, чем из черепка.

Вода из своей ладони вкуснее, чем из чужой чарки. Накорми человека щами, он запросит десерта.

У мамы вследствие того, что ее расстраивают, появилась привычка скрипеть зубами и рвать что-нибудь в руках (чаще всего мою или Борькину рубашку). На днях, когда она только хотела заскрежетать зубами, Борька сбегал к кухонному столу и, притащив какую-то тряпку, сунул скорей ей в руки. Она поняла и засмеялась. Пишу вечером. Сейчас ложусь спать (без ужина).

16. III.43 г. Сегодня наши войска оставили город Харьков, не успели закрепиться, опять сдали. Настроение такое: брожу как потерянный. Непобедимое веселье, вечный оптимизм... Такие слова кажутся пустыми, ничего не значащими, а когда-то я был если не веселым оптимистом, то оптимистом вплоть до войны. Вот, например, как я провел этот день. В 6 часов встал, оделся, умылся, пошел в столовую. Взял 200 грамм хлеба и порцию щей (так называемых), больше не дают. С 8 до 2 с подавленным настроением и урчащим брюхом отзанимался. После занятий взял 300 грамм хлеба, съел его дорогой к дому и даже не почувствовал. Хлеб ржаной, сырой, во рту липнет к небу, к зубам, к языку. Проклятая жизнь! На днях должна отелиться корова. Скорей бы!

16.4.43. Корова отелилась, теленка (мясом) продали. Купили сена. Я учусь ничего. Пока плюшек-двоек нет. Хожу на занятия шахматного кружка, меня даже выбрали председателем кружка. Буду учиться правильной шахматной игре.

30.4.43. Сегодня шесть лет, как мы живем без отца. Завтра 1 мая. Погода пока стоит ничего. Участвую в турнире (техникумском). Из 9 пока 4 очка. Еще 7 партий играть.

29 мая 1943 г. Получил недавно от Ивана письмо в техникум. Пишет про какие-то изменения в его жизни, что скоро будет присылать писем побольше...

22. Сдаю испытания. Русский устно и математику (алгебру письменно) сдал на хорошо. Геометрию устно и письменно, физику, русский письм. – на отлично. Еще осталась история (сегодня сдаю), химия, В.Д.П. Большая радость: вышло новое распоряжение из Москвы, насчет техникумов: 1. В армию не берут. 2. Рабочий паек. 3. На 2-м курсе 150 р. 4. «Отл.» и «уд.» – 25 % надбавки.

30.7.43 г. Давно не писал. Время не позволяет. Сдал все зачеты на «отлично». С 6-го по 22-е были в военном лагере. Досталось. Опишу когда-нибудь подробнее. 8 дней убирал покос. Пришел к начальнику... Направил работать в депо. Не знаю куда: или кочегаром, или учеником слесаря или токаря. Сейчас карточка уже 800 грамм. Немного полегче. Иван письма шлет. Выслал аттестат. Он старшина. Мама получает 400 р. В лагере я натолкнулся впервые на такую кричащую несправедливость! Описывать буду когда-нибудь лагерь...

27.7.43 г. Месяц работаю в депо учеником слесаря-экипаж – ника. Очень грязно. Почти всегда хожу грязный. Сейчас уже поспела картошка. Мы копаем без пощады. Сейчас я всегда сыт. Одно тревожит – ни обувь, ни одеть: сапожонки разорвались, рубашки нет ни одной. Дров нет ни полена. Сена дома 5 возов и в лесу 3 воза. Заметил: зимой, когда шамовки было мало – курил, как волк, а теперь, когда я относительно сыт, к табаку не тянет. Скорее бы учиться. Сходил раз за орехами на Суворовский хутор. 40 стаканов принес: на 350 р. продал...

13 сентября. Езжу на двуколке за дровами, как лошадь. Учиться уже скоро. Мне надо будет подналечь с первого месяца и не сдать темпы. Одно плохо: нет ни одной рубашки и сапожонки разорвались. На втором курсе в дневнике постараюсь быть многословнее, а в прошлый курс – что это были за записи! Самого-то отражения жизни нет. А сколько можно было написать! Сколько людей! Сколько характеров! Сколько случаев и происшествий...

29...Отремонтировал дверь у стайки, обвалил избу. Надька (младшая сестра. – Е. Ч.) уехала в Томск учиться в политехникум «муку молоть». Можно ожидать, что она назад приедет, до того она непостоянна.

7 октября. Мои ожидания оправдались. Надька уже дома. Теперь поступила в 8-й класс. Я с 4-го числа учусь в техникуме...

26. Я за последнее время сделал много проступков. 1. На подсобном накаблил, ругался с председателем и начальником подсобного хозяйства. 2. Послали на 2 дня второй раз – не поехал. 8. Сбежал с уроков – выговор. 4. На выгрузке капусты «вел себя подобающим образом». День в распоряжении хозяйственника... В пятницу начальник снял меня с уроков и послал... отгонять пешком овец из Тайги в Тутальск, 70 км. Рукавиц хороших нет, в сапогах, шамовка своя... Иди! Ну, пошел с одним парнем...

28...Пишу стихи. Немного нравятся, немного нет. Хочется лучшего. Никому не показывал. Да и не думал. Потому никто не может их хорошо покритиковать.

11.11.43 г...Сегодня вся группа идет в кино, а я сел за дневник да стихи. Написал «Я вспоминаю» и «В степи». Прямо скажу – плохие: гармонии нет...

Беспокоит математика. Но я буду на нее жать до тех пор, пока сок не потечет. Играю в шахматном турнире. 7 выиграл, 6 проиграл. Прочитал книгу «Наши тайны»...

25.11.43 г.... В. преподаватель молодой, по прозвищу «Ходя», со мной не в плохих отношениях. Очень хвастается своими знаниями... Я на его уроках больше, чем на других, допускаю шутки, реплики, и они больше, чем на других, удаются. Класс меня слушает и почти всегда разражается хохотом, если хохотом можно назвать девичий визг и ребячий рев

(правильнее: визг девчат и рев ребят). Если шутка чересчур опасная, хохочут только наиболее смелые...

4.12.43 г. На днях ходил в кино. «Воздушный извозчик». Так себе. Учусь танцевать. Одно плохо, что учителей нет. Да и не к чему, пожалуй, так как на вечере танцевать не в чем. С ребятами нашей группы не в плохих отношениях. С девушками не особенно, так как настроение их не всегда соответствует моему...

13.12.43 г... Читаю запоем. Прочитал: «Капитальный ремонт» Соболева. Самые лучшие сведения о старом царском флоте дали 2 книги «Цусима» и эта. Затем «Брынский лес» Загоскина. Хорошая, и в его стиле. Не знаю, как кому, но я думаю редкому юноше не понравится. Читаю «Клима Самгина» Горького. Какой мастер! На очереди лежат «Еврей Зюсс» и «Вокруг света с гривенником в кармане». Как хорошо погрузиться в интересную книгу и жить жизнью ее героев, т. е. чувствовать себя в их шкуре.

1944 г.

1.1.44 г. День Нового года, 31-го числа, т. е. вчера вечером, пошел на новогодний праздник. Прихожу. Там кругом часовые стоят с винтовками. Начальник и милиционеры, Ну, какой может быть вечер. Я ушел. К Борьке. Гуляю... Борька хочет ехать на Восток в какое-нибудь мореходное училище. Это его мечта. Стать моряком! Он ее вынашивает в себе с самого детства. Мать его поощряет. Вообще Новый год провели неплохо, чувствуя, что, может быть, последний раз вместе пируем: я, Володя Кривошеин и Борька. Мы обнялись и целый вечер сидели и пели, как редко пели до этого. Подражали цыганам...

10.1.44 г... У нас шамовка кончается. Я-то буду питаться в столовой, но мать с Борькой будут голодать. У нас сейчас новый начальник. Что-то вроде аристократа: со студентами общается через завуча... Заставляет прибирать волосы и вообще следить за собой в смысле аккуратности и чистоты. Какая может аккуратность, когда на мне неразлучный (прошлогодняя премия), затасканный костюмчик...

Прочитал рассказы Л. Толстого «Поликушка» – чудо! О, книги! Что бы я делал без вас в эти тяжелые дни? Безо всякой задней мысли скажу, что книги поддерживают меня, и крепко поддерживают. Откуда бы я брал бодрость и жизнерадостность. Они со всей своей изложенной мудростью не дают мне потерять авторитет у ребят, и я не знаю, что бы я делал со своим толстым носом, старым костюмом и длинной челкой, если бы не книги. Я не представляю дня, чтобы я не прочел десяток-другой страниц худ.(ожествленной) литературы.

19.1.44 г. Сдаю зачеты за семестр. Учусь совсем не хорошо, по всем почти «посики». Самое главное математика. Со второго семестра начнется механика. Тоже важная дисциплина. От Ивана долго ничего нет. Мама плачет. Уж маме-то горше всего. Беспокоится за него, да и здесь, дома все прахом идет. Сена не хватит, картошка кончается, нет ни у кого ни обуви, ни одежды. Сама в обрывках тряпья ходит. Недоедает, все нам отдает.

29.1.44 г. Нас распустили на каникулы. Делать нечего. У меня нет пимов и поэтому сижу дома. Схожу, разве, к Борьке Чернику. Там он достанет брюквы, сидим, жрем и спорим. А о чем спорим? Обо всем, что в голову взбредет. Достаточно одному из нас о чем-нибудь заговорить, как уже у другого есть на это готовые возражения. И, перебивая друг друга, до хрипоты кричим об атоме, молекуле, космосе, Печорине, Чайльд Гарольде, Китае и нашей Сибири. В этих спорах сообщаем друг другу свои мысли, чужие мысли, переплетенные с фантастикой. Сколько ни спорим, наконец же, оставляем эту тему, редко, впрочем, согл.(ашаемся).

Маруся, сестра, получила из Чернигова письмо от мальчишки из ее дома. Пишет, что родные ее живы, вещи целы, зовет Альку, «играть, мол, не с кем». Маня воспрянула духом, думаем весной ехать. Мирово бы и мне на Украину!

31.1.44 г. Сдал все зачеты. Осталась проба по мастерским. Меня удивляет нечуткость своих одноклассников. Конечно, моя внешность не особенно приятна, но ничего не поделаешь. Эти глаза, нос, костюм! Иногда бывает до того досадно, что наговоришь грубостей и даже неприличностей. Я сам люблю посмеяться, но потом все свожу на безобидную шутку. Переписываюсь с Н., но что толку. Ничего умного в ее письмах, ничего оригинального. Дома я себя веду отвратительно. Мама, сестра и все остальные издергались, измотались от нужды, голода, и подчас бывает трудно разговаривать с ними, не повышая голоса. Изредка плачу, хотя бы и стыдно плакать парню почти в 16 лет.

8.2.44 г. Сегодня последний день каникул. Прошли, и не заметил. Забавно: идет время быстро, оглянешься – и нечего вспомнить, и почувствуешь, что что-то утратил...

На днях Борька в техникуме начал надо мной смеяться, преимущественно над внешностью. Я сначала отшучивался, но потом он стал назойлив, как муха, да еще ребята ржут над

его, совсем неостроумными, шутками. Я не показал виду, хотя в груди все кипело, и ушел домой. Вчера днем, в обед повторилось то же самое. Борька, он так ничего парень, но найдет на него, и не дает проходу. К вечеру позвал меня к ним, помочь ему готовиться по электротехнике. Всегда с радостью помогу товарищу. Вечером я пришел. Он пришел домой через 5 минут и говорит матери: «Ма, я иду в клуб, на «Женитьбу Бальзамина». «А Володя учить пришел». «Нет, ма, иду в клуб». А надо сказать, что я в этот день ничего, кроме 500 грамм, не съел (это было утром). Пока Борька ел, я стал вспоминать маму, семью, обстановку, все конечно, по сравнению с Гуляевыми. Пришел Володя Кривошей. Мать Борьки стала уговаривать(ать) меня идти в клуб. «Денег, мол, дам, сходи, надевай Борину рубаху» и т. д. Я отказываюсь. А Борька стал меня раздевать; расстегнул мою тужурку и увидел нижнюю рубаху. Я еще отказался, попрощался и выбежал, буквально выбежал, потому что крик рвался из горла и я не мог сдерживать слезы.

Иван прислал письмо. Радость исключительная. Корова отелилась на 3 недели раньше. Телок маленький. Корова молоко не дает. Картошка вся.

21.2.44 г. Ездил на подсобное хозяйство на 3 дня. Перебирали картошку. Характеристика отличная, но намного отстал. Придется нагонять. Начал прорабатывать книгу «Исторический материализм». Не знаю, что выйдет. Конечно, трудно, но ничего. Вчера, в воскресенье, ездил в лес смотреть сено. Как прекрасна тайга зимой! Ее елочки, опушенные снегом, ее кусты, засыпанные наполовину, тишина, изрядно прерываемая свистом чечетки или щегла и, наконец, воздух, чистый, живительный воздух тайги: все оставляет о себе незабываемое впечатление. Если бы какой-нибудь музыкальный гений вздумал озвучить тайгу зимой и катанье с горы, представляю, какие бы получились звуки.

26.2.44 г. Завтра иду чертить к Борису Гуляеву. Я уже частенько у них бываю. Его мать боготворит его и довольна, когда придешь и поможешь заниматься. Отоварила мне сахарные и промтоварные карточки. Я уже несколько раз обедал у них. Едят хорошо по военному времени.

8.3.44 г. Мне уже 16 лет. Кажется, что прожил немного, но что можно было сделать за эти годы. Что я представляю в 16 лет. Высокий, худой, черный парень в желтых штанах и стареньком костюмчике. Что же я представляю изнутри. Главное, что меня занимает – это жизнь в настоящем и надежда на будущее. От такой жизни характер у меня очень непостоянен. То смеюсь и вызываю смех окружающих, то целый день угрюм и зол. У всех почему-то сложилось мнение, что я человек с повышенными способностями и не учусь на «отлично» только потому, что лень, но я же думаю про себя так: способности у меня есть, а не учусь на 5 потому, что не всегда есть настроение учить, потому что настроение вообще зависит от настроения желудка, которое у меня не всегда нормальное. Затем моя тяга к худ. литературе. На уроках я читаю, в столовке читаю и дома тоже читаю. От этого время, нужное для уроков, я использую на чтение. Курю я уже года 3, но не считаю это каким-нибудь преимуществом перед парнем некурящим. Даже жалею, что привык. Табак заглушает мелочи, неудобства: притупляет чувства и мысли, которые лезут в голову без «гарочки» в зубах...

30.3.44 г... Странные дела творятся в нашем техникуме. Возьмем нашу группу. Из 28 человек успевающих двое, и уже никого не удивляет, что человек имеет 5 двоек. В связи с указом Наркомпроса, который гласит, что «учатся не для оценок, а для знаний», учителя повысили требования и как бы в оппозицию никто не учится. Начальство тревогу забило, собрания устраивает, строит догадки, отыскивая всему этому причины. Говорят, что под крышей техникума скрываются элементы, укрывающиеся от мобилизации и армии и не заинтересованные в хорошей учебе, ведя агитацию, усиливая иждивенчество.

4.4.44 г... Сегодня нашу группу направили в совхоз № 5 набивать парники. До обеда работали ничего, потом я быстро ушел домой.

7.4.44 г. Не знаю, что со мною: или я еще глуп, молод, или уж у меня характер такой (хотя я думаю, что всегда можно его переменить), или мною руководит инстинкт, но иногда так и подмывает сделать что-нибудь такое выделяющееся из обстановки, выделяющее меня, не думая, полезно ли это мне и другим...

17.4.44 г. Снег на улицах почти весь стоял. Вчера ездил за картошкой в Ижморку. Привез немного. Начинается лето. Опять весенняя посевная лихорадка, потом сенокос, время, о котором я мечтаю целый год.

20.4.44 г. ...Получил паспорт. Теперь я, значит, совершеннолетний. Мне 16! Я 4 года думал, что в 16 лет буду уже почти взрослым, недостижимым. А все же остался таким, каким был.

6.5.44 г. Прошел май. Плохо прошел (для меня), не отпраздновал даже. С Борькой Гуляевым писали лозунги в магазин, думали, что обломится. Ничего не достали... 26 апреля ездили на подсобное хоз-во. Работа была – копка земли. Норму выполнил... Без особенного усилия исправил по математике на 5, а по стереометрии и алгебре на 4. Были двойки...

21.5.44 г. В связи с весенней посевной мало свободного времени. Я разработал 5 соток целины и один номер (три сотки) вскопал старой земли. Целину засадили, а больше семян нет. Вот сознаешь важность момента, а поделаться ничего нельзя (нас отпустили на 3 дня помогать дома). Сегодня воскресенье, последний день отпуска, но делать ничего нельзя, т. к. идет дождь, пойду сейчас к Б. Гуляеву чертить. Маня прислала письмо из Чернигова, пишет, что столько муки приняла за дорогу, столько голода, что лучше бы сидела дома и никуда не ездила. К тому же большинство вещей растащили, так что нам мечтать об Украине нечего. Скоро испытания, я почти не готовлюсь, некогда.

31.5.44 г. Ехал за картошкой с соседом, фронтовиком, на ст. Иверку. В Анжерке к нам на среднюю полку залезли две девушки, студентки мед. института в Томске (тоже ехали за картошкой, в Берикуль). Рядом со мной очутилась С.Г.², которую описать не могу, т. к. было темно, а при свете спички не много увидишь. Она запела. Как она пела! Пела, а я слушал и ничего не мог сказать. Потом разговорились, она ничего, умная, учится на втором курсе, общественница. Между разговорами опять пела. И такие песни и мотивы, что я при выборе не мог бы подыскать песни лучше, подходящие в тот момент к моему настроению. Сосед мой с подружкой Саши тоже разговорился и не обращал ни на что внимания. Лежать было тесно, она и я повернулись на бок, лица наши оказались в нескольких см. друг от друга. Моя рука невзначай легла на ее волосы, которые я стал перебирать и гладить. Темнота... В разных концах вагона храп, сопенье и кашель. На нижней полке какая-то старуха что-то шепчет... и в эту минуту она опять запела какую-то захватывающую душу песню. Я обнял ее левой рукой и, прижав к груди, стал что-то говорить. Она рассеянно отвечала. По всему моему телу разлилась какая-то теплота, я почувствовал влечение, которое не мог не почувствовать, как не мог не почувствовать любой юноша в мои годы. Но все возвышенное сменилось слишком прозаичным, т. к. вагон не парк, да уже Иверка была рядом. Я запомнил ее адрес и пожал руку. Она крепко схватила меня за воротник, приблизила лицо, и я увидел ее глаза при свете луны, светящей в окно. Ушел. Пишу откровенно, т. к. впоследствии, может быть, придется продумать и проанализировать свои поступки. Не знаю, что думал бы другой парень, как бы он это думал.

5.9.44 г. Отлежал мой дневничок месяцы, опять я его начинаю беспокоить. За лето ничего не писал. Но что я делал? Сдав испытания и перейдя на 3-й курс, был в лагере. После лагерей имел возможность полмесяца отдохнуть, а затем работал в депо. И что всего вероятнее, нуждишка нас нынче опять прижмет, т. к. дров ни полена, сена мало, а основного продукта питания, нашего «второго хлеба», т. е. картофеля, с поля накопили всего центнеров

² Здесь и далее, по этическим соображениям, фамилии даются не полностью.

8, на зиму же треба примерно 20. Выход из этого я нашел – мало-мало заработал – задача привезти. С мамой работали в Ижморке, буквально как кони, ели правильно, даже чувствую, что поправился. Брат Иван прислал письмецо с фото и с большой радостью сообщил, что получил «Красную Звезду». Я рад и немного горд...

2.9.44 г. Начались полным ходом наши занятия. Я в кругу ребят нашего техникума имею некоторый авторитет.

2.9.44 г. Вчера послали в совхоз работать. Косить. До обеда докосили – оторвались... Ехали когда в вагоне, разговорились. Говорили о смысле жизни, о гипотезе бессмертия души, о любви и пр. Кто больше реалист: Шолохов или Горький?

19.10.44 г. Родичи в Москве не забывают: прислали немного денег. Кстати. А вообще-то живем 7 лет без отца, и будто нет у нас родных, находящихся в лучших условиях жизни, чем мы...

Сейчас перечитал стихи, которые написал в прошлую зиму. Не понравились: все пропитано пессимизмом, скукой, тоской... Стать литератором – мечта, вероятно, неосуществимая. Но влечение и (не ошибиться) талант жили в этом направлении. Не думая, без записи рифмуются фразы. Но теорий стиха, даже азбуки стихосложения не знаю. Тянет к прозе, но ни разу не пробовал. Хочу, кроме занятий в техникуме, учиться в 10-м классе взрослой, вечерней школы. Справлюсь ли? Попробую. День жутко уплотнен.

Ходил в кино. Событие, так как хожу чрезвычайно редко...

21.10. 44 г. Вчера ходил в школу взрослых. В 10-м классе было кроме меня 2 человека. Итого со мною – 3. Сказал Володе Кривошеину (близкий друг до последнего дня жизни Володи Чивилихина. – *Е. Ч.*) – тоже хочет заниматься. Хочется аттестат получить. Я пришел – 1-й урок математика, но так как я уже ее изучал, то мне простенькая задача показалась азбукой. В школе ни одного парня. В 9-м классе трое девчат.

Большая неизведанная мною радость. Сегодня впервые стал за станок. Какое хорошее ощущение испытываешь, когда увидишь деталь, выточенную тобой. Я стоял у станка, кругом были ребята, девчата, не смотря на них крутил ручки, менял резцы, замеривал деталь, а у самого лицо все горело и глазам как-то было тесно. Я боялся друзьям взглянуть в лицо, чтобы не выдать своей радости, как мне казалось, слишком выпяченной.

Дома буза с дровами. Скоро зима – дров ни полена. Я не оправдываю себя, но и в особенную вину себе не ставлю это, т. к. весной еле дотянул, не до дров было, а летом – осенью не было времени...

Заработанную картошку не знаю, как будем возить. Пригородный наш «огородник», «поезд любви» ходить перестал, а у нас еще 8 центнеров картофеля в деревне.

22.10.44 г. Воскресенье. Целый день возился в нечистотах. Чистил стайку у коровы, уборную. Вечером механику грыз. Грызть можно, нужны крепкие зубы и челюсти. Не имеющие их называют механику наказанием божьим и страшат первокурсников этой самой механикой. Читаю хорошую вещь: А. Первенцев «Над Кубанью». Замечательная книга, описывающая кубанское казачество в период импер.(иалистической) и гражд.(анской) войны. Большое место уделено описанию казачьего быта, но, несмотря на это, общее впечатление от книги хорошее. Не нравится начало, самая малость, – первая сотня строк, потому что к серьезной теме, задум.(анной) автором, не подходит майнридовское: ветер, темь, блеск карабина, топот, лассо, пронзительный крик, и опять топот.

29.10.44 г. Воскр.(есенье). Пилил с мамой дрова. Надыбали в лесу по речке Березовке три валежины сухих. Ну и пилили. Прodelывал акробатические трюки с чурбаном на спине и балансируя на жердочке. Разок все-таки свалился в воду. Жгли костер. Без него нельзя работать. Под ногами мокро, сверху снег тает – тоже вода. На перекуре думал: нашу сибирскую природу описывают на все лады. И в действительности нигде не найти такого прекрасного уголка, правда, немного жутковато и однообразно-черно, но общее впечатление от

этой стены деревьев, мшистой земли, на которой лежат прошлогодние сучки и иглы елей, сгнившего ствола дерева с красной, мягкой серединой, вот этой речонки и буреломом через лес такое, что хочется воплотить это на экране с музыкой, чувствуемой, но необъяснимой. Я курил и думал, глядя на соседнее, упавшее через речку, дерево, что ему что-то не хватает; потом забыл об этом, и вдруг сразу осенило, что на этом дереве не хватает шишкинского медвежонка. Этак бы в свободное время прийти с другом, хорошим и отзывчивым, к этому месту и подумать, помечтать.

31.10.44 г. Был на занятиях, и кошмар: 2 часа отзанимались, четыре часа выгружали уголь. Перемазались (все в чистом), потом опять два часа позанимались. На днях пошел и достал чечетку, сейчас Боре (брату. – Е. Ч.) помогаю делать клетку, пусть ловит птиц, все равно бьет баклуши. Сегодня получил по механике заслуженную четверку. Забавный вышел случай. Вызвал меня Морозов, задал вопрос: закон Гука. Я забыл его точную формулировку, но знал, что по-старому читался так: «яко напряжение, так и растяжение». Ну и брякнул. А пока стоял шумоток, я обдумал ответ... Надо было менять паспорт. 17-го сменил...

3.11.44 г. Вчера ездил на подсобное на один день. До обеда утепляли овощехранилище, после – возили капусту. Вообще на это подсобное тратится много трудов, но толку мало, потому что никак не могут сохранить от мороза урожай. В столовке картошка всегда мороженая, на все подсобное одна лошадь, один поросенок, одна собака, да по десятку овец и кур. Разве такое подсобное надо для коллектива в 400 человек?... Хочу в эту зиму опять взяться за шахматы, несмотря на недостаток времени. Пока я играю дрянненько...

9.11.44 г. Я еще не комсомолец. В 45-м году вступлю. Что, подумаешь, за комсомольцы этого военного набора. Они почти принудительно вступили в комсомол, даже еще не осознавая задачи комсомола, его роль и вообще для чего этот Союз. А комсомольские органы производят насильную вербовку. Одни не вступают в Союз из-за боязни получить нагрузку, другие – из-за боязни выслушивать укоры: «Ты – комсомолец, а позволяешь...», третьи (меньшинство) – из-за батюшки-матушки. Я думаю вступить с полным сознанием долга и обязанностей комсомольца. Думал: выдержу войну с братишкой, сестрой и больной матерью, не выйду с пути – вступлю. Кажется, и Володя Кривошеин хотел вступать. Опять начальник послал на подсобное – завтра еду. Черт побери! Еду в сапогах, причем разорванных, а кто обут и дома нечего делать – ни разу не ездил...

15.11.44 г. Сегодня ходил в техникум вечером, взял книгу Э. Ласкера «Учебник шахматной игры». Буду мало-помалу прорабатывать его, с доской, конечно... Ходил сегодня в механический. Точил червяк к червячной передаче.

18.11.44 г. Научился танцевать. Танго и фокстрот. Вальс еще плохо...

22.11.44 г... Вечером пошел на профсобрание. Повестка была: довыборы в профком. Сначала была критика, отклики, потом довыборы. Ребята выставили меня. Какой-то желторотый первокурсник закричал: «что, мол, будем голосовать за тех, кого не знаем». Председатель крикнул в зал: «Чивилихин, встань!» Я встал на диван и простоял с полминуты, пока не умолк смех. Потом слез, сел и вижу, что начальник смотрит в мою сторону и смеется. Не знаю, выберут или нет, будет тайное. Не знаю кому, но кому-то хочется, чтобы я не прошел. На бюллетенях мою фамилию записали последней, голосовали тогда, когда 50 % членов союза не было (на 3-м курсе). Я знаю, что с работой я справлюсь, почему же некоторым кажется, что я только смешной, изредка хулиганистый парень. Третий курс за меня, я знаю, как один проголосует, а первый еще не все знают.

Техникумские дела (что бы ни делал) не приносят такого настроения, когда бы я на часок забыл дом, его нужды. У меня нет пальто или шубы, нет пимов (ни у кого из нашей семьи их нет), хожу в сапогах, обморозил палец. Вчера был мороз 41°, шел на собрание, обморозил уши. Напрасно Ленка Литовская терла минут 10 снегом, сегодня ухо стало сизым, скоро наверно лопнет. В чем ходит мама, я не представляю – пришили галоши к старым

голенищам. Боря – милый братишка, не учится, видно, что учиться крепко хочет. Беспокоит, что картошка (около 100 ведер), заработанная нами в селе Ижморская, наверное, пропадет.

Мама каждое утро плачет, проклиная дрова, печь, Гос-обеспечение, нас, себя. Гособеспечение надо проклясть. Надька, мама ходили туда, обивая пороги, Ваня писал, по-фронтовому не церемонясь, – ничего, в течение трех лет. Говорят, что это не гособеспечение, а бла-тобеспечение.

26.11.44 г. В профком выбрали большинством голосов. На днях принимали в профсоюз. Когда-то совсем недавно был сам первокурсник, а теперь уже первокурсники – заикаются...

Мама простудилась и серьезно заболела. Если она сляжет – капут. Борисок, мой Монтя Пузатый, наверное, скоро пойдет в школу: благодаря Ваниному письму к военному прокурору – выдали валенки и бушлат. Морозы стоят удивительные. В ноябре такого давно не было. От 40° до 50°. Болтают, что на днях будет 60°. С моей одеждой – жуть.

8.12.44 г. Первый раз по неуважительным (вообще) обстоятельствам не пошел в техникум на занятия. Вozил уголь. За три раза привезли с мамой 375 кг. Отдыхал дома, услышал по радио какую-то информацию сберкаcсы. Вспомнил отца: когда он поступил кондуктором – тайно ото всех положил на мамино имя в сберкаcсу 2000 р. Неужели предчувствовал?... Прочел М. Зощенко «Перед восходом солнца». Поразила. Описывает себя молодым, разочарованным человеком, которому остается под влиянием меланхолии: «обратной стезей скорей вернуться в лоно небытия» (Софокл). Причем, для обрисовки и характеристики этой тоски припомнил 63 случая из юности и ранней зрелости: встречи с Маяковским, Есениным, первыми и последующими любовными эпизодами. Все говорится к тому, что под влиянием новой жизни автор из меланхолика превращается в человека, любящего жизнь и использующего ее на пользу себе и другим.

Кстати, до этого Зощенко представлялся мне человеком не стоящим внимания. Его повести и рассказы якобы печатались для профанов и начинающих. И часто думал: «Зачем его печатают?» Профаном оказался я. А рассказы С. Скитальца – чудо! И что бы ни говорили...

18.12.44 г. Одна девушка назвала меня эгоистом. Это я уже заметил 2-й раз. Я зла не имею. Надо же принимать во внимание мнение других о твоих недостатках. Неужели я такой эгоист, что это бросается в глаза? Но видно, немного правды есть, но не настолько, чтобы выделиться от других. Эта девушка первая, заметившая во мне такую нехорошую черту. Постараюсь следить за собой. И вообще решил бросить так шутить, так смеяться, потому что от этого никакого толку нет. Не хочу прослыть шутом. Это было бы для меня слишком неподходяще. Сегодня ребята собираются на вечер в клуб. Не пойду. Сходил бы, да не в чем. Вчера пришел Володя – мой друг. Я лежу в постели (потому что мама чинила брюки), и он вынужден был сесть к столу, отворачиваясь от меня, чтобы я мог одеться не смущаясь. Вполне тактично. Вот этого я стыдиться не должен, не буду стыдиться! Это будет ложный стыд.

Почему-то обругал одну девушку, мою одноклассницу. Она назвала меня «уродом». Весьма метко, как думает она, да если разобраться, и я. Дал почитать Скитальца, моего истинного друга, который успокаивает меня, Лиде Гущиной. Интересно будет послушать ее отзыв. Читаю чеховские «Сахалинские записки». Чехов мне больше чем нравится. При слове «Чехов» я представляю себе Астрова, Беликова, дядю Ваню и над всем этим самое его личность, соединенную с положительными типами его героев. Фигура получается какая-то осязательная, необъяснимая сначала, задумчивая, потом обличительно улыбающаяся, и в конце концов все расплывается и исчезает со словами: «Плохо вы живете, господа!»

27.12.44 г. Сегодня и вообще за последнее время боксуюсь с ребятами. Больше – с Володей Кривошеиным. Он сильнее меня, но удар у меня «аккуратней». Говорит, что бью толково. У меня преимущество – длиннее руки. При одновременном ударе он не достает...

31.12.44 г. 2 вечера. Сижу, встречаю Новый год. Сегодня произошло весьма интересное. День прошел обычно. Пошел в техникум на новогодний вечер... Зашел к Володе Крив. Он собирается. Надевает костюм хороший, сапоги. Я же в своем повседневном и в старых пимах. Узнаю, что утром меня назначили в караул на ночь 2 января 45 г. (Я не ходил в депо на практику, нет подходящей одежды, одно неизменное, повседневное). Приходим в техникум... Военрук меня увидел и говорит: «Ты назначен сегодня в караул». «Я уже три раза был в карауле – многие ни разу». «Заступайте на пост». «Уйду домой, но не заступлю». «Не уйдете вы домой!» Он глянул на меня и отвернулся: «Получите 10 суток гауптвахты». Я вышел из курилки... и ушел. Дорогой встречались друзья. Советовали вернуться. Пришел, расстроился, схватил Толстого «Поликушку», прочитал, совсем стало нехорошо. Глянул под ноги, увидел свои заплатанные брюки (тоже «повседневные»), зло плюнул. Затем вспомнил о семье, о маме, о ее жизни (она мне кажется идеалом матерей и человеком адских мучений и великого терпения), Под сердцем что-то засосало. Вспомнил слова начальника: «Что, мол, я тебя с целью поставил на караул». Что за цель? Или моя физиономия просто не понравилась, или характер узнать хотел. Что же? Вероятно, узнал, но губы даст...

1945 г.

7.1.45 г. Начался еще год. Что же он принесет мне? Какие изменения в жизни? Сегодня погодка днем неважная. Пошел к Черникову и выиграл три партии. Решил соригинальничать.

Встал на лыжи, объехал три квартала, завернул на соседнюю улицу и назад. Сразу почувствовал себя легко и хорошо. Сел учить. А что, если каждый день делать вечером перед занятиями прогулки? Неплохо будет, а время уйдет минут 20...

Последнее время занимаюсь спортом, хотя базы – никакой. Все мимоходом. То жму крышку от чугунной печки, то выжимаюсь на крюке в балке, то стойку гну на полу и на стуле. Когда взял первый раз крышку, едва выжал 20 раз (килогр. 14–15), а теперь уже 30 раз.

Начальник выполнил-таки свое обещание – посадил меня на 10 суток. Вот при мне и отношение и выписка из приказа (хотя мог бы обжаловать вполне). Собирался ехать в деревню, урегулировать вопрос насчет заработанной картошки. Придется отложить. Прочитал книгу «Багратион» С. Голубова. Добро.

15.1.45 г. Сегодня вышел с губы. Отсидел 10 дней. Вот выписка из моей записки: «Сижу на губе уже седьмые сутки. Спим с 2 до 5 часов. Когда уберут топчаны, устраиваем дополнительную спячку... В столовую водят два раза, принимают передачи из дому. Хороший народ паровозники, и вообще человека узнаешь, когда с ним поживешь дней 10–20. Работал я так: дней 6 – топили печи в общежитии, два дня ходил на уголь и два дня не делал ничего. Теперь мне знакомы 4 машиниста... Я решил, что гауптвахта эта не наказывает и, тем более, не поправляет преступника. Рабочие здесь только отдохнут...

16.1.45 г. Картошка – вся. Мы опять в «блокаде». Придется ездить. Продавать-покупать...

22.1.45 г. Вчера приехал из Ижморки. В деревню не пошел, был здоровый мороз. На базаре купил немного крахмалу и приехал на тендере назад. Кто не ездил на тендере, не знает, что это значит. Вдобавок ко всему отобрал милиционер документ из Военкомата, но я сбежал, не знаю, что будет. Дома шамать нечего. Сено скоро все. Надвигается. К тому же одежда износилась. Если в ближайшем будущем не выдадут костюмов – хана.

«Придет время, все узнают, для чего все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать». А.П. Чехов. «Три сестры». Ирина.

Ребята в техникуме обо мне думают не то, что я представляю. Поведение – слегка шутовское. Надо прекратить. А понимать – еще ни один не понял (и не одна). Мне понятны почти все. Каждого можно разобрать. Здорово отстал по механике – почти догнал. Прочитал «Испытание» Вилли Бределя. Добро.

26.1.45 г... Иван прислал письмо. Давно уже не было. 8 лет в армии и только лейтенант. Шамать нечего. Завтра опять еду на «гастроли». На этот раз в Юргу. На запад. Хожу как оборвыш. Смены никакой. Чехов устами одного из героев говорит: «Мы будем жить. Проживем длинный-длинный ряд ней, долгих вечеров, будем терпеливо сносить испытания, что пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную и на теперешние наши страдания оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем. Я верую, верую горячо, страстно». («Дядя Ваня»). Увидеть эту жизнь хочется не за гробом, а тут, на земле. Я тоже верую горячо и страстно, что я увижу такую жизнь.

28.1.45 г. Вчера был вечер в техникуме, впрочем, о нем мне нечего писать. Не был я. Был у ребят. Все собираются, одеваются. Мне же нечего одевать. Сегодня ночью в 3 часа сгребся и на поезд в Юргу. Приехал, сходил на базар, купил картошки и назад. Днем прие-

хал. Вот эта постоянная забота о куске хлеба как-то воспитывает, чему-то учит – не могу объяснить. Был у Володи³. Мечтали об институте. Были бы у меня условия, я б обязательно уехал. Надо выписать это: «Самое главное – жить и делать свое дело, и смотреть, и слушать, и учиться, и понимать, и писать, когда у тебя есть о чем писать, но только не раньше, и черт возьми, не слишком много спустя... Главное работать и научиться этому». (Э. Хемингуэй, «Смерть после полудня»)...

6.2.45 г. У нас в техникуме уже идут зачеты. По паровозу и немецкому у меня зачет. По теплотехнике буду держать экзамен. По технологии – все сдают. По остальным – не знаю. Главное – не получить экзаменов по механике. 4-го числа ездил (...) на подсобное за картошкой. Завуч выписал 30 кг. Привез. Пока живем. Давно ничего не читал. Вообще-то уже перечитал немало.

Если мне суждено и я буду техником на производстве – необходимо 80 % книг прочитать технических. Так и постараюсь сделать.

17.2.45 г. Сдал экзамен по технологии металлов на 4.19-го буду сдавать по теплотехнике. Вчера ночью приехал из Ижморской. Ну и померз же я! Туда, ехал на тормозе товарного вагона. Была возможность прыгать, махать руками и танцевать танец шамана. Назад ехал на пассажирском, на площадке между вагонами. Ехало со мной 7 человек. Не было куда сунуть палец. В вагонах то же самое. От Ижморской и по Яе ехал в еще более неподходящем месте, а именно на передней площадке паровоза. Хватил добра. Зато узнал, как дела в деревне. Картошка кое-где померзла, ну, а вообще, ничего. День жил на «вольных хлебах». Дня 4–5 живем – привез картошки 4 ведра и малость крахмалу. В 20-х числах еду опять.

21.2.45 г. Сдал по машиноведению. Поучил и сдал на 5. Стипендия обеспечена. Хожу к Борьке Черникову, состязаться в уме и выдержке. Шахматы достойны этого. Успех – переменный.

5.3.45 г...Сейчас пишу порядок дня и буду стараться его выполнять, хотя написанный порядок будет мало чем отличаться от нового. Технической литературе – больше время, нежели художественной. Надо будет завести тетрадь, куда заносить новинки и достижения техники, отдельные вопросы, и т. д.

10.3.45 г. 7-го числа мне исполнилось 17 лет. Даже какого-нибудь намека на то, что в этот день мои именины, не было. Даже полдня голодный ходил. Сейчас усиленно занимаюсь. Сколько все-таки утеряно, сколько еще можно наверстать! Уметь ценить свое время – вот чему надо поучиться. Д. Лондон, выводя тип Вульфа Ларсена, сказал о жизни: «Из всех дешевых вещей – она самая дешевая». Такую точку зрения он отстаивает на протяжении всего романа. До чего избито!

Вульф Ларсен – фигура весьма индивидуальная, о нем можно поспорить.

26.3.45 г. Взял курсовое упражнение, ручную лебедку уже начал рассчитывать. За последнее время пятерочником стал, кроме немецкого по всем – пять. Занимаюсь все время. Так и придется до конца учебы...

17.4.45 г. Эту весну «блокады» не предвидится. Коровенка спасает. Выкидываю двухпудовку. Победа, т. е. успех. Проект двигается. Черчу. Двоек нет. Иван помогает. Недавно прислал 1200 руб. Сегодня красиво две партии выиграл у Борьки Черника. Притащил со станции кусок рельсы – кг на 25. Беспокою ее. Пять раз одной уже выжимаю.

9 мая 1945 г. Знаменательный день. Сегодня капитулировала Германия. Войне конец. Возможно, и даже очень, что будет война с Японией. До каких пор народ будут бить?! Кто?..

Я только сегодня приехал с подсобного. Боролись с картошкой. Утром поднят был Борькой Черниковым, который сдернул с меня одеяло и с криком: «Победа! Конец!» начал прыгать вокруг меня.

³ Володя Кривошеин.

Я поднялся хмурый и целый день чертил. Придется еще завтра день чертить.

22.5.45 г. Сдаю экзамены. Сдал «паровозы» на 5, механику на 4, немецкий совсем плохо, только на 3. Хотя и дипломная оценка, но ничего не напишешь. Курсовой проект сдал, защитил. Оценили – 5. Скоро в Красноярск. От Маруси нет уже давно ничего. Писать ленюсь или просто забываю. Часто думаю (когда возьму эту тетрадь, намарать в ней что-нибудь) – зачем я пишу? Ответа не могу найти. Несомненно, это как-то действует, да и уже привычка, бросать неохота. Иван – брат – прислал аттестат – кстати весьма. На экипировку...

С этой войной слова новые появились, которые в большом ходу: барыга, ксивы (документы), шансы (деньги), крохобор, прахаря (сапоги), хлебушко, и многое другое. Такие выражения: будем посмотреть, еще тот, война спишет; про что-нибудь хорошее, прочное говорят: «Миколаевское». Про здорового, удалого: «С Волги» и т. д.

24 августа 1945 г. Жалею, что вовремя не писал. Съездил в Красноярск на практику. 2 месяца пробыл. Нас 37 студентов поместили в большой школе. Жили большой семьей. Была возможность узнать друг друга ближе. Мы с Володией Кривошеиным кусок делили пополам, поэтому узнали друг друга настолько, что от этого и себя каждый из нас понял полнее, чем это было до Красноярска...

12.9.45 г. Работал везде, где только хотел завхоз. На днях ездил в Томск. Пробивая толщу бюрократии и ханжества (в поликлинике Горздрава, аптекарском магазине), целый день проболтался по городу. Читал Горького (22-28-й том). Рассказы и воспоминания о различных людях его эпохи. Горький – реалист (но не знаю, как об этом сказать), не полный, не сугубый. Заметна некоторая его склонность к преувеличениям чувств и характеров героев. Или, может быть, сверх-реалист; довольно!..

Прочитал памфлет Эразма Роттердамского «Похвальное слово Глупости». Читал с увлечением.

Иван опять на колесах. В Закарпатскую Украину подался.

17.9.45 г. Первый день занятий. Я не пошел, т. к. нечего одеть. Какая мелочь, а однако факт. Опять у меня ни костюма, ни туфель – ничего нет. Даже нет повседневного. Рабочее осталось.

25.9.45 г. Позавчера ездил за картошкой, заработанной мамой. На станции околевал ужасно. Ладно еще, что приволок из какого-то двора охапку сена, а то бы замерз еще больше. Вчера был на занятиях, еще не спрашивали, но я еще по-настоящему не брался.

Прочитал «Бродячую Америку» Эриксона. Некоторые моменты из жизни этих бродяг весьма приближаются к некоторым моментам из моей жизни. Сколько прочитано книг, но лучшей школой я считаю некоторые случаи в жизни: 10 суток губы, встречи со многими интересными людьми, 2 месяца без дома, работа в деревне, борьба за насущный и пр.

2.10.45 г. Предлагают место преподавателя по черчению. Незаметно додумался отклонить. Очень трудно будет и учиться и работать. Борьку выгнали со школы, жалко. Ходил устраивать, ничего не вышло...

6.10.45 г. Настроение переменное. Уже 2 дня не хожу на занятия. Причина незначительная, пустячная и (для многих) смешная – не в чем. Начались холодные ветры, изредка снег, у меня же «костюм» из чертовой кожи. Ни телогрейки, ни пальто. Когда бежишь из техникума, зубы выбивают дробь и сам дрожишь всем телом, какие усилия ни прикладываешь. К тому же проклятые, не повернуть шеей. И как здорово эти мелочи влияют на характер! Как ни крепись, а когда вспомнишь, что никаких предпосылок к лучшему нет, в груди накапливается какая-то злость, какая-то неуравновешенность, и нередко нетерпеливый жест, скрип зубовой и взгляд выдают. Как держаться? Я в среде обеспеченных, т. е. таких, которые имеют несколько смен, которые имеют несколько костюмов, имеют хорошее питание. Вообще обеспеченные. И многие хвастаются своими успехами в том или другом отношении. Чувствуя, что у меня бы на их месте вышло лучше – становится горько. И как заметно и приятно чув-

ствовать, что тебя уважают. Спуска я не дам никому, это знают и это почти единственный способ ограничить себя от насмешек.

А что есть комсомол? Это Павка Корчагин и Зоя, это храбрость и настойчивость, трудолюбие и дерзание. Но ведь качествами комсомольца может обладать не комсомолец. Я еще не комсомолец и не перерос. Сейчас самое главное – учиться.

12.10.45 г. От Ивана давно нет писем. Хоть бы в отпуск приехал. Вчера ездил за дровами на корове. Ужасная поездка была. Уже отвыкла от упряжи, бесится. 3 раза разбивала возок. Я сначала выражал все признаки неуравновешенности, а потом погонял, перекладывал воз и поднимал коровенку с каким-то дьявольским спокойствием. Но я вообще попросту псих. Надо воспитывать выдержанность...

14.10.45 г. Воскресенье. Вчера ездили на подсобное, на молотьбу. Ужасно устали. Я у молотилки стоял, отгребал, жутко.

Пылища и прочее. Но шутки не прекращались ни на минуту... В деревнях попадаются и неглупые мужички, с хитрецей, так сказать. Рассуждают о жизни и смерти, о политике даже, одновременно и с непреклонным авторитетом и с манерой придурковатого крестьянина...

17.10.45 г. Вчера заполнил анкету. Скоро я буду комсомольцем. Мать! Святое слово. Я посмотрю на свою мать, на ее согбенную спину, на ее опухшие суставы и согнутые пальцы, которым уже никогда не разогнуться. Сколько переработал этот человек! Сколько мало радости он видел! Сейчас одна цель и мысль – дети.

18.10.45 г. Вчера ходил на занятия кружка штангистов. Завуч руководит. Толково. Надо спортом заняться серьезнее.

23.10.45 г. Прочитал «Магистраль» Карцева, наша тема – железнодорожная. «Борцы с голодом» Поль-де-Крюи. Американец об американцах. Генриха Гейне прочитал какой-то том. Все о себе пишет, в юности. Есть места так себе, а есть хорошие. Все тоскует, страдает, любит, как все в юности. Пишет: Тот, кто любит в первый раз хоть несчастливо – тот бог... Нет, Гейне не прав, если бы было счастливо, то я бы чувствовал себя богом. Иногда даже нападает эта пошлая модность – меланхолия. И что всего хуже и противнее – настроение... Я сам себя ненавижу и смеюсь над собой после такого настроения, но ничего поделать не могу. Наверное, у всех такое бывает. Но эта безнадежность, эти напрасные надежды! Говорят, что о любви не надо говорить ей (ему), надо заставить понять...

31.10.45 г. Я был сегодня весел. Смеялся, шутил, не часто такое веселье бывает. Занятия кончились. Комитет собрался. На повестке «Прием в члены и пр.», сказал Костюк. Зачитал мою анкету, заявление, я рассказал в 15 словах автобиографию. Посыпались вопросы. Что я сделал?! Я молчал! Я молчал, смотря в окно. Как я еще молод, какой еще птенец. Не могу отстаивать свою правоту. Я знаю Устав комсомола. Меня его спрашивают. Я прищурил глаза, какой-то комок подкатил к горлу. Все сидят нахмуренные, серьезные. Я их знаю каждого, как свои 5 пальцев, и думаю – «нет из вас ни одного комсомольца!» Комсомолец знает устав и точно его выполняет. Не знает Устава из них 50 %, а не выполняют его все. Мне ли не знать обязанности комсомольца?! Я об этом думал много. Когда задают вопрос об обязанностях комсомольца – я молчу. Потом краснею, прошу заявление, анкету, выхожу из кабинета и рву их. Позор! Настроение ужасное. Я дрожу. Сел играть с чемпионом техникума – Найденовым.

И фактически обыграл – десница Божия помогла... На улице грязь, лужи. Видели бы меня, когда я шел, не разбирая дороги, разбрызгивая воду и сквозь зубы бормотал Устав ВЛКСМ. Шаг был парадный, взгляд орлиный, брюки и пальто в грязи. Сейчас смеюсь. Не часто бывает так. Пришел домой в 12.30. Мама открыла и сразу почувствовала что-то. «Деньги брал с собой?» «Карточки потерял? Двойку получил? Опять мат поставили?» – посыпались вопросы. Долго уснуть не мог. Почему нет друга – простого и хорошего?

4.11.45 г. Радость. Иван прислал письмо. Из Москвы тоже. Я дал маху. Надо было мне летом ехать в Москву. Скоро конец турнира. Мне еще 5 партий играть. Одна дивчина говорит мне: «Через несколько месяцев я бы хотела тебя видеть другим, с другой походкой, манерами и вообще внешностью». Вот дурочка, я бы сам этого хотел, но что поделаешь?..

7.11.45 г. Как остаешься один, мыслишки лезут в голову и начинается эта самая хандра. Пушкин сказал: «Причина скуки – размышление». Эту истину на себе испытываю и я. Друзей нет. Нет друзей. Что такое: или я слишком разборчив, или их вообще не может быть. Плохо без друга, без хорошего, понимающего. Без друга плохо. Пока нет возможности иметь друга. Я – беден. Все вокруг в этом отношении лучше меня. Порой я сам себя уверяю в своей значительности и на самом деле значительнее многих. Этого сказать никому не смогу, а только сам с собой.

Теория (забыл чья), Лябурдоннэ, что ли. Количество материи в природе невоображаемо огромно. Материя не возникает и не исчезает. Поэтому количество ее имеет какие-то границы. Человек, камень, дерево, Земля, Солнечная система есть воплощение материи, плод ее комбинаций. Через бесконечное количество времени возможна такая комбинация, когда Я явлюсь еще раз. Я буду вторым воплощением материи. Не верится, но хочется верить, если принять понятие о бесконечности.

Какая тоска, просто жуть. Сегодня бы выпил, что называется, но водки нигде достать. К тому же кончился табак. Сейчас бы табачком глушил всю мелочь, всю дрянцу души.

Ходил на воинскую площадку. Едет Армия на Запад и на Восток. Есть эшелоны почти полностью состоящие из девушек. Все понятия перевернулись...

8.11.45 г. Последний день отдыха. Вчера зашел к Черниковым, взял очки и пошел в кино. «Зоя» шла. Посмотрел за несколько лет картину – был в очках. Глазам приятно и легко...

Мечта моя – стать писателем. Это ужасно трудно, это почти недостижимо для меня, провинциального парнишки из захолустного сибирского городка. Я верю, что писать смогу, надо большое хотенье и учиться, учиться. Как было бы хорошо, если бы не было войны. Сейчас я бы уже учился на первом курсе университета.

11.11.45 г. Вчера писал, а кажется, что не писал очень и очень давно. Дневник – единственный друг. Только с ним я могу поговорить о многом, что я не могу сказать человеку, находящемуся рядом со мной, «другу». Плохо без друга. Ужасно плохо. Дни идут. Бесследно проходят день, ночь, месяц, год. Чем я вспомню свою юность? Почти ничем. Как горько! Но добро одно есть. Я воспитал в себе черту не так хорошую (в беспристрастии – плохую), это скрывать свое настроение. Как я иногда смеюсь, как веселюсь! И никто не подозревает, что это не веселье. Иногда стараюсь отвлечься, т. е. затеять спор или разыграть что-нибудь, чтобы прошла вся дребедень, застрявшая в голове. И эта дребедень за последнее время стала частым гостем в моей голове. Надо отвлекаться работой, занятиями, спортом, мандолиной.

Зашел сегодня к Щелоковым. Посидел у них. Как несчастны родители! Как несчастны они! Такой был человек, такой был *сын*.

Что есть одаренность? Что это есть недюжинный, с выдающимися способностями человек? Это есть ненормальность! Неудобно, а факт. Еще поручение – написать статейку в газету ко Дню артиллерии. Получил курсовое упражнение по тяговым расчетам. Надо прекращать. Что прекращать? За последнее время почти бросил уроки учить, читаю беллетристику. Белле долой! День должен быть уплотнен!

12.11.45 г. Настроение ужасное. Уплотнил! Раздумался о Петьке опять. Инфекция – микробы, общее заражение. Блажь! Здесь – судьба. Истина, что человек создает судьбу, но что и судьба играет человеком – тоже истина.

Я шишковал. Я был измучен, голоден, живот и руки были в царапинах, пот щипал тело. Я шишковал с пожилым уже кержаком. Он – уроженец здешних мест, типичный деревен-

ский парень, даже больше. С него бы писать портрет первого сына в крестьянской семье. Корпус его (и вообще тело) имеет какое-то странное положение: ноги полусогнуты, корпус в поясице согнут, руки опущены и висят, точно плети, болтаясь. Длинная шея вытянута и одна голова (не шея) занимает вертикальное положение. Не в обиду человеку скажу, что этот человек имел поразительное сходство с обезьяной, стоящей на земле. Еще добавить сюда характерный кержацкий акцент и чисто крестьянскую, грановскую хитрецу. Пошел дождь. Я стал тереть сбитые шишки – мой спутник лег спать здесь же под кедрой. Истерев все, я не заметил, как погрузился в размышления. Какой-то осадок остался, когда мы пошли опять лазать. Я полез на старого, комлястого лесного великана. Сбив все, я стал слазить (надо заметить, что слезать труднее, чем влезать). Вдруг коготь сорвался, и я попал в положение, которое привыкли называть критическим и «на волосок от...». Рука очутилась на переломе. Раздумывать было нельзя. Почти инстинктивными движениями я освободил руку и прочно укрепился на сучке. Внизу – метров 25. Видны макушки елей, стоящих рядом с кедром. Я – дрожал. Какая-то непереборимая дрожь сотрясала меня. «Сквозь ноги в навьи смотрю» – подумал я и в голове заворочалось: «Сучок ломается и... я лечу. Лечу или молча, окаменев, или крича, высоким, жутким голосом (голосом, которым кричал монтер – его било электричеством). Лечу бесконечно долго – неизмеримо дольше, чем 17,5 лет. Надежды, планы, мечты, *смысл* человека, все, все, все должно кончиться. Потом взрыв. Красное, огненное добела сияние... а потом тихо, очень тихо. И пустота, почему-то обязательно черная. Я мертв». Я – тот, который так хочет жить, который еще не жил, чуть было не отпустил руки, судорожно сжимавшие корявый ствол дерева. Я опомнился. Дрожь прошла, щеки горели. Это значило, что мозг работал, что я не струсил. Голова не кружилась. Добро! Я буду жить. Обдумав потом мое положение на сучке, понял, как я был близок к той черной, бесконечной и холодной пустоте.

Вечером ходил в парткабинет. Очень рад, что нашел материал для статьи. Домой шел радостным, погода была теплая, сил много и, если нечаянно залезал в сугроб, то, утопая по пояс в снегу, выкарабкивался из него, мягкого, прохладного и смеялся.

13.11.45 г. Исполнилось уже более 4 лет, как я веду дневник. Первая запись была 22 июня 1941 года, т. е. первый день войны. Записывать в дневник – уже привычка, иногда только подолгу не пишешь по разным причинам. Милый друг! Как часто я приходил и одному тебе свои мысли передавал. Записав накопившееся на сердце, чувствуешь какое-то облегчение. Не знаю, какими побуждениями руководствуются другие, пишущие дневник. Дневник – моя правда. Писать неправду – лгать самому себе.

Прочитав Петькины дневники, нахожу, что он писал не очень хорошо, даже плохо. Регулярно, каждый день перечисляются мелочи и мелочи. Кто его знает, почему он мысли не записывал. Иногда я, прочитывая старое, люблюсь фразой, построенной пусть не вполне правильно, но сносно. Иногда же опасаясь стать фразером и требую от себя больше простоты. И есть у меня одна мечта. Мечта, фантазия, по-другому названная, отличающаяся немногим.

Эту мечту я затаил очень давно, когда еще только узнавал необходимое, когда первый раз брал в зубы папиросу, когда просиживал ночи над Верном, Лондоном, Купером, Дюма и проч. и проч. Эту мечту я даже себе с затруднением могу передать, т. е. записать в дневник. Моя мечта – стать писателем! Не знаю, что будет дальше, но сейчас я только и представляю себя им в 60 лет с томиками и фамилией поперек переплета. Как было бы хорошо без войны. Меня война многому научила. Как меньше я бы знал жизни в мирное время. Хватил всякого.

Вечером пришел и сел. Сначала писал объявление, в техникум (личного порядка). Маленькая неприятность. Потерял кошелек. В нем – паспортина, док.(умент) из военкомата, студенческая, фото несколько штук, сотни полторы денег. Найдутся-нет, черт его знает.

Доволен, что эта неприятность не расстроила меня, что случается дов.(ольно) часто, после более мелких неприятностей.

14.11.45 г. Сейчас прибежал из техникума. Мороз ужасный – градусов под 40. Я в ботинках. Опять подморозил ноги. Дровишек дома нет. После всего – радуйся, смейся, работай. Приходится работать. Агитатор в группе, член профкома и почти что собств.(енный) корреспондент газеты «За кадры».

Вчера вечером, очень поздно слушал по радио стихотворения) Есенина. Чтец – замечательный. Я – приподнялся с постели и, вытянув шею, слушал. Какая прелесть! Скоро будет вечер вопросов и ответов. Задам же я задачек нашим профессорам!

Уже рву 46 кг правой и с двухпудовкой встаю.

Читал Достоевского. Удивительно точно раскрывает душу, вернее, трактует герою его поступки и, сообразно поступкам, мысли. Сегодня днем навязалась мысль – просто не находил места, думал о фразе: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Сначала вспоминал, чьи это слова. Остановился между Гёте и Пушкиным и все еще не могу вспомнить, чьи именно. Потом о смысле. Ведь это кричит человек, у которого в жизни действительно было такое мгновенье, до того хороша фраза. Я раздумался о себе. У меня не было такого мгновения и будет ли?

Я что-то очень много думаю о себе. Чтобы записать все – не хватит времени, а если тратить время на писанину, не будет времени думать. И к чему думать и почему применительно к себе. Неужели я вырасту неполноценным, неужели я буду эгоистом? Как еще мой характер неустойчив! Когда, интересно, он войдет в определенную рамку? Или, к черту все, встряхнул бы меня кто-нибудь как следует, что ли.

16.11.45 г. Ужасно мерз, идя из техникума. Мороз сильный. Подсчитал, что осталось еще 210 таких прогулок. Можно убить здоровье вполне...

Читал второй Петькин дневник. Все та же каждодневная запись. Много неправильных мыслей. Кто бы прочел и осудил мои дневники? Когда-нибудь будет...

Кстати, нашелся кошелек. Все цело, кроме, разумеется, денег. Лежала там записка, я учил, для затуманивания головы: «Любовь есть идеальность в реальности некоторой части бесконечной общности жизненной сущности, полагаемой в вожденности и осуществляемой телесностью. Понятие в любви абсолюта, как целенаправленные инстинктивные позывы духа суть...» и прочая ересь. Кто-то посмеялся над этой схоластикой.

19.11.45 г. В субботу был на вечере. Слушали лекцию на тему «Атом». Сейчас вообще по всему миру слушают лекции, доклады, копаются в книгах, университетских записках, отыскивая материал об атоме, его строении и пр. Причина – изобретение атомной бомбы. Это – страшнее (динамита), иприта, огнемета и «катюши», вместе взятых. Черт побери – лучшие творения человеческого ума обращаются против него же. Как далеко до коммунизма! Очень много (почти все) людей, которых я знаю, рвачи, карьеристы, и сколько слов ни подбирай, все они сволочи и гады. Конечно, они себе и другим не кажутся таковыми и не понимают своей низости и теперь такое время, фаза, но к чему врать самим себе, к чему судить с пристрастием о делах вокруг них. Печать кует деньгу и пишет не обо всем и не так, как надо. Если бы уже сейчас большинство людей жило «с Лениным в башке», то я бы еще увидел коммунизм. Сейчас люди живут с рублем в зубах. Война отражается регрессивно на средний народ и тем более низы. Люди за войну стали неврастениками, большинство истощено от долгого недоедания, нравственно пали.

Кстати об истощении. Я здорово перенес эту напасть – голод. Приходилось частенько идти голодным в техникум и там заниматься, не думая о мясном пироге или горячих блинах. Я часто тогда повторял себе слова Сатина: «Человек – выше сытости». До чего верно. Сейчас, когда все прошло, кажется, что было нетрудно. А было очень трудно. Довольно об этом.

Читаю Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». Книга хорошая. Много с чего сдержнула занавес. Слышал, что изъята, в библиотеке нет ее.

21.11.45 г. ...25-го – вечер вопросов и ответов. Я уже десяток спустил. И только три под своим именем, потому что анонимные вопросы не рассматриваются, а в некоторых случаях бывает неудобно ставить свою фамилию под каким-нибудь вопросом: интересным, насущным, гложущим и даже нескромным. Вечер обещает быть интересным.

23.11.45 г. Вчера вечером долго сидел в библиотеке, читал журналы. Много интересного. Особенно в заграничной технике. Когда на моей родине будет подобное? И.Б. Сафонов дал очки. Не подходят. Или мои глаза не одинаковые диоптрии имеют, или стекла разные. Все равно – скоро одену очки. Как это не хочется! Соседушки говорят, что девки любить не будут, но это, конечно, неправда. Да если и правда, то не так важно. Важнее – все прочее. Много желаний и проектов будет отпадать из-за этого. Значит: я буду человеком умственного труда. Добьюсь ли я большого? Хотя выше среднего? Не знаю. Кем я буду и чем буду (если буду) в 30 лет? «Темна вода в облаках». На тормозах занимались с 7-й группой...

К курсовому еще не приступал. Сегодня попробовал.

Сначала блудил в лесу этих коэффициентов, сил, нажатий, характеристик. Потом понемногу стал ориентироваться. Но дороги еще не нашел. Прочитал «Карманное богословие» Гольбаха. Довольно едкая сатира. Для нас устарела, но, как образец сатиры, долго будет жить. Дома холодно. Я – на Олимпе, т. е. на печке. Довольно возвышенные мысли и место. Кроме Олимпа у меня есть еще Прокрустово ложе, т. е. моя собственная кровать. Пружины сдали и опустились. Лежать можно только на левом боку. На этом ложе не разлежишься. Пробовал приучить себя спать на правом, но, чувствуя себя на положении Рахметова, делать было нечего, приходилось, однако, засыпать на левом боку.

Есть еще «зеленый ящик», что-то вроде «зеленой лампы». Мы в детстве (ватага ребят) собирались вокруг этого ящика. Этого штаба, «отряда Чапаева». Я был командиром, и весь отряд представлял нечто среднее между тимуровцами и квакинцами, пожалуй с уклоном к последним.

24.11.45 г. Судьба милостива. Вчера вечером Борис Найденов зашел ко мне. До 12 почти сидели, говорили, сыграли в шахматы, настроил мандолину и ушел. Сегодня будет вечер «вопросов и ответов». Интересно. Есть студентики, которые ни одного вопроса не спустили. Не знают, что спросить. Некоторые преследовали цель посадить в калошу наших «профессоров», некоторые компрометировали других, а кто-то даже задал Морозову Ф.Н. такой вопрос: «Долго ты нас будешь мучить?» И сей Морозов нашел этого грешника, обнаружив талант Шерлока Холмса. Я уже жалею, уже поздно, что не задал вопрос о теории относительности, суть, вкратце. Литературы нигде нет.

Пришел с вечера в 2 часа ночи. Вечер понравился больше всех вечеров за 3 года. Вопросы были и интересные и неинтересные. Григорцевич чудно говорил о дружбе, товариществе, любви, Есенине (мой вопрос). Говорили об отношениях между юношами и девушками. Я несколько неудовлетворен. Вопросов на 5 не ответили. Вообще все было хорошо. Был смех. Как могут действовать хорошие люди хорошими словами на человека! Я шел домой. Погода теплая. Тихо. Я шел и составлял себе программу жизни. Чтобы быть человеком, надо многое и многое. Многое мне надо воспитывать в себе. Самое главное, стержень, основа – у меня должна быть сильная воля. Я понял, что сильная воля является основой всех других положительных черт человека, и я обнаружил, что воли у меня нет. Воспитать ее – это первый пункт программы. Еще не поздно. Надо бросить курить. От сильной воли будет хорошая учеба, характер, да и жизнь. Будет момент, когда я скажу, что у меня есть воля? Будет! Изменить в корне отношение к людям! Эта пошлость на каждом шагу! Как часто я делаю глупости из-за нее. Я не могу смотреть молча на малейший признак пошлятины. И – высмеиваю, почти издеваюсь. Надо мне подавить черту, которая многим бросается в глаза

– желание выделиться, соригинальничать – действием или словесно. Все почти. Буду стараться придерживаться этой линии. Спать!

27.11.45 г. Воскресенье прошло очень быстро. Все время в этот день было потрачено на перемещение груза по горизонтальной плоскости, т. е. я возил дрова. 4 км. Вчера был тяжелый день. Я вечером долго не мог уснуть. Блажь лезет в голову. Пошел, надел лыжи и поехал. С полкилометра ехал при помощи одних рук все под гору и под гору. Потом пошел по Совиновскому. Я торопился. Мать дала сроку 10 минут. Доехал до Володи Кр.(ивошеина), въехал во двор и вернулся домой. Прошло 7,5 минуты. Сразу заснул.

Сегодня разобрал и выучил первую часть вальса «Майский сон» и учу (подается) марш «Привет». Красивые вещи. В эту зиму – лыжи. Может быть, последний год на лыжах.

Надо ограничивать себя беллетристикой. Однако вчера взял «Западню» Эмиля Золя. Хорошая вещь. Как надо знать людей, выводя такие типы, как Купо, Жервеза, Лориллье, Лантье. Я возмущался и хохотал над такой выпяченной пошлятиной во время пирушки у Купо, специально подчеркиваемой автором. А Гуже – «пересолен». Факт. Сажусь за «тяговые» курсовые.

Вечер. Тяговые-то стали подаваться, а по тормозам сегодня единицу получил. Принес ноты «Забывтое танго», сейчас выучил. Штангу брать нельзя. Где-то в ногах растянул жилы. Да и не буду больше.

Чорт возьми. Я совсем забыл (да и все забыли) о Борькиных именинах. Когда прошли – хватились. От Ивана уже 4 м-ца ничего нет. Будет громадное, неповторимое горе для нас. Особенно матери. Мне придется все взять на себя. Будущее нашей семьи, будущее моей любимой матери и братишки будет зависеть от меня. Тогда мысль о дальнейшей учебе придется оставить, и вместе с этим оставить многие мои мечты. На Надежду надежды мало, очень мало. Иногда я посмотрю на нее, на себя, как бы со стороны, и начинает копиться: «Бог мой, какое мы воспитание получили! Какие характеры и привычки! И при всем этом, какая мать! Это безропотное, трудолюбивое существо, прожившее всю жизнь без радости и развлечений, как оно свято и драгоценно! Мы бедны, но совесть чиста, и все женщины-соседки частенько приходят к матери поделиться горем и счастьем, она всем найдет слово. Я никакого воспитания не получил, все сам. И чтобы быть человеком, надо многое и самое главное – волю. Пора спать. Спокойной ночи, Владимир Алексеевич!

30.11.45 г...Размышления – от нечего делать, а когда размышления, здесь же и скука, и меланхолия, и хандра. Я начал заниматься, и поэтому другому нет в голове места. Доволен, что кончилось, вернее, сам кончил. Мечтать надо на досуге. Времени для лыж нет, и я, приходя из техникума, поздно вечером – освежаюсь. Встаю на лыжи и делаю километра 2–3 по улицам. Отрабатываю длинный.

3.12.45 г. Вчера ездил за дровами. Все ничего, только сердце дает перебои, покалывает иногда...

4.12.45 г...Прочитал 3-ю тетрадь дневника Петьки Щелокова. Бог мой. Как человек хотел жить и так мало жил. Впрочем, кто из нас гарантирован от скорой смерти? Мне, сознаться, хочется жить, и я начинаю понимать, что такое жизнь, что такое явление моего бытия, моего я. И иногда ко мне приходят настроения бесцельности жизни, и хочется создать цель, создать точку, к которой можно было бы стремиться. Иногда мне хочется, просто хочется, чтобы меня убили, мучили за других, за какой-то идеал, за человечество – за свою Родину. Иногда приходит в голову громада непонятого и непостижимого. За осознанием своего я приходит мысль – есть единственное я, а другого не существует, а вокруг ничего, ничего нет. И тут же мелочь поступков, мелочь учебы, мелочь работы, мелочь войны и все вокруг мелочь, мелочь, мелочь. Под этими различными настроениями, советами и приказами самому себе никак нельзя поймать себя, свое истинное лицо, до того оно еще непостоянно и незрело. В конце концов, если распустить себя, кто его знает до чего можно дойти.

Пожалуй, до петли. А что там – за кусочком свинца или за петлей? Там нет ничего. Но как-то это ничего не помещается в голове. Может, быть недумаящим, немыслящим – лучше? Пожалуй, так и есть. Но эти настроения, эту блажь надо гнать и гнать. Спи, Вовка!

5.12.45 г. Решил записать побольше, т. к. есть о чем. Сегодня утром съездил за дровами, вернее, сходил, т. к. везти пришлось на себе. После этого встал на лыжи и пошел в лес. Проторил дорогу к другой поленнице дров и – на Анисимовку. Как хорошо я провел эти 2 часа! Эта захватывающая дыхание скорость, эти опушенные снегом елки, этот снег, сверкающий и хрустящий – что может быть приятнее зимой. Много ездил и приехал домой – было почти темно. Хорошо то, что я не чувствовал усталости. Это достижение...

Познакомился с одной девушкой, некоей Л.К. Наговорили много хорошего. Первое впечатление ничего. Посмотрим. Если будет необходимо, можно будет сказать себе: «к черту».

7.12.45 г. Эти чертовы тяговые! Приходится много сидеть за ними... Наш курс перевели с утра. С одной стороны это лучше. Сегодня вечером ходил в кино. «Без вины виноватые». Все в восторге. Безусловно игра – прелесть. Художественное оформление – замечательно. Но самый смысл, идея?! Да ее и нет. Это не потому, чтобы иметь отличное от других мнение – это просто напрашивается. Как все это устарело! Эти «демонические» взгляды, эта дешевая «трагичность», этот мелодраматический сюжет, могли бы, кажется, увлечь и восхитить людей, живших 50—100 лет назад. Н.А. Островский, если бы сидел в зале, что бы он чувствовал? Игра была прекрасная. Кручинина (Тарасова) – чудо.

Я был в очках. Какие еще нездоровые отсталые взгляды нашей тайгинской молодежи на очки, носовой платок и малейшую вежливость! Ужас!

10.12.45 г... Бог мой! Что с меня будет! С 6 лет читаю, с 10 лет курю, с 17 лет одел очки. Можно поздравить с новым «человеком». Черт побери! «Конь конем». Сегодня вступаю в комсомол...

Принимали в комсомол. Что за приемка?! Полдюжины вопросов, биография и... все. Единицы уже собираются в кандидаты партии. Приходил в техникум вечером грызть «воду, топливо и смазку». Сплошь химия. Вот не люблю. Сегодня опять испорчено настроение. Шел. Мерз. Такая мелочь – одежда, а как она может расстроить!..

В Новый год организуется что-то вроде банкета – и на что я могу рассчитывать? Как эти одетые хорошо мне противны, как претят их фразы, когда подходит какой-нибудь хлюст и спрашивает: «Володя, почему ты не танцуешь?»... Девчат извиняю – некоторым хочется потанцевать со мной, а ребят – нет!

12.12.45 г. Сколько мечтаний и желаний не исполняется! Моя мечта – стать писателем. И она, пожалуй, неосуществится. Надо бы готовить базу. Я учусь в техникуме НКПС, а надо бы идти на юриста. Знал бы право, психологию, философию, что было бы неплохой основой для того, чтобы писать. Хотя много примеров того, что писатель имеет другую профессию: Тютчев, Грибоедов – дипломаты, Чехов – врач, Гарин – инженер и проч. Я не преуменьшаю труда, значения и ответственности писателя (хотя и ясно не могу представить), но эта мечта зародилась очень давно, лет 5–6 назад...

Читаю «Молодую гвардию» Фадеева. Роман о героях-краснодонцах. Нравится, да он и должен нравиться. Герои – юноши и девушки, все хороши, правдивы и самобытны. Ясно, что роман о молодежи для молодежи должен иметь что-нибудь романтическое. И оно есть – такое легкое романтическое покрывало на многих людях и эпизодах. Например, первое появление в романе Олега Кошевого в роли рыцаря-спасителя явно надумано. А вообще описано здорово. Я пока до конца не дочитал. На днях у нас с Лидой Черниковой (девушка из параллельной группы) зашел разговор о дружбе. Она спросила: «Как живешь?» Я говорю: «Плохо». «Что так?» «Друга нет». И она, осторожно подбирая слова стала говорить о том, что мне очень трудно найти друга, что я подразделяю людей на ниже себя и на наравне с собой

и что друга ищу среди последних, что я такой... Когда я спросил: «Какой?», она сказала: «Особенный, ну не как все». Эти истины я не думал показывать, но они, оказывается, очень заметны. А Черникова очень проста, очень.

А друга у меня действительно нет. Хотелось бы иметь друга среди девчат, но нет никого подходящего, т. е. нет ни одной, останавливающей на себе внимание. Вот так получается всегда: когда видишь, что девушка нравится тебе и ты хочешь с ней познакомиться, дружить – начинаешь замечать свои старые пимы, свою поношенную одежду, свои очки, нос и отворачиваешься от всех с горечью и обидой...

16.12.45 г. Сегодня дома была ужасная сцена: Надька – истеричка, мама тоже плакала. Мои нервы были взвинчены до крайности. Как я плохо владею собой! Чтобы заглушить все, я курил, курил, затем оделся и поехал в лес за дровами. Не жалея себя, вез быстро, не сбавляя темпа. Все прошло...

19.12.45 г. Радость! Иван письмо прислал. Он в Ужгороде. Должно быть, обоснуется в Черновцах. Имеет там должность.

24.12.45 г...Как я нагло хочу жить! И как не хочется умирать! Интересно посмотреть, что будет дальше, как будет дальше, что и называется тягой к жизни...

28.12.45 г. За последние дни буквально не было времени писать. Консультации, уроки, явки и прочее. За эти дни получил зачеты по всем дисциплинам. Результаты – три пятерки, четыре четверки и 1 тройка. Получил комсомольский билет. Я почувствовал себя комсомольцем, когда только взял его в руки, пожал руку секретаря горкома и глянул в его глаза. Здесь же получил как бы первое комсомольское задание: выступить от техникума на городском вечере молодых избирателей... Итак, я комсомолец. Я равноправный член этого союза. Постараюсь быть в нем не в числе последних.

Ближайшая задача – сдать на 5 технологию топлива, воды и смазки. Два дня учу. Надо еще закончить фельетон в газету. 2 часа ночи. Напишу фельетон и спать.

Последняя страничка тетради. Это уже третья тетрадь.

Писать я бросить не могу, уж очень давно я пишу, привык. Это – вместо друга. Вчера был на семинаре агитаторов... Сегодня было групповое собрание. Я давал речугу, потом читал и рассказывал о международной политике.

1946 г.

Итак, начался 1946 год. Прошедший год явился для меня годом больших изменений во мне самом. Я чувствую в себе приобретение какой-то уверенности в будущее. Что я собой представляю? Внешне. Я брюнет, обещаю быть выше среднего роста. Лицо не примечательное ничем, имею на нем довольно нелепый (кирпичиной) нос. Многие говорят, что у меня особый взгляд. Но это вскорости должно скрыться за очками. Плечи у меня довольно широки, и ребята говорят, что я незаметно «подался в крыльцах». Вообще физически развит, в числе ребят не из последних. Одет почти всегда бедно, не аккуратно. Это иногда доставляет много горьких минут.

Что изнутри? Об этом судят, обыкновенно, по отношениям с людьми в процессе общения с ними. Говорят, я имею способности. К чему? Об этом говорят вообще. Большой вес и значение имело для меня моя, как говорится, начитанность. Прочел я очень много, читал без разбора, что, конечно, не могло не отразиться на формировании характера, наклонностей. Даже и не знаю, что написать. Моя честность в крупных вещах – положительное качество, воспитанное. Иногда приходится стыдиться самого себя. Я бы не сказал о себе, что я трус. Я в детстве был безрассудно не трус, теперь стал, повзрослев. Многие мои недостатки, которых я внутренне стыжусь и которые надо искоренять, были следствием некоторых книг и, главным образом, среды. Можно без пристрастия сказать, что я имею кругозор шире, чем все мои товарищи. Основное, что противно, это моя заносчивость, можно сказать, презрительное отношение к окружающим. Это стараюсь прятать, но не всегда удается. Много можно говорить. Что получится – будущее покажет. Сейчас – обратить внимание на характер и, главное, воспитать волю.

Вчера выдвигали в Верховный Совет. От нашего избирательного округа выдвинут С. Работает в депо Тайга уже 24 года, начал учеником слесаря. Сейчас зам. нач. депо, Герой Социалистического Труда.

Все это меня интересует как агитатора в группе. Мне, агитатору, придется агитировать ребят. Я голосовать не буду, не хватает 1 месяца, а если бы голосовал, я бы с удовольствием вычеркнул С. Когда я работал в депо, на промывке, он был мастером. Старые рабочие знали и говорили, какими способами он продвинулся, выбился в люди. Он был очень близок Кривоносу (который одно время был начальником Томской), и это было основным фактором в получении Героя. И метод, передовой метод ремонта паровозов, не его метод, а старых, честных и незаметных тружеников, винтиков, а также старого зама т. Зайцева. Однажды я наблюдал из канавы за разговором С. с группой рабочих и бригадиров. Презрительный взгляд, ни тени участия, блажь авторитетным тоном. Неужели еще такие люди попадут в Совет?! Сверху ничего не видно. Сагитируют, колхозы тоже, а что касается старых рабочих, тайгинских, то результаты покажут. В этом я уверен.

«Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном поиске правды и смысла жизни» (чеховские слова). Как это чудно сказано, но как люди, эти человеки духовной деятельности попрали правду, попрали человеческое отношение к человеку и попрали даже то, что ими диктуется о смысле жизни. И добившись, чего хотел, этот человек говорит себе: я обладаю недюжинной способностью, я знаю людей, я исключительно быстро приспособляюсь.

Сейчас пришел из кино. Шла «Дни и ночи» по Симонову. Я читал этот роман о Сталинграде, он мне не очень понравился. Слишком, мне казалось, неверного много было, неправильного. Посмотрел фильм. Я был в восхищении...

Пока ужинал, слушал Штрауса – «Сказки Венского леса», «Жизнь артиста» и другие. Я немного начинаю понимать музыку. Конечно, во всем надо увлечение...

8.1.46 г. ...Сегодня день так себе. На улице метель. Я болтаюсь от стола к койке, от койки к столу. Пошел отгрести снег с крыльца, и опять старое. Мандолину взял. Хорошая штука «Прекрасный розмарин» Крейсера. Чудно. Сейчас сел и не знаю, о чем писать. Надо вспомнить Столбы. Когда я ходил на них, у меня д.(олжно) б.(ыть) настроение было такое – они мне не понравились. Сейчас я с удовольствием бы ползая, и, кажется, нет в природе ничего лучшего, более величественного и спокойного, чем эти громадные, хаотические нагромождения камней – последние отроги Саянского горного хребта.

Мы слезли с поезда на станции Енисей. Толпы народа идут на юг по хорошей торной дороге. Дорогой спрашиваем, как обычно, у попутчиков: далеко ли до Столбов, что они представляют из себя. Красноярские ребята говорят по-разному, какой человек. Прошли деревню Базаиху. Накинулись на базарчик – на квас, морс, молоко, табак. День стоял чудный. Дорога шла вдоль Енисея, вокруг нас за высоким забором были какие-то цветники, ягодные кустарники и пр., садоводство какое-то. Пройдя км 5, мы приблизились к лесу. Над нашей головой журчал деревянный водовод. Этот деревянный желобок вел воду к цветникам. Когда мы прошли некоторое расстояние, он шел в полуметре от земли, в тени сосен, акаций, пихточек. Мы с удовольствием пили из него. Пройдя небольшую выемку, стали подниматься вверх то круче, то положе – километра 2. Это был так называемый Пихтач. Над нашими девушками подтрунивали, спрашивали о состоянии ног. Чтобы не удаляться далеко – вокруг все было чудесно. Травы, цветы, запахи, с левой стороны громадный сток и т. д. Стали попадаться камни, гладкие, шероховатые, мшистые снизу и блестящие сверху. Мы разглядывали их, т. к. большинство не видело подобного там, в Тайге, среди глины и болот. В общем, пройдя км 12, мы очутились в большой низине с хорошенькими чистенькими дачками, площадками, трибуной. В одной из дачек мы и расположились. Зажгли костер. Уже темнело. Достали котомки, заварили кашу. По всему лесу вокруг дачек слышались песни, оживленный говор, даже гармошки и баяны. Утром, чуть рассвело, мы с проводником, паренком-столбистом, не стали дожидаться всех и в числе 5-ти человек пошли на столб встречать восход солнца. Сначала даже не представляли себе, что это такое и на что они могут походить. Пройдя с полкилометра, все карабкаясь вверх, подошли к подножию Второго столба. Этот Второй столб имеет деревянные лестницы, для дамочек и для таких, как мы. На вершине – площадка с трибуной. Витька Зубов – паренек-столбист полез по отвесной стене – мы по лестнице. Залезли на вершину. Вид – чудный. Второй столб – самый высокий. С него видно Первый столб, Деда, Прадеда, Дички, Перья и др. столбы. Прошло немного времени. Откуда-то из-за камня вылез Витька. Он опять исчез. Вдруг через несколько минут слышим шорох. Посмотрели в щель неподалеку и видим, что он ползает вдоль щели, расклиниваясь и цепляясь пальцами за шероховатости. Вылез. Солнце показалось и озарило все вокруг. Мы приветствовали его свистом, криками. В это время залезли и другие ребята и девушки на Первый столб. Оттуда – чуть слышно доносилась «Цветочница Анюта» под гитару, которую тащил на спине какой-то столбист. Мы любовались чудной панорамой, Енисеем, который дает изгиб в этом месте, трубами Красноярска и головокружительной высотой. Слезли и пошли на Первый столб. По дороге видели надпись «Победа», сделанную 40 лет назад какими-то революционерами. Столбисты – отчаянные ребята, спускали девушек на руках, бравировали удальством. В своих широчайших шароварах, длинной белой рубашке, жилетке, широкополой шляпе и длинном красном кушаке стоял один на краю пропасти и с гитарой в руках раскачивался. Девчата пищали. Затем мы втроем залезли на Первый столб. Подъем был очень трудный, по т. н. патушкам. В одном месте я проверил свои нервы, сделал то, что и столбист. Ребята не рискнули. Залезли, обозрели все вокруг и назад. Первый столб вообще самый интересный. На нем «колокол» – камень внушительных размеров качается. Раскачав его, ударяешь по другому камню. Получается характерный звон. «Качающийся камень» – громадный камнище, который качается, как на шарнирах. Я испытал удовольствие покачаться на нем. Слезли,

побежали на «слоне» (метров 10 высоты наклонная стена). Надо с разбегу забежать (подъем градусов 85), уцепиться за гребень и довольному – оскалиться. Придя, пообедали и на Енисей. До вечера пролежали там. Потом большинство в одних трусах пошли к ст. Енисей. В Базаихе не отказали себе в удовольствии покупаться в мельничном пруду – очень глубоком и мутном. Несколько человек (и я в том числе) прыгали с моста в водопад. Опасное, но приятное до крайности развлечение. Измученные, но довольные и счастливые приехали домой, т. е. в общежитку.

10.1.46 г. Сегодня я конь. Съездил с мамой два раза за углем, 200 кг привезли. Дорога плохая. Пришлось нажимать. Я все еще не могу привыкнуть к этим взглядам знакомых и незнакомых, когда везешь что-нибудь. Неудобно как-то. Отдыхал, довольный. Хорошо, когда сработаешь много и скоро отдыхать. Вчера вечером был в техникуме. Получил письмо от красноярских девушек – Нины и Мильчи. Двух подружек. Чудесная жизнь у них. Летом я некоторое время проводил с ними, больше со второй, а первая все же интереснее. Живая, поет, хорошо рисует, на аккордеоне играет. Вообще-то Нина и написала. Пишет о своих товарищах, лыжах и пр. Писать ответ не буду, нет никакого интереса...

11.1.46 г. Прочитал 8-й том А.П. Чехова. Особенно понравились две вещи: «Моя жизнь» и «Черный монах». «Моя жизнь», пожалуй, лучшее чеховское произведение. «Черный монах» – тоже хорошая вещь, показывается мания величия...

Скоро в депо. Опять мазут, грязь, усталость до отупения. Это будет последняя наша практика.

Мама ушла за хлебом, и с самого утра нет. Черт побери! Когда кончатся эти усилия, эти заботы о насущном. Кажется, что за него только и стоит работать. Сейчас я нуждаюсь и остро нуждаюсь. Война крепко отразилась на материальном положении нашем, как и многих других. На некоторых, война оказала то влияние в материальном смысле, что развели скотину, понакупили вещей, в банк поналожили.

12.1.46 г. Вчера вечером, приехав с углем, я стал на лыжи и в лес... Так хорошо было одному, и так спокойно было внутри. Я оперся о палки и минут 15 порол импровизированную блажь. Говорил медленно и тихо, чтобы следить за рифмами и гармонией стиха. Когда очнулся, заметил, что получалось что-то хорошее.

Боги сбесились. Буран ужасный. Соседнего дома не видно. На улице заносы. Идешь – разговаривать трудно – ветер толкает слова назад. Хорошо, что есть топливо. Дома тепло. Сегодня мамаша залезла в подполье и обнаружила, что остается мало картофеля. Опять нам грозит «блокада». Она настанет в самое горячее время – практика, гос. экзамены, работа. Сколько впереди трудностей. Выдержка будет иметь большое значение... Что надо отметить за прошедший период? Самое главное – обретение в лице Б.Н. – друга, которого я искал и хотел найти. Это такой друг, который мне и нужен был. Умен достаточно, имеет широкий кругозор, честен.

18.1.46 г. Воскресенье. Сегодня целый день читал С. Бородин «Дмитрий Донской». Хороший исторический роман. Учил «Амурские волны» – старинный вальс...

С надеждой смотрю вперед, на нашу практику. Хочется провести ее с максимальной пользой. Как быстро бежит время. Действительно: жизнь – река, молодость – водопад.

14.1.46 г. Скоро работать. Спецодежды нет. Есть она, но далеко, в Новосибирске. Завтра едем. Я поеду. Хочется посмотреть на Сибирскую столицу. Придя, съездил с мамой за углем.

Дорогой потерял душевное равновесие. Встречалось очень много знакомых, смотрят на меня в роли лошади, на мать, которая бежит сзади. Она одета была беднее и хуже любой нищей. Кругом заплаты, лохмотья. Я был спокоен, жутко спокоен, но внутри все кипело. Сказал маме, чтобы не помогала, и повез один, выбиваясь из сил, по этой проклятой, еще не торной дороге. Вез так, что во всем теле слышал сердце, его биение, прыганье. Мама еще пробормотала: «Родное дитё, а так командует». Мне стало больно и нехорошо. Приехал

когда, все сбросил, смыл пот, пополоскался холодной водой, закурил и прошел в комнату. Только тогда заметил сидящего там Борьку Черникова. Как хорошо, что все прошло и я не затеял бузы. Поиграли с ним в карты. Он тоже едет в Новосибирск.

Сейчас 10 часов. Ложусь. Буду слушать «Хованщину» Мусоргского. Смотри, не засни, Вовка.

17.1.46 г. Два дня не писал. 15 января собирались ехать. Билет закомпостировать не было никакой возможности. Вчера пошел в депо. Ремонтировали паровоз ФД 20-2379. Этот паровоз ремонтируется бригадами сверхурочно. Вагонное депо сверхурочно ремонтирует 20 углярок. В Анжерке шахтеры рубают уголь сверхурочно. Все это в честь выборов пойдет в Москву. Едут 2 бригады. Как бы я хотел попасть кочегаром с этим поездом! Сегодня опять попробуем уехать в Новосибирск. Пожалуй, уедем. Привезем спецодежду, тогда можно будет смелее браться за грязь, мазут, масло, которые толстым слоем покрывают детали и инструменты. Нам ничего не заплатят, но делать буду все, что заставят. Такие-то дела.

20.1.46 г. Вчера приехали из Новосибирска. Я первый раз был в этом городе. Побродить не удалось, т. к. доставал краски, дюраль и прочее. Успел съездить на ипподромный рынок, купил мыла и назад. Театр оперы и балета не удалось посмотреть. Жалко. Ну, вокзал замечательный. Лучший в СССР и второй в мире (после Берлинского). Громадные залы ожидания, паркетные полы, два кинотеатра, рестораны и пр.

Вчера же проводили сеансы спиритизма. Я вообще-то не верю в спиритизм, но все-таки много еще загадочного, много. Дух Ломоносова меня обрадовал – умру в 1948 году (В.Ч. умер в 1984 г. – Е.Ч.) Спросил у Л. Толстого: «В чем смысл жизни?» Он ответил: «Мне не жить, а вам. Живите как нравится. Этого никто не знает». Интересно то, что объясняет это наука или нет. Едва ли.

Сегодня в депо. Ужасная грязь. Попалась работенка ужасная. Отваливали и ставили краны Эверластинга. Достойна многого работенка.

23.1.46 г. В депо разбомбил большой палец правой руки. Самое плохое то, что нельзя держать медиатор... Читаю книгу «Бетховен» А. Алыиванга. Что за человек жил! И вообще сейчас упадок музыки. Жили гении: Бетховен, Моцарт, Бах, Гайдн и пр. Сейчас же нет никого похожего по своим музыкальным творениям хоть сколько-нибудь на них. В нашей стране большое распространение получил песенный жанр, а в Америке – джазовая музыка...

Сегодня в депо не пошел. Починяю обувь. Вчера вечером опять спиритические сеансы. Блюдце здорово бегало. Черт его знает – я не верю... Вообще мне не улыбается умереть в 1948 году. Зачем тогда родиться, чтобы так рано кончить жить? Сколько трудностей, сколько усилий моих и других, и все это затем, чтобы умереть двадцатилетним. Сейчас редкое произведение литературы – понятно. Я много прочел. Я почти не жил, но почему-то различные случаи в жизни я воспринимаю, как знакомое и пережитое. Я заставляю себя стать человеком, но... Если я через два года умру? Это будет нехорошо. Можно сказать еще раз: жить хочется откровенно и нагло и, кроме того, хочется знать, чем это все кончится. Занятная штука жизнь. Это все я писал затем, чтобы записать и забыть, забыть до прочитывания (пройдет, может быть, год).

26.1.46 г... Я завалился спать. Отмороженные уши мешали. Мама заболела – стонала всю ночь. У нее слабый желудок. Все это от плохого питания. Сегодня сильный ветер с морозом. Хотели ехать за углем, но из-за болезни матери и холодной погоды не поехали... Лидку Черникову вчера видел. Не привезла очки. В гигиеническом магазине в Томске попеременно нет или оптика или света. Черт побери! Кругом и везде блаткомы, блатмейстеры. Блатобеспечение по формуле: «Ты – мне, я – тебе». Рабочие карточки не отовариваются. Когда это прекратится?!

На улице холодище. Сейчас, сидя в полудреме у жаркой печки, я вспомнил Красноярск – этот чудесный маленький город на берегах могучего Енисея. Когда я вспоминаю его

улицы, сады, когда вспоминаю эти ночи поразительные, западающие в память минуты, когда вспоминаю время, проведенное в волнах Енисея, танцы и полные прелести встречи – меня начинает тянуть туда, словно на родину.

...Уж очень было хорошо. Идешь, бывало, по широкой мостовой, полный романтических грез, сжимая в кармане (на случай самозащиты) плоский свинцовый кастет, приятно оттягивающий пальцы.

Светает. Залезаешь в окно общежития, которое открываешь через форточку сложной системой рычагов, раздеваешься, закуливаешь и ложишься. Смежаешь веки, вспоминая недавнее; усмехаешься, посмотрев еще раз на коричневую кожу рук и вспоминаешь, как полчаса назад сравнивал эту кожу с ослепительно-белой кожей Мильчи, с которой полчаса назад сидели близко-близко, смотрели друг на друга, почти не говорили, и это не надоедало. Было хорошо. Будем надеяться, что будет лучше. Человек живет надеждой. Так что будем людьми. Рядом, тут же можно вспомнить и совсем другое, противоположное выше сказанному. Я спрыгнул в 5 км от Ижморской, вылез из сугроба, я увидел хвост поезда с красными глазами. Стоял мороз. Я побежал вдоль полотна, махая руками, чтобы согреться, выкрикивая нелепые звуки. Замерзшая твердая рукавица только царапала обмороженный нос. Я бежал, ничего не думая, механически подставлял под тело ноги. Понемногу отогрелся. Прибежал в Ижморскую – было довольно поздно, обежал несколько домов, откуда был выпровожен – я искал ночлега. Не теряя надежды, я стучался, просил, клялся, обещал. Все напрасно. Этот «гостеприимный» сибирский мужичок в известное время становится очень прижимистым, и горе путнику, не имеющему знакомых и оказавшемуся в моем положении. Все это продолжалось до тех пор, пока, набравшись наглости, я не зашел в довольно бедный дом, разделся, закурил и только тогда попросился переночевать. Не хочется вспоминать.

27.1.46 г. Читал Джека Лондона – «Дети мороза». Джек Лондон перестал на меня действовать так, как действовал 2–3 года назад. Тогда захватывал очень сильно: читал, не отрываясь от книги. Сейчас другое. Вот Есенина не стало. Его стихи, пропитанные меланхолией, грустью, считаются вредными для нашей молодежи, которая, находясь в таком впечатлительном возрасте, может, начитавшись его, пошатнуться и застыть в бесцельной хандре. А стишки его действительно могут пошатнуть человека... И он почти забыт, лет через 10–15 юноша будет удивленно таращить глаза, в недоумении переспрашивая: «Есенин? Нет, не слышал. А кто это такой?»

Сегодня посмотрел на корочку издательства ГИЗ-а и подчеркнул, что я читал (там список изданий). Оказалось, что 50 названий книг – подчеркнуто. Остальные 30 мне незнакомы. Ну, там такие, как «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина и пр. Над такими книгами надо работать и, кроме того, нужна предварительная подготовка...

Скучно – хоть бы Б.Н. пришел.

28.1.46 г. Точно. Вчера, как хотел, так и вышло. Был у меня Б. Найденов. Играли, спорили. Хороший парень.

Сегодня утром собрался и пошел в депо. Было тихо и тепло. Пришел, нашел ребят из нашей группы. Поболтали часа 2. Никто не хотел работать. С одной стороны – лень – с другой – то, что нам ничего не платят, в общем, со всех сторон лень. Много смеялся. И здесь разговор касался музыки. Я и им говорил, что музыка – все это неправда. Чудаки. Никто не мог доказать противоположное. Пришли две наших девушки. Мы начали над ними смеяться. Я, конечно, отличался. Всегда, где девушки и я, там смех и обида. Все это слава богу, если бы не то обстоятельство, что шутки мои подчас злые и не всегда тактичные. Даже не церемонюсь в выражениях. Это недалеко и глупо. Буду стараться сдерживать себя, поскольку будет возможность. А то уже меня бояться начинает другой пол.

После обеда не пошел в депо – решил разгильдяйничать, т. е. корпеть над курсовым.

Наше депо считается лучшим по Союзу, да и ребята-выпускники, побывавшие в депо Саратов, Шадринск, Златоуст и др., говорят, что лучше нашего депо нет. Иногда можно представить себе те депо. Грязь. Везде мазут, и откуда он только берется? На промывке пар – не видно ничего. На подъемке – холод. Рабочие бледны и истощены. Вечер. Я написал курсовое, натаскал воды, достал сена и пр. Мучил мандолину. Сейчас дожидаясь передачи: выступление заел, артиста республ. Кирикова о Шалапине.

Я что-то начал пороть. Ни к чему детально описывать день и не обязательно писать о каждом дне. Конечно, и тянуть не надо, а то дневник превратится в недельник. Достаточно будет 3 дней промежутка между записями. А то сам нехорошо себя чувствуешь, спрашивая: «Что это – оскудение, недалекость, закись мозгового придатка?» Вообще, когда пишу дневник, то мне становится стыдно некоторых моментов, которые записываю. Но ведь и пишу для себя. Иногда мне кажется пошлячеством эти рассуждения и ковыряние в себе самом...

30.1.46 г. Письмо от девушки со словами:...Я благодарна за твое доверие, и на меня благотворно действуют хорошие люди, и ты, сам того не подозревая, сделал доброе дело, а этих добрых дел ты делаешь и сделаешь за свою жизнь превеликое множество. Я ведь теряла веру в людей, а это жутко!

31.1.46 г. Опять обморозился. Ухо разбобонилось, как пельмень. Надо сходить в техникум, может быть, есть письмо. Незаметно созрело решение ехать кочегаром. Под влиянием будущих трудностей, нехваток в материальном отношении решил назло всему ехать. Будет возможность заработать. Вчера днем не было табаку и к курсовому душа не лежала. От тоски съел кило хлеба.

Что бы ни случилось – оставаться человеком, оставаться самим собой! И вообще – захочешь увидеть в людях хорошее – всегда увидишь. Маруся, сестра, прислала письмо. Трудно ей там живется. К весне хочет достать вызов. Хорошо бы укатить нам всем отсюда.

1.2.46 г. Сегодня прихожу из депо – на стене висит скрипка. Прекрасный инструмент. Мне было 12 лет. Стояло лето.

В один жаркий день, в полдень, внезапно налетел ветер, стало темно. Застучал по окнам дождь. Через минуту уже по улице бежали ручьи – дождь лил и лил. Я сидел у окна и сквозь стекающие капли дождя смотрел на искаженные дома, улицу, тел.(еграфные) столбы. Вдруг я увидел человека, который, сгорбившись, шел медленно по улице, прижимая что-то к груди, под плащом. Он направился к нашим воротам. Вот затопал по крыльцу и, не постучав, вошел. С него стекала ручьями вода – это был старик лет 50 с аккуратной короткой бородой, в обыкновенной рабочей блузе и широких бархатных штанах, заправленных в сапоги. Не здороваясь, ни на кого не смотря, он вытащил из футляра чудесный изящный инструмент и заиграл что-то тяжелое и тоскливое; он играл минут 10. Мама плакала. Потом он вздохнул, сыграл что-то веселое и бодрое. Мать дала ему пирогов и еще что-то. Он не взял. Сказал одно слово: «Деньги!», снова заиграл. Мать дала ему несколько рублей и он, не попрощавшись, ушел.

Так я первый раз увидел скрипку. Слышал еще много раз игру на ней, и сегодня она попала мне в руки. Я долго возился и подбирал вальс «Я не вернуться не мог» и «Забытое танго». Жалко, что скоро заберут, чужой инструмент.

5.2.46 г. Четыре дня не хожу в депо. Палец не на шутку разболелся. Сейчас вечерами хожу к Черниковым – играю в шахматы или Борис приходит – играем. Вернее, играем меньше, чем говорим. Вот уже два вечера тема наших разговоров – В. Маяковский. Внимательно читаем его стихи и беспрестанно восхищаемся. Такие словечки, что просто ничего не придумаешь выразительнее и хлеще. Два вечера ходил в узловой парткабинет: «Смену», «Крокодил» читал...

10.2.46 г. ...Сегодня 10 февраля. Встал. Услышал выступление Сталина на митинге избирателей Москвы. Хорошая, чудесная речь. Теперь многие расправят плечи и смелее будут глядеть вперед. Я тоже...

14.2.46 г. Вчера распределяли по паровозам. Видно, что ребята не думали раньше об этом, и, как только первый сказал «дублером», все остальные тоже стали повторять это слово. Я поеду кочегаром. Вчера заехал Борис Найденов. Играли. Затем был длинный разговор о литературе. Говорили о Белинском, Толстом, Маяковском. Борис хочет достать мне книги по литературе. Я ему рассказывал об Хемингуэе и о его стиле...

17.2.46 г. У меня глаза – все хуже видят. Проводишь целые дни за книгой, без этого нельзя, писать что-нибудь – то же самое, играть на мандолине – надо смотреть на ноты. Кончу техникум, отдохну годика 2–3 и, если на это будет возможность, пойду учиться. Меня тянет к гуманитарным наукам, благо есть небольшая база. Кроме того, переквалифицироваться нет охоты, многое полученное пропадает зря. Этого жалко. Так что вопрос о дальнейшей учебе и месте этой учебы не ясен.

18.2.46 г. Сегодня утром, часов в 9, приплелся домой получеловеком. Вчера вечером пошел в «брехаловку», узнавать про свою машину. Оказывается, за мной уже послали рассыльного. Времени оставалось 40 минут. Я сотворил небольшой кросс-коунтри по снегу, быстро собрался и прибежал на 5 мин. раньше. Дежурный по депо одобрил сие, и, дождав-шись бригады, мы все втроем пошли на паровоз. Я впервые ехал самостоятельным членом паровозной бригады, кочегаром. Механик был молодой 24-летний парень, образованный достаточно и тактичный. Помощник – уже пожилой мужчина – выходец из деревни, неграмотный, пятилетней кочегарской работой выбившийся в помощники. Нам повезло. Нас отправили резервом на копи в Анжерку, и назад – везли уголь. Мне хорошо рассказали обязанности кочегара, я помаленьку стал привыкать. Помощник оказался говоруном, хотя тема его разговоров почти всегда одна: женщины. Он с такой обыкновенной мимикой и такими циничными подробностями рассказывает о них, что приходится заставлять себя сохранять невозмутимость. Бессонная ночь, трясущийся пол – все это вымотало силенку, и домой плелся, еле передвигая ногами. Так кончилась первая моя поездка, можно сказать единственная по своей легкости. Дальше – труднее. Расстояние до Мариинска в 5 раз больше, чем до Анжерки, т. е. 150 км... Я благополучно изгнал из себя все настроения, хандру, меланхолию и прочее, а было очень плохо...

20.2.46 г. Были цветочки, а теперь я вкусил и ягодок. Вчера днем приехал из Мариинска и явился загнанным животным домой. В 5 часов заснул и спал 16 часов подряд, т. е. двойную норму.

Была поездочка! Туда ехали с машинистом-инструктором, что действовало морально, не было шуток, которые так помогают работе. Назад ехал с углем (будь он тысячу раз проклят), который действовал физически, не было никакой возможности передохнуть. Громадные куски «черногора» не шли в стопер, и приходилось работать ломом, кувалдой и просто руками. От Я и до Пихтача находился в тендере, т. е. в аду, где и жарко и больно. Я плакал, много слез пролил, пока был в тендере. Слезы, конечно, были вызваны против моей воли, т. к. завихрение в тендере заносит угольной пылью глаза, нос, уши. Был там и скрежет зубовой, и другие приемы выражения своих чувств. В довершение всего, чуть было не кончил бытие свое все в том же тендере. Мы брали в Мариинске уголь. Подача угля на тендер там производится подъемным краном. Между подачами крана я разбивал кувалдой большие куски угля. Увлеченный, не заметил, как кран уже двигался в направлении к тендеру, инстинктивно поднял голову вверх и увидел громаду грейфера, готовую вот-вот рас-пасться, высыпая на меня уголь, т. е. смерть. Я бросил свое «сало» (т. е. кувалдочку) и прыгнул аки лев на контрабудку. В посыпавшемся из пасти грейфера угле я отчетливо уви-дел очертание костлявой старухи с косою в руках. Когда перекачивался на потолок будки,

моя нога очутилась над трубкой, отводящей пар из трубочек отопления; пар был настолько горяч, что сквозь валенок и портянку устроил мне ошпар на ноге, т. е. приподнял кожу отделением оной от мяса и наполнил ее жидкостью объемом в несколько кубических сантиметров. Сейчас этот «пузырек» еще не прорвался, но я опасаясь за последствия выше названного действия. В клинику идти – косточки ломит: не хочется. Дождусь маму с хлебушком и буду дожидаться рассылной. Мужайся Влад, (имир) Алексеев сын.

27.2.46 г. Неделю не писал. Буквально не было времени. За это время сделал 3 поездки. Еще одну в Мариинск и две в Анжерку. Американка моя стала на подъемку, а меня поставили на ФД 20-282 – старый, потрепанный гроб, который после Американки показался адской машиной. Грязь, отовсюду парит – громадная развалина. Сделал две поездки в Лидин город, на копи. Бригада попалась не особенно хорошая. Машинист все время толкует о своих достоинствах, корове и пр., помощник – громадный детина с горбатым носищем и громовым басыщем. Работенки на этом паровозе меньше – мыть его не надо, и бригада не требовательна. Много сидишь, клюя носом, стихи слагаешь. Как это В. Маяковский писал: «Землю пошлет, стихи попишет». Так и я – уголек покидаю, стихи посочиняю. Очень тяжело то, что спать приходится мало. 23-го числа я приехал с двухсуточной поездки (ночью спал). Собрался кое-как, обмывшись, и пошел в т(ехникум) на вечер. Не раздевался (единственный человек) и посему напоролся на Морозова. С ним вышел крупный разговор относительно его морали. Этим вечером я плелся домой и успел подсочинить стихотворение о вечерах, вечеринках, тачках, вечерницах.

1.3.46. г. Приехал ночью из поездки. В Болотную ездил. Опять смертельная усталость. Опять головокружение мозгового придатка. С невымытыми ресницами (уголь очень неохотно покидает эту часть глаз), с ногтями в трауре, с полужакрытыми глазами, я абсолютно ничего не делаю, если не считать мандолинной работы. Встал в три часа и до вечера провожу время, чтобы по новой поспать. Какая вредная эта работа! Не говоря уже о физическом вреде (газ, дым, зола), удивительное отупляющее средство в моральном отношении. Какая-то апатия охватила весь организм, и ничего-ничего не хочется делать. Где тут духовная жизнь? И как много людей живут такой жизнью всю жизнь? Или, может быть, приспособляются? По всему – нет.

Иван письмо мне прислал. Описывает эту самую Закарпатскую Украину. Рай, не место по сравнению с Сибирью. Говорит, что имеет мне костюм. Приедет в отпуск, привезет.

3.3.46 г. Мне везет. Хорошо отдохнул. Буду ждать рассылной. Странно! Паровоз стал забывать, а прошло три дня! Так всегда: пережитое трудное кажется далеким и легким. Вчера опять нагрузился литературой: обошел библиотеки. Только в пору увлечения Маяковским наиболее подходяща книга В. Каменского «Путь энтузиаста». Она попала мне совершенно случайно. Я ее прочел. С новой силой будоражит придаток старая мечта. Очень увлекся футуризмом. Даже сам намучил стихи, где такие словечки: краковятится, блево, гаммит и т. д. Подражание Вл. Вл., но что поделывать? Большинство начинало с подражаний. Паровозники, с которыми я ездил много, говорят о том, что, сколько ни учишься, дураком сдохнешь. Отчасти правда. Но все-таки в знании и есть правда, что и говорить...

7.3.46 г. Вчера из поликлиники пошел к Борису Найденову. Он уже вышел из больницы, только малость прихрамывает. Все то же. Сыграли в шахматы две партии. Результат ничейный, очевидно случайный, т. к. он играет лучше меня.

Сейчас без 10 минут одиннадцать, т. е. через 10 минут мне будет ровно 18 лет. Итак, 18 лет назад, подчиняясь какому-то капризу природы, какой-то случайной конфигурации, комбинации материи – появился на свет не кто иной, как я. Благодаря этой не то глупой, не то умной ошибке природы я создан таким, каким сейчас есть и другим быть не хочу. Не хочу быть никаким другим! Пусть все недостатки еще более выпячиваются, обостряются, но другим быть нет, не надо, так сказать. Мне пошел 19-й год. Я пока здоров, исключая глаз

(близоруки они). Последние часы 18-го года и на 19-м году еще не курил. Я курил 5 лет (легально). Теперь бросаю. Делаю правильно, что и говорить.

Мне 18 лет. Я – накануне выхода в жизнь, накануне окончания учебного заведения. Моя профессия? Я еще не работал, но как я ненавижу свою профессию! Какие противные, надоевшие слова: «Техник паровозного хозяйства». И как мне жить этим техником? Бедный костюм и... очки. Как веселый и общительный парень я, конечно, буду искать общества, и создать в этом обществе определенный вес будет трудно с моими задатками, а особенно придатком (мозговым). Кажется, чего легче, имей талант, время и вот, садись и пиши. Но что поделаешь, если таланта нет, а есть способности и к тому же сокрытые наполовину. Тогда, конечно, одно: большое хотение и работа, работа. Что поделаешь, если ты беден, у тебя нет «шансов» для учебы.

Сейчас дочитал книгу Б. Горбатова «Мое поколение». Хорошая.

9.3.46 г... Интересный народ паровозники. Может быть, под влиянием общих трудностей, одинаково тяжелой работы у всех их, как бы ни были различны эти люди, есть что-то общее, и «это» неуловимо, незаметно до тех пор, пока не живешь с ними их трудовой жизнью, пока не «почувствуешь» паровоза, пока не пообедаешь десяток раз за одним столом с этими скромными и великими тружениками. Много разных способов выражать признательность, симпатию. Паровозник – он не будет говорить ничего, даже глаз его не увидишь, а увидишь, и по глазам ничего не заметно; он не будет благодарить вас и от вас не спросит словесной благодарности. Это особый народ – объединенный своей профессией, со своими сказаниями, преданиями, шутками и специфическими словами. Безусловно, что мы, молодежь, студенты 4-го курса, побывавшие на практике и общаясь с этими людьми, кроме специальных, практических навыков, получили некоторую долю того хорошего, незаметного в характере этих машинистов, помощников, кочегаров, которое не сразу бросается в глаза и которое столь прекрасно после.

11.3.46 г. Съездил еще в одну поездку. Ну, поездочка была! До Болотной и назад почти не вылезал из тендера. Плохой уголь и ко всему – лопата без черенка, спасала кирка, а то бы выбились из пару...

Что делать? Через 3 недели начало занятий. Мне абсолютно не в чем идти. Вокруг западни – все рвется, потому что все тонко. Сена нет, и корова еле не отелилась, картошка скоро вся, дров и угля – нет, одеть что-либо нет и денег – тоже нет. Нет, нет и нет. Что делать? Делать, конечно, нужно вот что. Так как это уже не первая такая весна, не первый год – нужно урезать и урезать себя, нужно работать. Выражаясь просто – хочу еще «поездить», т. е. ездить из города в город, возить с собой наполненный мешок и толкаться с этим мешком по базарам и «балочкам». Это средство жить называется «барыжничать», и приходится поступиться всем, чтобы немного вылезти из нужды. И такое настроение, такое ужасное настроение! Очков нет. Скоро начнутся усиленные занятия. Я угроблю свои глаза. Жизнь слепца совсем не улыбается мне. Это значит, что я оставляю мечты о дальнейшей учебе, и это значит, что в некоем захолустном городишке будет до гроба работать в грязненьком депо некий очкастый субъект – и сей субъект – я. Этому субъекту сегодня попалась книга (уже который раз) «Как закалялась сталь». Эта книга – путеводитель по жизни многих тысяч наших людей; из этой книги черпалась и черпается та бесконечная выдержка и упорство, которое ломает все трудное и кажущееся невыполнимым, из которой черпается все прекрасное в человеке и все прекрасное в жизни. Я листал эту знакомую книгу и, отыскивая особо интересные места, клялся себе быть хоть несколько похожим на Павку, хоть чем-нибудь напоминать его. Эта книга – очень кстати. Все что будет делаться дальше – будет в подражание этому герою – почти осязаемому и осязаемому, до того хорошо он выведен там, в книге. Вчера слушал статью из «Правды» «Черчилль бряцает оружием». Этот сытый английский кабан – опять, как и 28 лет назад, поднимает жирный, подагрический кулак на нашу страну. Он поехал в

Америку и обратился к народу Штатов с речью о возможности легкой победы Англо-американского блока над нашей страной. Он забывает, что наш народ – непобедим. Это говорит не только радио, не только пишут газеты – а простые советские люди: рабочие, служащие, верующие старушки, дойдя до этого своим умом. Написал я об этом, искренно веря в то, что написал, веря, несмотря ни на что. Когда сопоставишь свое личное горе, свои неприятности – они становятся такими мизерными и смешно-напрасными по сравнению с делом страны, народа, по сравнению с мировой трагедией. Это, конечно, не должно умалять значения отношений самого к себе, но в трудные часы это нужно, необходимо.

14.3.46 г. Сегодня писал отчеты. Ходил по городу освежиться. Размышлял о дальнейшем, недалеком. На занятия идти не придется, т. к. нечего одевать, а также шамать будет нечего. Помню прошлый год, я пошел под весну к Григоровичу просить картошки. Это было после гауптвахты, и когда он сказал, что, мол, поезжай на подсобное, день отработай и получишь там 40 кг и с вводным словом: «скрепя сердце», я до жути разозлился и, прокричав ему в вылупленные глаза: не надо скрипеть сердцем, Станислав Селиверстович, мазать нечем и хлопнув дверью, – ушел. Все прошло без последствий.

19.8.46 г. Писание отчетов. Днем пошел за получкой. 300 рублей заработал за 6 поездок. Кстати – куплю брюки. Ходил в техникум, сдавал стандартные справки...

23-го числа у нас будет вечер вопросов и ответов. Я спущу несколько вопросов. Пусть Морозов ответит об Эйнштейне и его теории относительности; другой об У Черчилле... Мои вопросы в конце всего, о идеальном человеке, получили скомканные, неинтересные ответы. После вечера были танцы. Я станцевал 4 раза – 2 с Надеждой, сестрой, а два с одной хорошей девушкой Л. Она – красива, пожалуй, красивее большинства наших «красавиц». И, самое главное, умна и начитанна, что я узнал из разговора с ней в техникуме и когда провожал до дому в Забур. Живет она очень далеко, и я с удовольствием плелся к черту на кулички, болтая и смеясь.

29.3.46 г. Сегодня ночью приехал из Новосибирска. Устал здорово. Привез очки. В Омске пересел на поезд прямого сообщения. Был интересный разговор с пассажирами, относительно работы паровозников. Я был грязен, как черт. Зайдя в вагон обнаружил ревизора, молодую женщину, которая при виде меня воскликнула, морща носик: «Вы почему зашли сюда, здесь же люди едут!» Я одним метким ответом ее убил...

8.4.46 г. В воскресенье составлял тепловой баланс и читал «Закономерность» Н. Вирта. Хорошая вещь... В доме холодно, писать трудно. На улице вьюга январская, вот тебе и весна.

10.4.46 г. А все-таки весна. Несмотря ни на что, земная ось поворачивается. Прилетели скворцы – первые гости...

11.4.46 г. Читал четвертую книгу «Бруски» Панферова. Рост Кирилла Ждаркина, Стешки, Чити Ганцева – всех поразителен. Но это – литература, и здесь можно все...

13.4.46 г. Вчера получил «свидетельство об освобождении от воинской обязанности». Хорошо... и нехорошо. Согласен 5 лет пробыть в армии, но чтобы зрение стало нормальным. Чудес не бывает.

14.4.46 г. На улице весна. Хорошо. Сегодня читал драму К.М. Симонова... Работать и работать, что я и делаю с превеликим наслаждением.

20.4.46 г. Второй раз был сегодня в Военкомате. Белый билет оставили, только пропал зря день. Не сделал ничего.

У нас в Тайге начала работать христианская, нововерческая, или, как ее называют, православная церковь. К 12 часам, т. е. к началу Пасхи я был у церкви. Выпущенный из Сиблага поп в широкой белой ризе и Христом в руках, окруженный десятками свечконосцев, обошел вокруг церкви, гундося какие-то псалмы. Из простого любопытства и из одних воспоминаний я решил пробраться до самого иконостаса. Преодолев сопротивление у дверей, я попал в обширную залу, набитую народом. С большим трудом, через час примерно,

я добрался до цели. Довольно стройный хор, внушительная фигура «батюшки», благообразные лица вокруг – все это произвело на меня впечатление, которое я не испытывал ни в кинотеатре, ни в цирке. Уверен, что люди, сильно верующие, могли быть счастливыми. Надев очки, я с невозмутимым лицом осмотрел всех богов, послушал последний раз «Иисус воскрес из мертвых – смертью смерть поправ», и о женщине, которая должна радоваться, что ее сын воскреснет и т. д., и полез назад. С непокрытой головой и торжественной физиономией. Меня видела Ольга Матвеева. Расскажет, кому надо, и будет комедь!

25.4.46 г. Григорцевич, наш теперешний начальник, провел вводную беседу по «Пятилетнему плану»... «Характер, сила воли и сила привычки». Лекция была замечательная. Читал он нам «Памятку командира» – смесь афоризмов великих людей от Сенеки до Наполеона и китайских пословиц. Из всей лекции я вывел три заключения: 1. Я – работаю много и неустанно и становлюсь писателем (хоть через 30 лет). Ближайшая задача – сдать гос. экзамен! 2. Не следует много думать о себе – отвлекает и можно огамлетиться, испортиться. 3. Не говорить о себе без причины и ждать, когда о тебе будут говорить другие.

Я однажды наткнулся на хорошую мысль Марка Твена: «Есть люди, которые могут совершать чудесные и героические дела, кроме одного – воздерживаться от рассказов о своем счастье несчастным».

30.4.46 г. Сегодня уже 9 лет, как нет отца. Наш завуч – повторение, двойник его. Как посмотрю на его лысину и мясистое лицо со всезатемняющим носом – вспоминаю моего, родного. Как было бы прекрасно, если бы он был жив. По каким путям он бы направил меня сейчас – трудно сказать.

1.5.46 г... Тянет на народ. Дома – скучно и тяжело: заглянешь в стол – кусать нечего, заглянешь в хлев – видишь остроугольную фигуру коровенки, заглянешь в печальные бездонные глаза матери – и так нехорошо внутри станет, и не рад ничему. А народ «веселится»: за стенкой орут «Лучинушку», какой-то пьяница у меня перед окнами приблизил центр тяжести к земле, т. е. попросту растянулся в жидкой грязи, матерясь и стоная... И от всего этого я пойду сегодня зубоскалить, портить настроение кое-кому и, может быть, испортив настроение себе.

Сегодня подписка была на заем Восстановления. Несмотря на мое крайне затруднительное материальное положение, подписался на 200 р., и врать и «скрипеть сердцем» не пришлось – понимаю.

Борька Найденов – большой хохмач. Хохмач – новое слово, достаточно выразительное. Какая тонкая ирония: Григ держал речь. Обыкновенные газетные фразы. Мы с Борисом сидели в четвертом ряду. Послышались слова с трибуны: «...увеличить народный доход на 30 %. Борька мне шепчет – «Куда больше – и так народ дошел» (дошел в смысле: до ручки, до «хорошей жизни»). С трибуны: «...железные дороги являются нервами страны». Борька: «К тому же порядочно потрепанными», и все снова. Какие были прекрасные смехачи, хохмачи и т. п. Швейк, Уленшпигель, Насреддин! Какой бездонный колодец остроумия, изворотливости и пусть неправды, но смешной неправды.

6.5.46 г. Пришел домой: сидит мама и спросила: «Что я тебе, сынок, завтра варить буду – картошка вся!» – и такие глаза печальные, печальные, бездонные. Скучно так жить, но все проходит, и пройдет это.

2-го числа у нас в общежитке техникума произошел случай, показавший всю скотскость и грязь нашей тайгинской молодежи. Три паренька (наши студенты!!!) изнасиловали одну первокурсницу. Заслуживают пятилетки. Посадят – будет хорошо всем, но только не этой дивчине.

18.5.46 г. Вот уже несколько дней курсовое отдыхает. Я до отупления работаю в поле. Этот тяжелый дьявольский труд – копка земли, да еще если она – целина. Удивительно непродуктивный и однообразный. Вчера пришел вечером с поля и вспомнил, что давно не

играл на мандолине. Снял ее со стены и заиграл. Звуки неслись из этой деревянной коробки, а я ощущал их всей душой, даже более – физической болью. Друзья мои, вам приходилось когда-либо слушать музыку, такую, чтобы она вызывала у вас физическую боль? Чем красивее я играл, тем боль была сильнее. Кто не хочет испытать этого, могу подать один совет: не садись за инструмент, вроде мандолины, с большими мозолями на пальцах и ладонях. Эти полости под кожей, заполненные какой-то водичкой, ужасно болят, когда к ним прикоснешся.

Все это между прочим. Сейчас – тяжело, очень. Шамать нечего. Вот сегодня – не пошел на первую лекцию – тормоза – только исключительно из-за того, чтобы дожидаться открытия хлебного магазина и удовлетворить свою, как говорится, физиологическую потребность, чтобы нормально чувствовать себя, нормально на протяжении остальных 6 часов.

19.5.46 г. Борисок сбегал в город, купил на последнюю двадцатку хлеба (по червонцу кило) и я, отдохнув, поработал довольно продуктивно часов 5. В животе бурчит от этого коммерческого – какого-то суррогата из глины и овсяной шелухи. Плохо. Я в такие моменты перечитываю «Кола Брюньон» Роллана – повесть об этом оптимисте и балагуре бургундском, которого ничто не страшит, никакие жизненные невзгоды. Ему было легко веселиться, этому оптимисту, воспетому гениальным французом и нашими критиками, у него было вино и сыр и прочее, к тому же это – литературный тип.

24.5.46 г. И так далее – день за днем. Работа по 16–17 часов в сутки, а шамать – один раз 500 гр. Посмотреть с одной стороны – смешно и удивительно (как можно так жить?), с другой стороны – печально и обычно (тоже: как можно так жить?)...

Между делом прочитал за последние 3 дня Арцибашева: «Закон дикаря», «Ревность», «Война», какая грязь, какое паскудство. Его нужно пожечь.

От Ивана долго ничего нет.

26.5.46 г. Назначали по дорогам, я не придавал этому большого значения, не пошел, и, когда пришел к Григу, осталось два места. Томская дорога и П.Р.З. – Новосибирск. Конечно, Томская, но еще буду бороться за Юго-запад. Посмотрим, что получится.

29.5.46 г. Подал заявление в Министерство о переводе на Юго-западную дорогу. Его подшили, скоро отправят...

1.6.46 г. Вчера целый день работал на поле. Корчевал, не жалея себя, а сегодня – все кости ломит, губы потрескались, глаза – щели (ни черта не смотрят, а учить сколько надо!).

3.6.46 г. Три дня, не отрываясь от стола, повторял «паровозы». Эта древняя машина во времена Стефенсона была не так сложна, как сейчас. Я плохо, не регулярно занимался в течение 2-х лет по «паровозам», и приходится сейчас трудно. Но ничего, я уверен, что сдам паровозы во что бы то ни стало. От этого зависит будущее, а посему – жми, Вовка, жми!

Вчера наткнулся случайно на прекрасные стихи В.В. Каменского. Они настолько хороши, что я даже выучил наизусть. Как это:

Хахурдыхивая в журдобту
По зубарам мыпь дубинуштом
Расхлыбасть твою да в морду ту
Размордачай в бурд рябинушшом.

7.6.46 г. Итак, началось! Сегодня сдавали паровозы. На 7 человек сдающих было 8 экзаменаторов. Володя Кривошеин, Борис Ундзенков и я сдали на 5. И только трое!..

18.6.46 г. Почти оформилось в практические рамки решение нашей семьи – ехать в Чернигов. Теперь дело за мной, за оформлением моего перевода на Юго-Западную. Если мы останемся здесь, то попросту говоря, перед нами – обнищание и продолжение страданий мамы и нас. Причины отъезда следующие: надоело жить – суровый климат здесь; Маруся-

сестра зовет; покоса не дают, отсюда мораль – коровы к зиме не будет; дров не напилили и едва ли напилим; урожая картофеля ждать не следует и т. д. Ехать!

21.6.46 г. ... Я сегодня наелся только вечером, в столовой, а целый день жил на одном табаке. Вечером был в столовой, в общежитии, где поиграл на мандолине под аккомпанемент гитары, потом – домой.

Трудно держать себя в руках, порой это невозможно, к тому же в собственных руках. Но все-таки это легче, чем поднять себя за волосы. Такие-то дела, Вл. Алексеевич.

24.6.46 г. ... Мечтаю о Москве, о пути к ней. При недостатке телесной пищи, наберу духовной побольше и буду дней десяток подпрыгивать на рессорах. Хорошо!

26.6.46 г. ... В сущности, что эта жизнь моя? Ничто, по сравнению с мировой трагедией. И какими мизерными, жалкими кажутся наши (мои) желания, переживания, несчастья. Что эта молекула в океане событий? Ничто. В мире, где разыгрываются мировые катастрофы, где в туманной бесконечности вспыхивают искры разума и гаснут, как вспыхивает и гаснет все, – существует микроскопический шарик – Земля (прозванная так ее обитателями), на которой живут существа, наделенные, пожалуй, самым высшим достижением природы, которым она может гордиться – мозгом. С помощью этого органа многое было открыто, открывается и бесконечное, великое множество будет открыто, с помощью которого можно проникнуть в самое большое и самое малое и, что не вяжется никак, проникнуть в самое себя. Много, много загадок еще, много еще усилий и трудов, но все побеждают этот труд. Эх, расфилософовался. Молекула – и мысли подобные ее величине. Это – так.

30.6.46 г. Итак – все кончено. Сегодня сдал последний экзамен. Результаты двухмесячной напряженной работы: гос-экзамены сданы, (лишний) жизненный экзамен сдан. Больше опыта и большая уверенность в себе. Результаты экзаменов: паровозы, тяговые, организация, П.Т.Э., восстановление, водоснабжение – 5. Тормоза – 4. Теперь новые хлопоты с экипировкой и отъездом. Во что бы то ни стало – впереди Москва, Хохландия, Москва, Сибирь, Москва, Хохландия. Т. е. два раза – туда, один раз обратно. Посмотрим, что получится. Экзаменами доволен вполне – доволен, что оказался в числе первых, хоть было и нелегко. Хорошо! Что прошло, то не вернется, что будет – то еще будет.

6.7.46 г. 4-го и 5-го числа работали на дровах. Пришлось потрудиться. Громадные березовые чурбаны весом, примерно, пудов 10–12 приходилось кантовать за 10–15 метров. Громадное физическое напряжение вчера не помешало вечером пойти на пруд. Хорошо покупались и отдохнули и снова стали людьми...

В этом году удивительно много кедровых шишек. Если удастся – обязательно побью орех...

7.7.46 г. Сегодня по старинному русскому обычаю на улице смех, крики, плеск воды, визг. Иван Купала. Я уже принял на себя ведра три, думаю, что достанется еще.

... Мне задали вопрос: «В чем ты чувствуешь свое призвание и нравится ли тебе приобретенная квалификация?» Я затруднился сначала ответить на первую половину вопроса, но потом, подумав и вспомнив, что прочие отвечали с полной откровенностью, сказал, что я желал бы посвятить свою жизнь служению искусству, хотел бы стать хорошим писателем-реалистом, хотел бы писать так, чтобы это трогало людей, чтобы в моих произведениях была бы правда, справедливость, человечность. Я не говорил последующего, но надо добавить, что это – мечта, несколько, правда, подкрепленная стремлением. Нужно много и усиленно учиться, нужно – много работать. О систематической учебе я пока не могу мечтать, так далека и несбыточна эта мечта. Надо обладать талантом. Его у меня нет. В сущности, я – бездарен. Может быть, есть где-нибудь задатки, но их надо развивать; да заполнять усиленной работой, тренировкой. Мне 18 лет. Такая маловнушительная цифра ободряет меня, вдохновляет на работу, творчество...

Где-то есть неизвестный мне Анатолий Чивилихин, какой-то дальний родственник – поэт. У меня есть сборник его стихов... Во время поездки в Москву думаю навести о нем справки, и, если он жив, постараюсь наладить переписку на правах родственника и читателя.

11.7.46 г. Итак, до свидания, Сибирь! Страна холода, лесов, сказочных богатств и будущего! Здесь прошла моя юность, мое детство, мои первые радости и несчастья. Много прекрасных мест есть в Союзе, но это место, родина, которую я покидаю, будет, конечно, тянуть к себе невидимым магнитом. Сколько связано воспоминаний с этими местами. Сколько было случаев, захватывающих душу радостью и счастьем и в спазмах сжимающих горло. Впереди жизнь! Пусть то, что останется за этой июльской ночью, будет светить на моей дороге облагораживающим светилom. Да будет так! Живи, Владимир Алексеевич, борись и учись, учись, учись! Да будут благосклонны к тебе силы небесные и в неменьшей степени – земные!..

14.7.46 г. Итак, я на пути в Москву. 12-го утром сел на крышу 5-го скорого поезда и, доехав до Новосибирска, встретил 2 студентиков; нам было по пути. На этом поезде, на различных крышах, мы проехали почти всю Сибирь. Однообразный зеленый пейзаж, в Барабе озера, плохая погода (нас все время мочило) – отражалось все это на нас, но мы были веселы. В Кургане – отстали и, переночевав, сейчас дожидаемся поезда Омск – Москва. На крыше ездить можно. Этому способу передвижения присущи свои недостатки и достоинства. Плохо ночью. Вертишься вокруг вентиляторной трубы, как вошь на гребешке (наиболее сильное и правильное сравнение). Передо мной дилемма: или ехать назад после Чернигова и Киева, или остаться на Юго-Западной? Постепенно все выяснится. Ближайшая задача – сесть на 75-й во что бы то ни стало.

17.7.46 г. И пошло. Крыша, фартуки, подножки, тамбура. По дороге был ограблен. Подробнее опишу позднее. Сегодня утром я приехал в Москву. Городок что надо!

19.7.46 г. В Москве пробыл два дня. Родственников оказалось много... Везде в Москве был принят неплохо. Ел хорошо, а это почти главное, т. к. прохарчаться в Москве нужно иметь большой карман или даже большой рюкзак...

Украина – бедствует. Засуха, грозящий голод и гонит людей к нам, в Сибирь. Невероятно! Продукты дороги. Сейчас я задумался о своем будущем. Что выбрать? Что делать? Надолго ли хватит моих зрительных органов? Все это волнует, хочется многого, даже немногого – учиться, но пока это невозможно...

8.8.46 г... Домой (в Сибирь. – *Е. Ч.*) ехал в прекрасной компании студентов, культурной ватаге еще верящих во что-то...

16.8.46 г. Много дней ничего не делал. Болтался по Тайге почти без цели. Может быть, живя на Урале, я буду тревожить себя этими воспоминаниями, может быть, для этого и ходил...

4.9.46 г... 19 августа я уехал из Тайги... До Свердловска ехали трое суток... Из Свердловска мы поехали на Челябинск, куда и были командированы. Мы везли с Гошей (Тонких, друг. – *Е. Ч.*) кедрового ореха по полсотни стаканов. Там мы их продали по червонцу стакан. Побродили по городу. Хороший. С большим будущим. Были на карнавале. Удовольствия не получили никакого, да и что могло быть?! Наиболее сильное впечатление было от цирка, выступающего на эстраде. Все было так пошло и глупо, недалеко и жалко...

В правлении, с нашего согласия, конечно, получили назначение в депо Троицк... Сначала не было квартиры. Долго бегали по поселку, и, наконец, благодаря судьбе, переменчивой, посчастливилось найти комнату прямо около депо, недалеко от клуба, парка, вокзала, магазина, «балочки». Хозяйка как будто хорошая. Наше дело – достать топливо. В депо нет спецодежды; все равно, сколько ни жди, придется выходить на работу в своем. Потом будем жать. Ходили по базару, городу, станции. Троицк. Город находится на 120 км южнее Челябинска, расположен в котле – старом русле Уи и Вилюйки – рек, здесь протекающих. Город, который еще в начале этого века соперничал с Челябином, является типично купеческим. Это

видно по архитектуре домов, надстроек, количеству церквей и самому достоверному – рассказам троян (буду называть этим древним именем жителей теперь моего городка). Имеется в городе один институт(!!!), два техникума, несколько библиотек, театр и 6 церквей. Город самобытной провинциальной жизни и провинциального невежества...

На рынке мы с Гошей купили картошки, масла, луку, крупы, искупили 100 рублей. Не знаю, как будем жить. Придется выкручиваться. Ну, удачи желаю тебе, Владимир Алексеев сын.

12.9.46 г. Итак, я начал работать. Хожу в депо уже четыре дня. В работе много халтуры. Избегать ее почти нет никакой возможности. Будем работать...

17.9.46 г. Прошло 3 недели, как я здесь, написал десятка полтора писем, и ответ пришел пока только от родной матушки... Письмо из дому дохнуло на меня таким страхом и беспомощностью перед надвигающейся нуждой, что я много времени ходил, ни о чем другом не думая, кроме их, моих родных. Вообще настроение не из хороших. А тут еще проблема пит.(ания). Грошей 150 р. на двоих. До получки – долго. И что всего хуже – постановление о повышении цен на продукты. Сегодня с Гошей пообедали в столовой, заплатили 25 рублей. Мы, когда голодные, находим время позлиться сами на себя, наплевательски махнув рукой на окружающее, и утешать друг друга с натянутыми улыбочками: «Ничего, Гоша», «Конечно, заживем, Володя!» Торопливо справляясь о ценах, вытаскиваем деньгу и покупаем картошки, да почтут память ее потомки наши снятием уборов головных (если таковые будут в то время – «головы и уборы»). Маньяками ходим за Воропаевым, добиваясь обмундирования. Кажется, что-то начало получаться. Сегодня мы с унылым видом посмотрели на нашу бутылку с остатками масла, посмотрели друг на друга и молча представили многое. Эх, что говорить.

25.9.46 г. Прошло много времени, прежде чем я снова сел за дневник. Работа успела надоесть и уже не имеет такого интереса, как в первые дни. По моей вине уже был большой брак. Только что паровоз (ФД-1412) вышел из-под депо – порвался маятник. Зазор был между втулкой золотниковой и опорными пальцами 0,25, тогда как полагается не менее 1 мм. Ну, это уже пошли цифры. Вообще я не был научен промерять размер сей. Поставленные перед перспективой голодовки, мы пошли на мясокомбинат – работать. Работали самую черную работу. Везли субпродукты, головы, грузили мясо в вагоны. Заработали по 25 кг грудинки. Еще не всю вынесли. Прохладно в громадных узких галереях. Стручками перца висят бычьи туши. Мы – три техника: котельщик, промывки и нормировщик – одеваем запятнанные кровью халаты и начинаем перегонять по монорельсу эти останки некогда могучих лобастых животных. Забегавшись до одури, идем обедать, т. е. уничтожать мясо или что иное подобное в вареном виде. Жир – противен, потому что безо всяких скрашивающих вкусовых ощущений. Затем опять беспрестанная ходьба. Или – мы берем скользкие, тяжелые головы сегоднешнего боя, с ободранной шкурой, бросаем их в тележку и, наполнив ее доверху, везем за 800–400 метров с заворотами и постоянным усилием. Эх! Жистянка!

Большая удача. Нам выдали форменное обмундирование – костюм, шинели. Есть в чем выйти. Правда, не такое хорошее, но ничего.

У меня потерялись галоши. Хорошие, почти новые. Эти галоши были привезены мной из Москвы и тут пропали. Не знаю, на кого и думать. Со всех сторон к нам несутся вопли о том, что напрасно разъезжались от домов. Прислали Володя Кривошеин, Борис Черников. «Братцы». Везде стоны. Я тоже начал стонать. Все же тяжело. Все бы ничего, если бы не беспокоил дом, мать, Иван, Маруся! Все такие родные, такие близкие люди. Чувствую, что начинаю тупеть. Раньше я писал и думал как-то лучше, острее воспринимая, анализировал. Теперь начинаю охладевать ко многому. Так-то. А это – жутко...

4.10.46 г. Как надоедают все-таки эти ежедневные заботы о куске, эти усилия при мытье рук после работы. Я сейчас только понял, что надо было последовать совету начальника:

идти работать в Новосибирский П.Р.З. Там было бы ближе к дому, например, белье стирать я бы возил домой, а не протираю суставы пальцев в бане. Во-вторых, я каждое воскресенье ездил бы домой, возил бы с собой некоторые предметы, которые можно было бы продать выгодно. В-третьих, у меня в Новосибирске брат двоюродный – член облкома. В-четвертых, я в заводе получил бы более высокую должность. В-пятых и т. д. Но я дал себе слово никогда, ни при каких обстоятельствах не жалеть о прошедшем, когда нельзя исправить содеянное. У меня поэтому постепенно вызревает мечта учиться и учиться и обязательно в юридическом институте. Все было бы хорошо, но материальное состояние моей матери – плачевно. Может быть, придется покинуть эту мысль. Будем жить со всем народом.

Прислал письмо Борис Найденов. Острит, подбадривает, чувствуется, что наша дружба стала крепче, чем прежде...

Сейчас я работаю над критическими статьями Горького. Это поразительно правильные и полезные вещи. Просто находка...

13.10.46 г. Сегодня – рабочий день. Мы работали в тех-бюро. Больше разговаривали на высокие материи. Шагаева (старший инженер. – *Е. Ч.*) рассказывала о себе. Говорили о «детской болезни» каждого. В сущности, это и естественно. В молодости, вернее в юности, когда кажется, нет ничего невозможного, тогда этого невозможного хочется достигнуть. Человек, немного развитый и начитанный, начинает писать стихи, обыкновенно дрянные и затем с удовольствием отмечает, что он – поэт. Отсюда ведут три пути.

1. Под ударами жизни человек, повзрослев, перестает смотреть серьезно на свои «творения», поймет, как тернист путь в знаменитости, поймет, сколько нужно труда, чтобы написать пару хороших строк и оттиснуть их. Иногда получается так, что он, затертый в круговороте необходимых мелочей, окружает себя пошлой мещанской обстановкой и тогда он пленен будет ею до конца.

2. Упорно веривший в свою избранность, но не делающий никаких попыток к учебе и работе, продолжает марать бумагу пустыми, бездарными стихами, обижаясь смертельно в своей мнительности, на людей, прямо высказавших ему свой взгляд. Этот теряет себя в какой-либо другой профессии, не понимая, что путь в литературу ему закрыт.

3. Последняя категория обладает, конечно, способностями и трудоспособностью в большей степени, нежели представители первых двух. Из этой категории – людей способных, упорных и выковываются люди литературы. Это семя человеческой породы. Отсеются тысячи – останутся единицы, единицы самого здорового, крепкого зерна. В число этих единиц попасть хочу и я, но пока еще молодой, неопытный – не буду утруждать себя и навязывать своей совести никогда не выполнимые обязательства, а пока есть возможность наблюдать, пробовать, работать...

15.10.46 г. 13-го были с Гошей у Лизы Шагаевой. Мы зашли в маленькую, белую комнату с небольшим окошком, с видом на стадион, белоснежной кроватью – ложе невинности, стопкой книг на столике и маленькими набивными ковриками по стенам. Хозяйка была одета в легкое, летнее платье и вся такая чистая, как будто после бани. Усадила. Я взял сборник произведений русских поэтов – прекрасное старинное издание, и стал просматривать. Каким сокровищем владеет эта особа! Пушкин, Лермонтов, Некрасов Фет, Тютчев, Апухтин, Надсон и многое другое. Много стихотворений – неизвестных мне поэтов. Она прочла очень хорошо несколько стихотворений, в том числе «Сумасшедший» Апухтина. Восхитительно! Я просмотрел весь сборник. Чудесная вещь! Просматривал и разговаривал, делился своими знаниями с инженером и Гошей, курил. Разговаривали обо всем. Вообще, хорошо провели вечер.

Два дня, как провожу читки-беседы с рабочими своего цеха. Идет хорошо, только надо готовиться; за обедом просмотр газет (я их беру в парткоме), составление небольшого плана, и спешу на перерыв обеденный в цех. 40 минут моих. Продолжать в том же духе!

20.10.46 г... Мы получили получку — по 169 рублей. Это — аванс. Что делать? Только обедал. Неприятное ощущение — голод. Сосущее, гнетущее чувство.

Хочется еще отметить нечто успокаивающее. Я — агитатор на промывке. Читаю, рассказываю. Сначала не было никого, а последние дни — стало тесно и жарко в конторке. Интересуются. Я говорю, а кругом тихо, только тяжелый, синий дым движется над головами: медленно, нехотя, слоистыми, кривыми рядами...

Сегодня напишу домой. Как живет моя старушка, старая, сгорбленная, с кривыми, утолщенными в суставах, пальцами и ласкающими глазами? Бедная мать! Какая боль охватывает меня при воспоминании о ней — этом святом, безгрешном существе, которая в заботе о нас почти потеряла свое я. Самое плохое то, что ничем не могу помочь. Проклятие!

24.10.46 г... Положение становится невыносимым. На завтра осталось 22 рубля, а до праздника — 2 недели. Едим с Гошей 2 раза в день, иногда раз. Это — противно. Пять лет кланялся желудку и приходится еще. Надо предпринимать что-то. Надо работать и работать так, чтобы не било в голову: «Что я буду есть вечером?»

Как неприятно видеть, что ты что-то теряешь в глазах людей оттого, что голоден и беден, и как все-таки хорошо видеть простое, искреннее участие в глазах измученного, промозученного до мозга костей рабочего, который, не умея сказать ясно, сочувствует в душе и благодарит за оказанное ему простое внимание. В большинстве рабочих — малограмотный, забитый нуждой человек, который живет воспоминаниями о довоенных годах и надеждой на будущее, хотя из простых разговоров можно заметить, что будущего он боится, будущее для него — потемки... Атом... Атом...

Прочел альманах челябинских писателей и «Избранное» Матэ Залка. Какие бледные вещи пишут эти уральцы! Особенно разителен контраст их с Горьким, публицистические статьи которого я сейчас читаю. Алексей Максимович — поддерживает.

27.10.46 г. Вчера работали в ночь на мясокомбинате. Доходно. Пришли в 3 ночи разбитые телом, но бодрые духом и мертвецки свалились до сегодняшнего полудня. Ходили на базар — я продавал брюки-галифе. Не продал. На сегодняшнее число имеем на двоих... 8 рублей. Хорошо!

...Как вертись в кругу этих мелочей! Неужели я застряну в Троицке? Неужели я не «выбьюсь в люди». Страдалица-мать! Как все это забивает голову! Сплошные восклицания. Чувствую, что тупею, а это — жутко. Есть сильная вещь Куприна: «Мелюзга» — чрезвычайно ярко показано постепенное опускание на дно двоих. Страшно. Вовка, бороться! Сегодня на 6 часов Москвы у меня осталось 6 рублей.

10.11.46 г. В предпраздничные дни я съездил в Тамерлан и продал брюки, 6-го числа съездил на подсобное хозяйство и привез 200 кг картошки. В тот же день выкупили колбасу, заработанную на мясокомбинате и по 9 кг отвезли в Челябинск. Там ее продали, выгодали по 300 рублей. С пассажирским поездом — в Кустанай, купили по 150 стаканов семечек подсолнуха и назад в Челябинск — продали. Выгодали рублей по 500. Готовясь к дальнейшему, купили 12 кусков мыла — повезу в Кустанай. Приехал 9-го ночью — разбитый, грязный, но веселый. Я решил пойти на это, решил пойти на сделку с совестью — иначе — голодная зима, упадок духа и бог знает что... К нам с Гошей (Георгий Тонких — будущий председатель горисполкома г. Тайга. — *Е. Ч.*) ультиматум. Хозяйка отказала в квартире. Программа: бороться, работать, чтобы не было застоя в жизни и в себе самом. Чувствую, что все приобретенное мной начинает закисать, портиться. Одновременно, несмотря ни на что, приобрел какое-то стремление к лучшему, веру в будущее, веру в наши силы, силы нашего народа, моей родины. Не пустофразие — выношенная уверенность в это. Володя, не поддавайся!

18.11.46 г. Перешли в общежитие. Это — большая перемена в жизни. Теперь мы располагаем хорошей, чистой постелью, теплом — печь всегда топится, можно варить, общество себе подобных и т. д... Дали поручение люди из парткабинета — прочитать лекцию в цеху о

послевоенном развитии ж.д. транспорта. До лекции осталось 2 вечера – я ничего не делал. Некогда, и на сон клонит. Надо сделать обязательно. Общественная работа может оторвать все свободное время, потому придется что-то предпринимать. Я издегаюсь, знаний пополнять не буду...

23.11.46 г...О беседе. Провел не так, как хотелось. Хотел сказать много и хорошо – вышло скомканно и несколько напыщенно, а это плохо; на читках я говорю спокойнее и правильнее.

2.12.46 г...С 25-го по 1-е у меня обмер бандажей...Наступило время, когда рельсы стали покрываться инеем и машинист уже стесняется высунуть нос на жуткий мороз, отсиживаясь в будке – вмятины на блестящей поверхности стали чудовищно быстро углубляться. Пять дней проходят у меня в каком-то лихорадочном стремлении подхватить паровоз, отцепившийся от поезда, и замерить его больное место. По морозу, когда пальцы мертвой хваткой стягиваются вокруг стальной фигурной пластины, когда ноги под тонкой кожей ботинка перестают быть принадлежащими мне, когда глаза ничего не видят через запотевшие стекла, если влезешь, дрожа, на паровоз – отогреться – иронически и горько вспоминаешь слова песни неизвестной: «И будешь ты стальным шаблоном весь век прокаты измерять»...

Позавчера начальник сказал: «Ты, оказывается, литератор здоровый!» Я фыркнул: «Здоровый литератор». Мне, говорит, читали по телефону твой фельетон. Я: «Ага!» – ответил. Побежал в партком, взял газетку и, – о, ужас – не узнаю свое творение, так его редактор испакостил. Самые мои красивые фразы убрал, некоторые мысли перефразировал – получилось хуже, а может быть, лучше? Не знаю. Секретарю парторганизации понравилось.

7.12.46 г. За мной неожиданно утвердилась репутация «здорового литератора», по меткому слову Воропаева, хотя ничем особым это не доказано. На днях Воропаев предложил мне нечто неожиданное, сначала даже ошеломившее. Кругом сидели мастера, приемщики. Он откинулся в тяжелом раздумье от стола и сказал, смотря на меня неуверенными глазами: «Иди, Чивилихин, на теплую промывку». Спрашиваю: «В роли кого?» «В роли заведующего теплой промывки», – ответил и на мой отказ стал уговаривать, рассказал вкратце работу, рассказывал, как рос он сам, воодушевлял. Потом спросил: «Спасовал, говоришь?» «Выходит, так» – ответил я и стал приводить десятки аргументов, почему я не могу взять на себя ответственность за котлы всего паровозного парка депо. Это очень хорошо показывает его отношение ко мне, его уважение, можно сказать, но я не оправдал его да и не мог оправдать. В работе я еще не проверен. Меряю – едва справляюсь, а здесь такая ответственность за «сердце» паровозов и за коллектив в несколько десятков человек. Пока это для меня много. Решил так: с начала 47-го поработать бригадиром заготовиловки, и если смогу на этой работе показать себя – можно будет думать дальше. Знаменателен тот факт, что мне уже доверяют. Провернуть будет можно.

19.12.46 г...Отпечатан приказ по депо о назначении меня бригадиром в заготовительный цех. Немного страшновато, но почему-то уверен, что сработаю...

24.12.46 г. За последние два дня пережито очень много. Во-первых, получил письмо от Бориса Найденова. Письмо посвящено одному – моему брату Ивану. Он – нашелся...

Вечером, в субботу, я, переваривая весть о брате, поехал на некую маленькую станцию в Казахстане, с каким-то казахским названием, в Джаркуль. Я вез с собой 300 р. денег и 6 кусков мыла. Не могу без ужаса вспоминать этот день... На пронизывающем ветру бегал с мешком в руках, в мазутной, блестящей одежде и ботинках на портянку – долговязый очкастый субъект, проклиная вся и все. Наконец, я купил 20 кг рыбы, сменял мыло и, замучившись, пробился к какой-то бедной хохлацкой хатенке, дождался до вечера и поехал в Челябинск. Дорогой со страхом вспоминал и с еще большим страхом ожидал будущего. Мороз покрепчал, и я, задыхаясь, бежал к базару, неся эту рыбу на плечах. Нет нужды описывать время на базаре, никакими словами не передать ломи во всех костях конечностей и совер-

шенное отсутствие ступней. Выручил от поездки очень мало – сотни полторы. Побежал к вокзалу. Забежав в стрелочную будку и разувшись, почти равнодушно посмотрел на свои белые застывшие пальцы и подошву. Кипятковое настроение, поддерживаемое ломотой в ногах, вылилось через слезы наружу. Я вытер их, ну 2–3 капли, потом с полчаса тужился и не мог никак заплакать. Назад ехал все время на ногах, разутый, корчащийся. Разбитый вконец, приехал, купил на 30 р. бутербродов, пришел, напился чаю и так пролежал долго, не в силах заснуть от надоедливой боли в ногах. Ногу раздуло. Пальцы почернели. Вода налила ступню. Сегодня вызвал врача; пришла, требует в больницу. Должно быть, придется ложиться. Эх, жистянка, философ.

27.12.46 г. Третий день я лежу в больнице. Вот и сейчас лежу в гряде белоснежных простыней, одеял и пищу. Кормежка плохая. Потихоньку буду доходить. Сейчас, когда у меня есть время все передумать, вспоминаю всю мою короткую жизнь, которая была сплошным несчастьем. Как начал помнить себя, я никогда не спал на чистой, просторной кровати. Сейчас с ужасом вспоминаю свое «прокрустово» ложе – железная ржавая сетка, продавленная в середине, с ворохом тряпья на ней. Грязь, до жути замасленная подушка, клопы, вши, борьба за кусок – все это наложило соответствующий отпечаток на мой характер. И за этим – продолжение мучений; полуголодное существование, тоска – о, как я благодарен своей матери – этому кроткому, трудолюбивому существу, за то, что научила меня мучиться. Когда читаешь хорошие, правдивые книги, когда наблюдаешь за жизнью, когда слушаешь рассказы людей, бывших за границей, – мне становится жалко свою великую родину, свой русский народ. Я комсомолец – и моя задача – бороться за счастье своего народа, бороться за цели, предначертанные Лениным, но иногда мелькнет такая «фашистская» мыслиха – и мне стыдно самого себя.

Послал письмо Б.Н., поделился своими впечатлениями в связи с вестью о брате. Навел критику на его стихи – хорошо, понравилось самому. С Борисом дружбы не терять – вывод. Живем с Гошей, хотя сейчас его не вижу. Он – тихий, скромный паренек.

8 часов. Пришел Гоша. Два голодных гастролера посидели, поговорили. Уходя, Гошка сделал уморительный жест: оттянул нижнюю челюсть, а по верхним зубам простучал ногтями руки, т. е. в Новый год, Володя, играем на «зубариках». Скучно, смешно, печально, жутко. Писем нет.

Вчера вышел из больницы. Пролежал 5 дней...

1947 г.

9.1.47 г... Вот уже почти неделю работаю бригадиром. Постепенно мой совещательный тон начинает приобретать больше уверенности, постепенно вникаю в эту работу, которая труднее, ответственнее и неизмеримо приятнее той бумажной скуки, про которую я теперь только с улыбкой вспоминаю... Из дому пишут, и Маруся пишет, что надо переезжать к ней, в Чернигов. Посмотрим.

Сейчас передо мной лежит задача восстановления так называемого «семейного очага», т. е. создать матери и сестре безголодное существование. Это большая задача, с которой, возможно, и не справиться мне. Если мне удастся отсюда уехать – мы все вместе поедem в Чернигов, где много, много работы, мало пищи, умеренный климат и чужой народ...

19.2.47 г. Давно, очень давно не писал сюда. Иногда вспомню про дневник и не хочется брать его в руки совсем. За это время ничего почти не изменилось. Только усиленная работа и не менее усиленный отдых. Растить нельзя при таких условиях. Самое главное событие за это время – это оформление отпуска. С большой неохотой Воропаев подписал заявление. Я почему-то твердо убежден, что обратно я сюда не приеду. Одно из двух: или останусь в Тайге, или в Чернигове. Итак, с 1-го числа иду в отпуск. Дней десяток хочется поделаться деньгами, чтобы приехать домой в сапогах (какие скромные желания) и прокормить до отъезда семью. (Ведь мне пишут, что одна только постная картошка.)

11.4.47 г. 18-го числа я был дома, что и следовало ожидать, у нас – голодовка. Ну, начали продаваться, продали дом, оказалось, что ехать нельзя... Продали дом один, купили другой и теперь вот в долгах сидим по уши, есть нечего, садить нечего, меня провожать не с чем...

16.4.47 г... Смотрел первую в своей жизни оперу Гуно «Фауст». Хорошо!.. В Округ путь держу.

29.4.47 г. Был в Округе, был в управлении, сейчас в Троицке. Попробовал уволиться – Воропаев отпускает, управление – нет. Думы мучительные и изнуряющие не дают покоя. Здесь оставался без гроша, голодал. Потом выгрузили втроем вагон угля – заработали на Гошку, Володю и меня 25 кг жмыху соевого и 1 литр масла – продали на 300 рублей. Поделали братски, и тягучая, большая скука снова обуяла. Сегодняшний день – что-то давит мне на сердце и тяжелой пеленой голову закрывает; почти в бреду варю чугунок сои и поедаю ее; поминутно сворачиваю сигарки и курю, а думы о матери, несчастной труженице, об Иване, также несчастном, всего себя отдавшем на служение стране..., о Марусе с ее коротким счастьем и бесконечной вереницей страданий... и я сам... который сам себя теряет в такой адской обстановке.

Будет ли праздник на моей улице? И какой период в своей жизни я назову: «Это – мой праздник!»?

С завистью смотрю на бездумное, легкое житье многих, для которых работа, «антирес», стопка и т. п. – превыше всего. Завтра в 3 ч утра – я уже буду ровно 10 лет без отца; он уже почти вытерся из памяти: мой далекий и родной, хочется поплакать сейчас звериным плачем, с внутренним страшным ревом и грызней до костей своих рук. О, – какие нелепые слова, но сколько тут бессонных ночей и тоскливых часов!

Сегодня внезапно показалось мне, что я схожу с ума. Мыслишка Шопенгауэра в голове засела, и казалось, что нет большей правды, чем она – ведь все сумасшедшие глубоко уверены в своей правоте, принимая за непреложную истину и закон больные измышления своего воспаленного мозга.

Некий грек говорил, что «увидел ты свет, поспеши обратной стезей скорей в покои небытия». Факт самоубийства – плод, конечно, долгих размышлений, и я понимаю их: Горького у рва в Новгороде, Есенина в «Англетере», Маяковского в своем рабочем кабинете!

Пусть это все хреновина, пусть это я сожгу, пусть прочитаю еще раз и засмеюсь, пусть это все забудется потом – бред, бред...

Завтра получаю карточки и пускаюсь в путь опять. Поеду на Запад, через Москву на Украину. Искать сестру, детей ее, счастье своего и материного.

14.5.47 г. Какие скачки! Сколько глупостей я сделал за эти 3 месяца. Вот уже 3 дня – я в Чернигове. В Москве пожил 3 дня. Что ж – мои родственники живут, не скучают. Подъехал к Москве – было 30 рублей денег. Сходил в Третьяковку, в кино Метрополь, попил сельтерской, и нет денег. Ну, хоть подкормился немного. Как больно слышать неуверенное приглашение к обеду с тайной надеждой, что я откажусь, как стыдно чайку стакан попросить. Бродил по Москве вечерами, смотрел на москвичей, видел салют 9 мая; но шаткость моего положения – не давала покоя. Эх – эти соболезнующие вздохи! Встретился с Петром Морозовым. Он какой-то начальник в комитете по делам колхозов при Совете Министров. Ругал меня, что я не заехал после техникума в Новосибирск – он бы устроил меня и с работой, и с квартирой, и с питанием – все было ему это легко сделать. Дал мне на дорогу малость хлеба, сала, масла, сахару – и это было очень действенно. Уезжаю из Москвы – у меня не было ни копейки денег. Эх, Вовка!

Приехал в Чернигов... Ходил в депо, в отделение, в Ж.У⁴. – работы нет нигде. Устроился бы в отделение диспетчером – нет права управления. Пойду еще к директору Ж.У – может быть, мастером определюсь с 1 июня. Я сейчас вне закона – меня найдут – будут судить. И все это так сложилось, что ничего нельзя было поделаться. Я начинаю терять голову. Как там мать? Что она кушает? Опять, думает, бросил... Разве можно так жить?

Что теперь думает Воропаев – этот замечательный человек и руководитель. Как он воспитывал меня, как поддерживал дух! Если бы не был я нищий – остался бы там навсегда – помогать ему работать... Сады цветут на Украине – прелесть. Яблони, груши, вишни, но любоваться ими нет охоты, так пасмурно на душе.

20.5.47 г. Неужели не сумею я стать в ряд средних? К черту громкие слова. За ними сразу встает простое скорбное лицо матери с ее грустными, заплаканными досуха глазами и скрюченными коричневыми пальцами. Вечная труженица! Не оправдался твой безмерный труд, не помогают тебе дети.

21.5.47 г. Был вчера в библиотеке Короленко. В журнале «Вокруг света» за 47 год, №, кажется, 2-й, прочел очерк Кожевникова «Красноярские столбы». Я знаком с этими Столбами, лазал сам по всем местам, по «катушкам», «колоколу» и т. д. И мечтал не раз написать очерк или рассказ на эту тему. Прочитав очерк, мне почему-то показалось, что это не так трудно было и написать так, по крайней мере, мог бы. Слишком близкая мне тема, надо было тогда заметки делать, писать. Будучи в Троицке – мечтал посетить башни Тамерлана, недалеко от станции Тамерлан по пути на Курталы. Стоило съездить туда, посмотреть своими глазами, пособирать рассказы местного населения – обработать в красивую легенду, познакомиться в хорошей библиотеке с историческим материалом, постараться сделать несколько фотоснимков, посидеть десяток вечеров и этот труд окупился бы первым напечатанием пусть в этом же журнале. Как все сейчас кажется просто. А!

24.5.47 г...Сегодня последний день есть что кушать. Продавать уже нечего. Мэки, мэки. Муки голода, муки курильщика и традиционные муки юности – обманутых иллюзий и рухнувших надежд. Ни от кого нет писем. Я читаю, читаю и читаю; беспорядочно, бессистемно. Это для того, чтобы не думать, потому что думать ни о чем другом не могу, кроме будущего, бутерброда, папиросы и т. д.

⁴ Железнодорожное училище.

Проклятая бедность! Ты давишь, убиваешь, притесняешь, насилуешь. Сколько мучительных минут пережил я из-за тебя, сколько бессильных жестов и слов было за эти годы безысходной нужды.

Вспоминаю, однажды, он зашел, постучавшись в дверь, сказал «Здравствуйте» и недоуменно оглянулся: – пустые, пожелтевшие в углах стены, засиженная мухами электрическая лампочка над столом, мыльные пятна на грязном корявом полу и маленькая, согбенная фигура моей матери, с красными распухшими руками, нечеловечески безобразными от вековой, безмерной работы, растерянно стоявшей у корыта, от которого валил влажный пар. Все это неприятно удивило его, и что он, однако, старался не показать, но глаза матери говорили ему о тщетности его стараний и, извиняясь, униженно молили своим бездонным, печальным светом. «Проходи, проходи!» – закричал я из комнаты, притворно радостным и вместе с тем с едва уловимой угрюмой ноткой, которую слышишь в голосе оскорбленного и униженного, но гордого дурашливым упрямством или даже незначительным, но осязаемым превосходством. Он прошел и сел на подставленный мною стул, пищавший и трещавший в суставах. Это был мой товарищ по группе, аккуратный, вежливый, прилично одетый. Он зашел ко мне по пути, пригласить на консультацию по сопромату – была весна – мы сдавали зачеты. Он начал увлеченно рассказывать о вчерашней вылазке в лес с приятной компанией сверстников, а я... я лежал на кровати, накрывшись моей старой шинелью. Я не встал ему навстречу, и он не спросил меня, почему я лежу.

«Что читаешь?» – спросил он и внимательно нагнулся к книге, которую я держал в руках. Это был Ласкер. «Учебник шахматной игры». Притворяясь, что очень заинтересован книгой, было видно, что он думает обо мне, моей бедности и об этом неудобном положении, в которое он попал, не подозревая, что я нахожусь в более неудобном положении, хотя и лежал на кровати. Потом он положил книгу и глянул на меня. Я сказал ему глазами «уходи, видишь, я лежу голый в постели, потому что моя верхняя одежда в стирке, видишь, вон сохнет в окне. Он также глазами: «Я ухожу и уношу ледок, который теперь не может не быть в наших отношениях. Я теперь немного знаю, как ты живешь. Сочувствую и жалею всей душой». Он внезапно заторопился: «Ну, уже, наверное, 8-й час, опоздаю на консультацию». «Посиди, посиди» – говорил я радушно, на правах хозяина, – «Да, должно быть, семь-то уже есть». Ходики отчетливо тикали в этой паузе. Было четверть седьмого. «Ну, я пойду. Пока», – говорил он, пробираясь через кучи грязного белья к двери. «Да посиди, фу-ты какой! Ну, забегай!» – крикнул я ему, когда он был уже у двери. «Зайду», – хлопнул он дверью, и только тут я покраснел ото лба до шеи и заскрежетав зубами, вцепился в волосы так крепко, что онемели пальцы.

28.5.47 г... Нигде не могу устроиться на работу. Так-то. Сделаю глупость и каюсь. Сейчас остаюсь без карточки еще на месяц. Что же, допрыгался! Надо подготовиться к большому жизненному удару. Все это благодаря глупости, а, главное, – бедности. Эх, делец. Сегодня еду в Конотоп. Если не устроюсь там – планирую ехать в Москву. Голод. Голод и глупые поступки. Надо раздеваться (продавать шинель). Такие-то дела.

30.5.47 г. Вчера утром приехал в Конотоп. Такой красивый, зеленый городишко. Целый день на заводе не было начальника) по кадрам. Бродил, как выпивши, по конторе, по станции, по базару. Сестра дала на дорогу 30 р. денег. Поел малость в столовке, потом пошел на базар (хотел купить табачку), в карман – а денег там не оказалось. Где-то выронил 20 рублей. Но мне во что бы то ни стало нужно было попасть к начальнику по кадрам. И я решил остаться ночевать. С собой были 2 тома «Истории дипломатии». 1-й продал завкому за 25 рублей, 2-й – у подъезда за 10 – это когда подступит голод, отдашь за полцены. Бродил опять голодный и продал. Ночь провел в вокзале – кошмарную ночь, – кусали блохи и хуже блох – поганенькие думки. Почти 2 суток не спал. Ответ начальства, как и следовало ожидать, был вопрос: «А вдруг вы дезертир?» И я ушел с завода, голодный как собака. Вот уже 3 часа

дня, а одесского поезда нет – опаздывает. Под каштанами у вокзала собралась «балочка». Я сел поодаль и свесил голову. Меня начал беспокоить беспрестанный нудный вой. Присмотревшись, я увидел комок тряпья, серый, шевелящийся. Это была старая женщина, которая обхватила руками каштан и выла, выла... Это был ее метод просить милостинку. Торговки, чтобы избавиться, дали ей по рублику – она не отходила, а только громче плакала, иногда стоная утробно, по-звериному. Это был крик бессилия и нищеты, больная совесть виновных в этом людей. Потом пришли два оборванца, которым, видимо, было года 22, и, подхватив ее, бессильную, подтащили к канаве и толкнули туда. Ей подавали кирпич, говоря, что это хлеб, она поднимала голову, слезящимися глазами смотрела на него, дрожащей рукой брала и бросала в сторону.

Нищих на Украине много, хотя эти 2 города не представляют собой наиболее голодные места.

31.5.47 г. Около суток не ел. Ехал в «пятьсот веселом». Немилосердно трясло, и колеса дразнили: «де-зер-тир, де-зер-тир, де-зер-тир», сопровождая стук и потряхивание короткими уколами в желудке. Приехал, поел сырой фасоли (М.(ария) получила на паек), и сразу затошнило. В животе что-то весело булькало, угрюмо урчало и т. д. и т. п. Вот тебе и «сберечь», вот тебе и «извлечь».

2.6.47 г. Глубокое раскаяние. Там я имел заработок 700 рублей. Первый месяц было что есть, были уже связи, знакомые. Тут все надо начинать сначала. Оформляют техником, оклад 475 р., когда пуд картошки стоит 250 р. Вот спекулировал рабсилой. Да еще и это нетвердо, и вообще-то мое положение сейчас, да и в течение ближайших пяти лет – семи лет – нетвердо. Но ничего не поделаешь. Надо начинать сначала. Живу на хлебником, на сиротских крошках скоро месяц. Ходил на луг, за Десну. Мария шла впереди меня. Она быстро шла, помахивая корзинкой из ивовых прутьев. Ее босые ноги, сухие и мосластые, бороздили серый прибрежный песок. Мы переехали Десну на лодке и пошли на луг. Идти, собственно, было некуда, т. к. луг начинался сразу же за водой. Она обрадованно закричала: «Вова, вот цыбуля, рви», и принялась рвать эту дикую траву и складывать в корзину. Я последовал ее примеру; иногда присаживаясь под кустик, я сдираю шкурку с сочного белого стебелька и с аппетитом жевал, окуная измочаленную на зубах и смоченную слюной траву в крупную серую соль, которую я предусмотрительно захватил в бумажонке. Походив часа два, мы с сестрой переехали Десну назад и с полными корзинами этой травы шли домой. Она шла усталая, но довольная тем, что вечером, когда затопит печь, в чугунок, кроме воды, она положит еще эту покрошенную цыбулю, для того, чтобы обмануть на эту ночь желудки своих детей, которые будут сидеть вокруг стола и нетерпеливо крутить ложки, сосредотачивая внимание на этом маленьком, дымящемся чугушке. Какой добровольный постник, какой отшельник начала христианства так постничал и воздерживался, как это делает сейчас сестра, ее дети, я, наша соседка с семьей, семья напротив дома в сарае и еще многие семьи?

7.6.47 г. Боюсь сглазить, но мне кажется, что на работу устроюсь. В депо, техником, 450 рублей. Бузово, но что поделать в моем положении?

Пришло письмо из Сибири. Надежда пишет, что живут плохо, продали последнюю мало-мальски стоящую вещь – ее пальто и съели почти всю картошку, которую купили на проданные деньги. Пишет, что у нее больные легкие – надо питание, а его нет. Как и все бедные – думают, что где-нибудь – лучше. Но ведь там хорошо, где нас нет, – и придумана эта самая правда задолго до нас.

У меня неприятности с квартирой, не прописывают в Марусиной, а поэтому невозможно получить карточку. От Ивана ни мне, ни домой ничего нет.

9.6.47 г. Проклятое волокитство – не могу прописаться. Как надоело быть в зависимости от всех этих чинуш, что куда ни сунься – творят задержку; и боже мой! какая дешевизна: достаточно дать на поллитра и все пойдет, как по маслу.

С кровью сердца отдал за 15 рублей томик Есенина и тут же проел. Эх, ты, «желтый парус». Вспоминаю Горького: «26 и одна». Он пишет о каторжном труде этих хлебопеков. Черт побери! 150 миллионов сейчас пошли бы на эту работу, где утром пекарь печет всем крендели из муки лучшего сорта и, разумеется, вволю.

У сестры, у Маруси – пухнут ноги. Она мне показала вчера – такая небольшая опухоль с противным цветом по всей ноге. Нажмешь пальцем – ямочка долго не выравнивается – жутко, и вместе с тем она уже равнодушно на это смотрит. Сегодня, радостно блестя глазами, нашими – черными и живыми, говорит: «Смотри – сегодня опало!» Маленькая, маленькая радость.

12.6.47 г...Вчера продал мою шинель за 300 рублей. Пуд картошки стоит 225 рублей. Еще кое-что, и нет шинели.

Сколько трудов мне стоило прописаться, наконец сделано и это. Сколько треволнений было за этот месяц, и вот я завтра выхожу на работу. Карточки не получил и едва ли получу за этот месяц, но все ведь проходит, пройдет и это, пройдет и молодая, лучшая пора, о которой мне жалеть и жалеть придется. Как буду работать не евши, еще не знаю, но, наверное буду, потому что это сейчас – единственный выход из создавшегося положения.

13.6.47 г...Первый день работы в новом городе (Чернигов. – Е.Ч.), в новом депо, среди новых людей.

Работать буду техником, и работы, мне кажется, не особенно много, но одно, что денег мало, – плохо. Я не ищу легкого хлеба, а попросту сейчас наказан за глупость – совершенную 3 мая, т. е. сел на товарный поезд и, простившись с Гошкой по-братски, – поехал искать лучшей доли, а возможно, что найду крепче дом.

19.6.47 г. Получил карточки, стал входить в колею. Очень тяжело... Работы, вопреки моим расчетам – все прибывает и будет много-много больше, чем технику промывки депо Троицк...

22.6.47 г. Сегодня 6 лет со дня нападения Германии на нашу страну, со дня начала всех бед и несчастий нашего народа, нашей страны, начала бесчисленных жертв.

24.6.47 г. Полный томленья и скуки прошел еще один день. В депо паровозов нет, и целый день слоняешься по депо... Придя пораньше с работы, я отправился в магазин для инвалидов, где, по слухам, давали муку по коммерческим ценам. Громадная толпа калек, старух, женщин, стариков с гамом топтались на месте, повернув лица в одну сторону – к маленькому оконцу, где творилось вообще что-то невообразимое. Красные, потные лица, косматые головы, яростные глаза и сжатые кулаки. Иногда из этой толпы вылезала какая-нибудь развалина и крестясь и бормоча проклятия костенеющим языком, уходила за калитку, прижимая к груди маленький мешочек с овсяной мукой. Чаше вырывался «инвалид» и мчался с этой мукой на базар, где продавал ее и брал 200 грамм водки; то же самое делали «блюстители порядка», вызывая справедливый гнев окружающих. Я попробовал помочь установить очередь – часа два проорал безрезультатно. «Братъ пришел – бери – кончается», – сказали мне. Я получил кило муки и, торжествующий, пошел домой торопить Марусю с галушками.

Такова «допомога голодующим».

26.6.47 г...Какая неинтересная работа, и сколько времени пропадает напрасно! Как мечтаю я теперь о Ж.У, о должности преподавателя. Как мог бы я учить и учиться сам! Пусть сдавал бы карточку, вошел бы в эту колею, питался бы нормально, да и денег же много, черт побери! Мне кажется, что 4 года пропали напрасно, и с горечью сам себе сознаюсь, что обманул, обманул мать, которой так много обещал после окончания техникума. Вот что значит без поддержки начинать!

...Дочитал с послесловием «Войну и мир» Л.Н.Толстого и сел писать малость. Иногда, в разговоре мне стыдно было признаться, что я еще не читал «В(ойну) и М(ир)». Все мечтал когда-нибудь нормально прочесть ее, всю сразу. И теперь у меня двоякое чувство. Одно –

хорошо, что я ее раньше не проглотил, ее лучше читать попозднее. Другое – плохо, что не прочел ее раньше, т. к. все равно бы, читая сейчас, имел бы не меньше удовольствия, чем в первый. Чувствую, что даст господь, через несколько лет, читая эту же восхитительную вещь, буду так же переживать и восхищаться некоторыми местами (может быть, другими или теми же, но совершенно по-другому), только знаю, что всегда буду благоговеть перед этим всеобъемлющим талантом, видеть идеал в этом языке и построении и т. д. и т. д., хотя люди, не чета мне, это сказали раньше меня и миллионы людей еще скажут это за сотни, тысячи лет, захлопывая эту книгу...

1.7.47 г. Начнем новую тетрадь. 3 тетрадки оставил дома, одну повез, исписал, и вот эта – пятая. Какая цель в ведении дневников. Во-первых – это вошло в привычку, так, что даже затрудняюсь объяснить, зачем я пишу дневник. Кстати, сегодня такое настроение, что объяснить это нет никакой охоты. Утром побежал с обходной, обегал с различными волнениями и, получив на руки справку об увольнении, расчет (подразумеваю под этим деньги), я поспешил в Ж.У Долго ждал, пока освободится директор. Наконец был позван к нему в кабинет, и после длинного-длинного разговора, в котором он убеждал меня в том, что у него работы нет, выяснилось, что таковой нет на самом деле. Как я ни старался его убедить в противном и как ни старался это сделать завуч – ничего не получилось. Мастером поставить меня нельзя, т. к. мало производственного стажа, преподавательской работы никакой нет, инженер-технолог уже оформляется, а посему я побрел домой, как оплеванный, и, как оплеванный, сел за стол.

Что же получилось из всего этого (я говорю вообще обо всем том, что уже 4 месяца у меня не лезет из головы).

Я потерял работу, спокойствие, хлеб и многое, многое другое. Мать потеряла спокойствие, хлеб, может быть даже, в скобках сказать, – второго сына.

Сестра Мария потеряла здоровье, большой кусок, хлеба большой кусок, громадный моток нервов и все радужные надежды.

Больше всего я потерял в глазах родственников, от самых дальних до единоутробных, и все-таки больше всего в своих собственных глазах. Возможно, что потеряю единственное, что имею – свободу. Вот уж о чем не хочется думать, но это самые главные думы мои! Кто виноват? Только я. Что делать? Все дороги ведут в Москву... Как Марусе об этом сообщить? А? Где ты, совесть моя?

5.7.47 г. Вчера утром поехал в село. Повез Алику (сын Марии. – Е. Ч.) в лагерь 5 шоколадок, повидал его, попрощался... Чудесная Хохландия! Как обедняла ты! Зашел еще раз в лагерь. Постояли с Аликом под знаменитой Шевченковской липой, что безобразно-широко раскорячилась у самой школы, поглазели на монумент, воздвигнутый в память Тараса, всплакнули под конец с Алькой, расстроенные отнюдь не этой липой, монументом, пьяным воздухом, и простились, поцеловавшись, по-мужски, крепко сжимая друг друга. Я побрел, торопливо воткнув папиросу в зубы, а Алька долго стоял, вытирая слезы худенькими ручонками, чтобы офицерские сынки у калитки не заметили их. Ехал домой, т. е. в Чернигов, стоя в кузове во весь рост и глотая серую горячую пыль от встречных машин и подвод; тоскливо, сжав зубы, озирался по сторонам, обозревая тощенький урожаишко этого года. Сухой, бесильный, желтый ячмень, зеленые пятна льна в низинках, неможное жито по колено – не выше, и тосковало сердце до того по-крестьянски, что хотелось вздохнуть тяжело и безрадостно: «Хреновые нынче зеленя, паря!»

6.7.47 г... К кому прикоснуться в Москве и кто меня подопрет вначале, когда мне будет невыносимо тяжело? Пошел я сегодня в читальный зал областной библиотеки, взял томик «Большой энциклопедии» с «Москвою», посмотрел на нее, матушку, места, где был, посмотрел, и явственно видно стало мне, что делать больше нечего и надо ехать скорей. Нашел Крюково, отмеченное зеленым кружком, силикатная промышленность, и стал с надеждой думать

о дяде Алексее (он живет там, хотя смутно представляю себе это место и совсем не представляю его – не видел ни разу). Лучезарные пахучие грезы завитали в моей голове: он поможет, он подкормит, он сам в одиночку скитался. Главное то, что у меня это временно. Стану на довольствие, буду опять бороться с голодом, холодом, вообще с нуждой, а сейчас пока желудок переваривает собственные соки и, сердясь сам не зная на кого, сосет и гложет своего беспокойного соседа, который живет, живет, живет.

9.7.47 г. Сколько бы я принес пользы дома с 13 мая по 13 июля! Сколько бы было скошено травы, напилено дров, нарвано ягод, выращено огурцов и картошки. Ручаюсь, на зиму б хватило. А теперь еду неизвестно куда, к кому, зачем. Самое поразительное в моем поведении то, что я нахожу оправдания этому поведению...

До 3 часов дня – ничего не кусал. Сосущая боль в желудке, головокружение, тошнота и слабость во всем теле. Потом пришла Маруся – без хлеба. Накопала картошки, надергала свеклы или «цукровых бураки», как говорят здесь в газетах. Я пошел в сарай, помахал слетающим с топорика топором над гнилым, желтым бревном, набрал коричневых легких кусков торфа в ведро: черт побери, глаза застилает, мутит; и придя домой – растопил печку. Наварили этой бурды, называемой у нас за столом – борщом (добрая свинья не будет есть) и без капельки жиру, без кусочка хлеба уплели целый чугунок. Глаза посветлели у нас, и Маруся стала собираться на работу. Через час у меня уже не было совершенно никакого ощущения сытости. Собрался (под этим подразумеваю: отмахнул назад волосы и надел тюбетейку) и поплелся на базар. На базаре всего до черта. Ходил между рядов, стараясь независимо смотреть на горы хлеба, сала, яиц, белые батареи бутылок с молоком, корзины вишни, ягод, семечек, и голод схватил снова. Зашел за ларек, вытащил дрянненький портсигар из кармана, почистил его песочком и, выйдя на толкучку, продал за 9 рублей какому-то огольцу... Я с остервенением протолкался к продавцу в ларьке, получил и тут же оплел бутерброд: 100 гр. хлеба и 100 гр. колбасы – 8 р. 70 к...

С каким удовольствием и тоской я вспоминаю сейчас Сибирь, Тайгу, свои годы, что я провел там, обилие ягод в наших лесах и болотах, кедровый промысел... Мамашу вспоминаю, такую, какая она есть: предупредительная, робкая, безмерно трудолюбивая. Как она сейчас там? Писем давно нет. Наверно, Надежда уехала на дачу с детсадом, а мама с Борисом сейчас сидят без тех 500 гр. хлеба, что у них весной были. Чем она занимается сейчас, моя несчастная? Там у них сейчас 4 часа дня. Наверно, побежала своей торопливой походкой в лес, прихватив кусок веревки – за сучьями, оставив в громадном, но пустом доме Бориса, который возится с куском дерева, что-нибудь выстругивая из него. Как я хотел бы сейчас очутиться возле вас, дорогие. Как хотел бы ходить в депо на работу и, приходя домой, подставлять мазутные ладони под ласковую теплую струю, приготовленную матерью, заглядывать утайкой на плиту: «Что ты, мол, сготовила там?» и расставаясь с чашкой, недовольно ворчать, так просто, по привычке, чтобы не показать ей, как я люблю ее. Хотел бы сейчас обхватить Бориску, построжиться над ним: «Что, балбес, не хотел учиться, ну иди в Ж.У. да если примут еще», а потом зацеловать его наивные, широко распахнутые глаза. Потом Надежу бы увидеть. Услышать, как взвизгнет она радостно, а потом притворно-равнодушно спросит: «Как доехал, как здоровье?», и выслушав какой-нибудь шуточный или грубый ответ, или засмеется смущенно и интимно: для двоих; или свирепо вытаращит глазищи, наши, черносливые, и буркнет: «У, дурак», а я потом долго буду разглагольствовать о том, о сем – пока не забудет она мою грубость.

А самое главное, самое желанное – я хотел бы посмотреть Ивана, хотя и не знаю, о чем я с ним буду говорить, – так счастье бы захватило меня. На сколько дней у нас разговоров?! Я расспросил бы его о том, что он пережил, перенес, перетерпел, рассказал бы о том, что я пережил, перенес, перетерпел, и из хорошего, чего мало было, и, главное, про эти годы мучений, голода, хандры; скитаний и исканий, глупых поступков, и о тысяче прочих вещей

мы переговорили бы. Не представляю я тебя сейчас, браток. Где ты? Что ты? Как ты? Да и дружков бы увидеть не мешало. Только посыпятся эти больные вопросы: Откуда? Каким образом? Ведь ты был в отпуске? Увидеть бы Бориса. Не того, Черникова, а Найденова, хотя и дружил я с последним всего полтора года, а с тем – 10 лет, так много мне дал и так много плохого помог мне выбросить этот Найденов – незаметный, скромный, нескладный паренек, и сейчас тоже не знаю, где он и что он, хотя почти явственно представляю, как он. Так хорошо мы дружили, дополняя друг друга, помогая друг другу и зная друг друга так, как каждый из нас знал себя самого.

30.7.47 г. Долго не писал. С 9-го по 30-е очень многое изменилось. Кажется 12-го числа выехал от Маруси, без билета, почти без денег, но с тайной надеждой на лучшее. Добрался с горем пополам до Москвы, и начались дни хандры, скитаний по Москве в поисках работы. Родственники по матери приняли плохо (сколько же кормить им меня). Припугнули милиционером – (невидадь), и я с сердцем однажды, хлопнув дверью, – ушел. Поехал в Крюково – не зная ни адреса, ни места. Приехал туда под вечерок, побродил по станции. Что и следовало ожидать – не нашел. Хотел было совсем возвращаться назад, но осенило: телефонная станция! Быстро сходил, узнал дорогу, оказывается, еще 5 километров в сторону – подсобное хоз(яйст)во «Ржавки». Так вот, мой дядя Алексей там работает ветеринарным врачом. Поддержал он меня крепко! Во-первых, поддержал в смысле питания. Потом в том, что забиваться от Москвы далеко – не след. И посоветовал, используя его гостеприимную квартиру как базу, искать работу за городом, т. к. я уже пытался – в Москве не прописывают. Много изъездил я, но наконец из Управления трудрезервов получил бумажку для ознакомления и устройства на работу в г. Узловой – более 200 километров от Москвы. Но выбирать не приходится. Похарчился в Москве у родных так, как давно не харчился и, наверное, не скоро буду. Щи, превосходные супы, рисовая, гречневая и другие каши, хорошо помасленные – досыта, жареное сало и чай, чай с белым хлебом и рафинадом. Еще родня в Москве объявилась со стороны Алексея и его жены. Чудесные, простые люди. С какой простотой приглашают за стол, не подозревая, за что я сажился месяц назад в Чернигове. Но все проходит. Прошло и это, и вот я сейчас в Узловой, оформляюсь в Ж.У. на должность мастера п/о. Вопрос серьезный. Дело идет к смене профессии в корне. Принял директор хорошо, пока поселили в пустующем общежитии, дальше – не знаю. Что остается написать о прошедшем. От души, сердечно поблагодарить дядю, его жену, Клавдию Константиновну, ее родичей, мамашу – за то, что не дали пропасть. Больше того, оказали поддержку на первый день буханкой хлеба, парой селедок, десятком рафинадных кусочков, куском мыла, и, самое главное, Алексей Иванович бестрепетно отдал мне свое осеннее пальто: «Носи!» – просто сказал. Благодарен до бесконечности. О нем я еще буду писать. А теперь работать, работать и работать.

Работать, как проклятый, несмотря ни на что (хотя бы для того, чтобы разуверить моих родственников в том, что я никуда не годен). Показать, что я годен и не на плохие дела. Ведь в Москву заезжать придется, хоть и далеко. Написал маме письмо. С нетерпением жду ответа.

1.8.47 г. Сегодня мой первый день работы. Я писал уже, что меня приняли и оформили, как молодого специалиста. Денег 950 рублей... Работа в августе будет без группы, а с сентября буду возить на практику группу человек 15 «сливок» подрастающего поколения. Чтобы не сесть в калошу, и особенно там, в депо – надо этот месяц поработать и так поработать над собой, чтобы полностью оправдать доверие всех. Дали комнатку в общежитии на месяц, может быть, отвоюю ее и на зиму, что было бы замечательно. Все будет зависеть от моей работы. В этом – главное. Жать!

Сдал карточку на довольствие в столовую. За счет ребят – кормятся все мастера, и неплохо кормятся. Кормится еще более неплохо завуч новый, который работает всего 5 дней. Кормятся не только обедами, но и хлебом, что, конечно, ребята видят и возмущаются

– отсюда большое недовольство, слабее много дисциплина. Называют они этих мастеров «хапошниками» и «кусошниками» – очень верными именами...

Основное, что мне помешает – это моя молодость. Есть ученики с 28-го года рождения и мне неудобно, когда кто-либо переспрашивает удивленно и безжалостно: «С 28-го?» Уже слышал краем уха шепоток ребят: «Новый мастер – с 28-го года».

Ну, что ж, будем бороться!..

7.8.47 г. ...Завтра все разъезжаются – остается одна группа, на хозработах. Работал сегодня в кабинете, чертил. Отправил письма: домой и Ивану. Что он никуда не пишет?

У меня на койке стоит сейчас казенный полубаян. Будет возможность – буду учиться играть. Достать бы самоучитель!

8.8.47 г. Купил плитку и уже варил 2 раза. Карточку отоварю – не совсем удобно ходить в столовую, т. к. ребята будут думать, что отрываешь от них...

Все эти дни чертил. Не могу никак сосредоточиться на технической литературе, за которую взялся – немного повторить...

15.8.47 г. Два вечера подряд приходили ко мне мои непосредственные начальники: зав. и старший мастер...

Зав. очень самоуверен, много и грубо ошибается в решении различных вопросов, но делает вид, что не смущается этим (или на самом деле не смущается – не поймешь). Каждый вечер заходит ко мне, тяжело отдуваясь от ужина, и плюхается на кровать. Разговор ведет очень самоуверенно. Начал фамильярничать со мной. Это – прекратить. О железнодорожном транспорте – очень смутные понятия. Ежедневно три раза ходит в столовую и кушает досыта там; иногда, правда, глаза не накормив, – просит добавки, ведя себя, таким образом, хуже ученика другого. Не уважает себя человек.

Я все черчу. Начертил 90 штук рабочих чертежей и 3 показательных. Скоро перечерчу все.

Дают группу № 4 – одна из самых плохих. Группа эта – помощников машиниста. Таким образом я буду крутиться как бес, может быть, даже придется во внеурочное время дублировать, чтобы не оказаться профаном перед ребятами...

17.8.47 г. Вчера приехал директор.

Чигирь – спокойный, рассудительный, немного грубоватый в разговоре детина, всегда чувствуется, что он на взводе, каждую минуту может оборвать грозным окриком. Со мною – ласков. Он многого ждет от меня. Он ждет от меня роста в педагогическом отношении, хотя в этом отношении я еще сижу в яйце. Он так много ждет от меня, что мне становится неудобным это. Ведь недаром дал он мне оклад 950 р., тогда как старые рабочие, проработавшие в мазуте 20–25 лет – получают оклад мастера – 800 р...

20.8.47 г. Готовлю технологические карты. Добросовестно, не жалея себя. Зав. и старшой очень довольны, но я почему-то чувствую угрызения совести; мне кажется, что я мало работаю и не отрабатываю этой тридцатки в день. Получил зарплату 470 р. Это аванс. Честным трудом, нормальной работой не зарабатывал никогда (исключая различные авральные, лошадиные работы, например, выгрузку угля, когда за 24 часа непрерывной работы заработал 300 рублей)...

Я согласился читать материаловедение, хотя не представляю себе, как буду успевать и в депо и в классе, правда, задача облегчается тем, что практика в депо будет через день и один день теоретических занятий. Взял, в задумчивости почитал программу, вспоминая все мне известное – и твердо решил – надо вывезти! Вывезти во что бы то ни стало. Тогда я признаю себя человеком, способным кое на что. Если все пойдет хорошо, если в этом труде я найду успокоение и счастье (а также и материальную заинтересованность), будет замечательно. Основное, за что я беспокоюсь – это за отсутствие у меня педагогического опыта. Сумею ли я свободно держать себя у стола, свободно и не теряясь разговаривать и повелевать 30 чело-

веками. Ведь сядут передо мной и вперят любопытные, недоверчивые, злые, насмешливые, невинные глаза – 30 человек самых отборных, самых «сливок». Уверенность прежде всего, а знаний хватит. Получил письмо из дому, дождались картошки – а это главное, как только войду в нормальный ритм – буду посылать деньги...

Вообще мне не везет – я накалываю сам себя за свою растерянность и торопливость. Как только поехал сюда – потерял нож. Купил за 10 рублей здесь, вчера опять потерял, а бане оставил солдатский ремень – пришлось отдать опять червонец, купил эти «часы» – оказалось, ни денег, ни часов. Эх, растяпа!..

29.8.47 г. За часы пришлось отдать еще полсотни. Сейчас тикают, на минуту за час спешат. Подряд четыре ночи составляю календарно-тематические планы по материаловедению, его будет 7 часов и эксплуатации паровозов – 4 часа в неделю. По силам ли взял, Владимир Алексеевич?

Я – счастлив. Что мне нужно? Я – сыт. Одет и обут. Одно – работать. Так работать, чтобы никто не сказал, что я легко зарабатываю эту тысячу. И дело тогда пойдет...

2.9.47 г. Сегодня у меня знаменательный день. Первый раз за свою коротенькую жизнь пришел на занятия преподавателем. Много было передумано и пережито, но с самого утра сегодня – был удивительно спокоен...

7.9.47 г. Сегодня 800 лет Москве. Отметил полным отдыхом с 12 до 7 ч, кружкой пива, карманом орехов, карманом семечек, парой яблок и этой записью. Начнем другую тетрадь, Владимир Алексеевич!

8.9.47 г. Работаем. Мой стаж педагогической работы – 11 часов. Что получается? Получается ничего. Хотя нет у меня теории в голове, но ребята слушаются. Шум в классе – меньший по сравнению с шумом на уроках по русскому и математике у молодых московских педагогов, только окончивших институт. Работа со своей группой – тоже идет. Мешает молодость проклятая (А так ли ее надо называть, Владимир Алексеевич?). Ребята зовут меня по имени-отчеству, и мне с непривычки неудобно выслушивать это (хотел только написать – оскорбление), ну, больше серьезности.

Послал маме 150 рублей – больше не мог выгадать. С получки думаю послать еще. Продолжаю чувствовать себя неуверенно: после двухмесячной безработицы и голодовки такая благодарная (и в экономическом и в моральном отношении) работа и такое питание (я сейчас питаюсь неплохо). Эх, не сглазить бы. А?

Надо работать лучше. Точное расписание и режим дня. За это бороться всеми потрохами.

11.9.47 г. Сумасшедшие денечки. Уехали в Москву директор и Александр Иванович. Везу его уроки. Например: сегодня читал: 2 часа паровоз (устройство), 1 час ремонта, 1 час эксплуатации, 1 час материаловедения, 1 час слесарного дела! Кроме всей этой напряженной работы – дежурил в столовой во время ужина...

Чулин – учащийся 5-й группы, воспитывался без матери, а в школе похоронил отца. В первый раз я встретил его в столовой. Он угрюмо, «по-взрослому» смотрел на меня и ждал ужина своей группы. Я почему-то не сумел настоять на графике и посадил группу вне очереди. Он подошел и свирепо спросил: «Когда кормить будешь?» «Вас я совсем не буду кормить, не заслужили этого». «Не будешь? Тогда я хлеб с подноса возьму» и прибавил еще кое-что. Хлеб он, конечно, взял с подноса и попался. Потом я узнал, что он такое. Сегодня он собрался ехать в Москву, везти в детприемник маленькую сестренку. Выписывал хлеб на 3 дня. Я отозвал его из кабинета дира и, оторвав талон на хлеб, дал ему. Он раскрыл глаза и, кроме «спасибо», ничего не мог сказать. Интересен случай с Борисовым Юрой. Я ходил на дом, говорил с мамашей по поводу его поступка с одним мастером. Дал «последнее» обещание...

Получил письмо от Маруси.

16.9.47 г. Вчера на совещании директор, выступая, отметил меня с хорошей стороны! Ему понравилось, что для уроков материаловедения я насобирал в депо различных обломков чугуна, стали, выпросил в кладовой бобину сплава Кинга, в инструменталке – негодных фрез, сверл, в медницкой – куски баббиту, и привел пример этого остальным – тертым педагогическим волкам. Мне было очень неудобно, так мало сделано, а такое внимание...

С группой взял курс на строгость во время учебы и работы и товарищеского обращения вне их.

Чтобы окончательно укрепить себя в группе – сейчас необходимо повоевать с бухгалтерией, хозяйственниками и комендантами за выдачу ребятам положенной хлопчатки, ботинок, носков и т. д.

20.9.47 г. Сумасшедшие дни. 17-го после обеда поступило распоряжение горкома партии о снятии с занятий 4-х групп и направлении их в шахту на сверхплановую добычу. Со мной поехало 13 человек, как раз половина группы. Остальные разбежались по кустам. С 4-х часов спустились в забой и в час ночи вылезли. Работали, как проклятые, ребята молодцы. Я все время просидел с ними в лаве. Денег нам не заплатили, обед дали плохой. Половину дороги назад пришлось идти. Это километров 5. Пришли в Узловую в 6 часов утра, разбитые до основания. Дал ребятам по две порции хлеба (за счет отсутствующей половины, на себя принял ответственность), по две порции супа, по три порции каши и отправил спать на весь день, а сам пошел читать материаловедение. Провел два часа, потом воевал с неявившимися, пообедал, опять воевал, и только в 5 часов удалось попасть домой. Мертвецки уснул и проснулся только в 6 часов утра. В шахту спускался первый раз в жизни, немного было не так, как показывают в кино и на картинах и как пишут в книгах. Посмотрел тяжелый благородный труд шахтера...

25.10.47 г... Мечется директор, помпохоз, мастера, мечусь и я вместе с ними в общем круговороте, портим друг другу аппетит и нервы, стараемся, и я стараюсь сделать лучше, но в результате получаю такие выкрики, как «Четырехглазый», «Очкастый», такие замечания, как получилось сегодня. Уже помышляю о том, чтобы прийти к директору и сказать ему: «Увольняйте»...

22.11.47 г. Но до чего же у меня все хорошие, с обыкновенными шалостями ребята. Простые, деревенские парни, чувства которых не прячутся за разноцветные лишние словеса, а так приятны в своей непосредственности и простоте. Плохо слежу за собой, а поэтому иногда получают неисправимые ошибки.

Завтра воскресенье, но отдохнуть не придется – дежурю в столовой...

30.11.47 г... Руководство – сменилось. Директор уезжает в Москву... Новым диром будет С., так, посредственность. Завом – Сухорученко – это человек, которому я обязан всем. Видно, что следит за мной, помогает. Мы понимаем друг друга, он меня – больше, т. к. прошел всю стадию, в которой я нахожусь. Сочувствует и помогает...

16.12.47 г... Большая радость для всей нашей страны. Полегчает житуха. Народ недаром совал деньги недели за две до вчерашнего дня. Отменили и деньги и карточки. В магазинах хлеба – хоть завались, никто не берет. Народ рвет друг у друга новые денежные знаки – рассматривают, обсуждают бумагу, вязь, делятся впечатлениями. «Крепнет рубль» – так говорят винтики, в депо, в училище, на улице.

Меня часто раздирает страшное желание – что-нибудь намазать на бумаге, что-нибудь выдумать свое. Никак эта штука пока не лезет в голову, потому что, по правде сказать, я и не пробовал. Если написать что-нибудь, то написать, конечно, о железной дороге, о людях на ней, какой-нибудь простой, симпатичный характер обрисовать, простой чтобы был и близкий всем таким же простым, мазутным людям. В основу рассказа надо положить какой-нибудь сюжет. Есть тема хорошая одна: наша, железнодорожная, о наших людях и о нашем

человеке. Я хочу сказать о Золотареве, знатном машинисте Узловского депо, которого выдвинули узловцы кандидатом в Облсовет...

19.12.47 г. Позавчера произошел крупный конфликт с директором. Они с замполитом хотели вовлечь меня в общественную жизнь училища, т. е. поручить мне вести кружок рационализаторов и изобретателей. Я отказался. И довольно вызывающе. Сам уже не знаю почему. Шахматный кружок вести взялся...

25.12.47 г. Работаю и работаю... Делаю свою простую, обыденную, черновую работу... Все идет своим чередом. Ежедневные конфликты и стычки, беседы и внушения. Дело, мне кажется, получается; это видно по отношению всех сотрудников, хотя до настоящего хорошего состояния мне группу еще надо тянуть да тянуть, а тянуть уже некогда. Считай, осталось 2 месяца, а там прощайте, мои хорошие ребята. Наверно, не будет больше такой группы никогда, таких умных, простых и доверчивых, таких остроумных зубоскалов и таких /.../ в своей почти первобытной нетронутости...

1948 г.

1.1.48 г... В этом году надо сделать вот что: 1. Выпустить группу с честью. Закрепиться здесь в ЖУ 2. Охлопотать квартиру. 3. Перевезти в Россию мать, Бориса, Надёжу. 4. Сделать шаги, чорт возьми, к осуществлению моей самой заветной мечты...

9.1.48 г... Вчера был в парткабинете, где встретился и быстро нашел общий язык с ответственным секретарем городской газеты «Сталинское знамя». Мы быстро познакомились. Он просил меня писать заметки в его газету, а затем, говорит, вступишь в наш лит. кружок. Очень интересно, что за лит. кружок и чем он там занимается...

18.1.48 г. Все чаще меня одолевает желание писать, творить, но как только раскрою тетрадь с твердым намерением это сделать – все. Вернее, ничего. Ничего не лезет из головы; это происходит потому, что: 1. Надо начинать с мелочей (мельчайших мелочей). 2. У меня нет никакой практики. 3. У меня нет силы воли. 4. Я – приспособленец, а начинать писать нужно только с открытой душой, без тени лжи, в противном случае эта ложь, фальшь будет замечена. Трепач я – в-пятых. Собирался работать над материалом о Золотарева К.Я. Не хватило воли. Ну что же, что-нибудь надо делать. Сначала ведь с мелочей – а потом... больше...

26.1.48 г. Сегодня, после дня обыкновенных повседневных забот и треволнений – вызывает меня директор: «тов. Чивилихин, мы все-таки решили поставить тебя преподавателем»...

2.2.48 г... Последние несколько дней попробовал было написать чего-нибудь. Пытался описать паровозников в их жизни, полной скромных, героических дел. Описал «брехаловку», но когда сегодня прочел – очень и очень бледный вид имеет эта мазня. Прочел также несколько рассказов О. Генри. Какая лаконичность и простота выражения мыслей, какая предельно сжатая строка, какой занимательный сюжет на двух страничках. Это был – писатель! Это была голова! Я вот сейчас, хватаясь за голову, в муках (оттого, что не могу переложить на бумагу мысли) думаю – о чем написать, какой сюжет взять?..

Описать чего-нибудь, с длиннотами, которые самому читать неохота, с водой неизбежной – кое-как могу, а вот чтобы действительно писать, коротко и просто выразить мысль, написать диалог, хотя бы тот, простейший, который я слышу и который я говорил 5 минут назад, – не удастся. Слова разговора на бумаге делаются мертвыми, личностей не видно за этими безжизненными словословиями...

24.2.48 г. Прислал письмо Гоша Тонких. Я от него не ожидал. Перед прощанием у нас были натянутые отношения. И я не думал, что у него сохранится, останется такое мнение обо мне. Я иногда, не выдерживая голода, стужи и неприятностей в депо, принимался ругаться страшными словами, кляня всех и вся, вызывал его на грубость, кипел и метал. А он терпеливо выслушает меня и скажет: «Ни хрена не поделаешь, Володя!» И вот мы с ним мерзли, разрывая пополам целую портянку; голодали, разламывая корку хлеба, кормили вшей, а потом, в бане, с остервенением хлестали друг друга вениками. Вот она где настоящая дружба создается.

А Борис Найденов прислал совершенно не похожее на предыдущие письмо. Такое осторожное, отчужденное. Не то, что было. Он мне писал о своих симпатиях, о шахматах, музыке, стихах, лыжах, кино. А теперь сухое, сухое, такое противное письмо. Нет, мне кажется, наша дружба не окрепла, не закалилась. И вот результат; Володя Кривошеин пишет. Прислал все то же хорошее, теплое, дружеское письмо, сдержанное и строгое – каков он сам. Пишет, что переживает первую любовь – эту вечную тему, на которую пролиты моря чернил.

11-12-13 февраля – я был в Москве. Купил себе кое-что одеть, обуть. Съездил в Серпухов за напильниками и опять в Узловую. Москва – хороша. Мечта поучиться в этом городе –

не оставляет меня. Сегодня написал и опустил в ящик записку-фельетон в местную газету. Так – чувшь. Если все-таки поместят – будет хорошо. Подписался – В. Алексеев.

Ребята мои становятся выдержаннее, спокойнее. Дисциплина – лучше. И чувствую, что работать с этими ребятами – можно. Двоек нет. Самоволок нет. Мне не нравятся мои собственные поступки, некоторая невыдержанность с ребятами, с сотрудниками. Особенно с девушками (хотя это и естественно).

Все-таки я достаточно болтлив, и поэтому создалось обо мне какое-то двойное мнение, т. е. – я и хорош и плох. Хорош тем, что я выполняю инструкции (это – выражаясь суконным языком). Могу ребят, как здесь говорят, «держать», могу с ними спеть, могу им на мандолине сыграть страдание, поучить приемам бокса и в поднятии штанги, сходить с ними на лыжах и показать, как надо прыгать с трамплина, поучить играть в шахматы и обыграть сразу троих и т. д. С другой стороны, я иногда не сдерживаюсь и у меня вырываются не совсем разумные речи. Иногда я едко надсмеюсь, иногда разболтаю то, что не следует болтать, иногда придирчив до страсти. Не всегда держу свое слово – эта проклятая черта, с которой я борюсь уже лет 10, но и она борется со мной и побарывает, чертовка...

Сегодня с часок напишусь. Попробую описать все тот же паровоз, брехаловку, бригаду. Помощника, бывшего «фабзайца», взять за героя. За сюжет взять случай, которые иногда бывают: один человек своими героическими сознательными поступками оказывает пользу общему делу – стране, народу...

2.3.48 г. Пришел сейчас домой, уставший до чертиков. Дал 6 часов и, кроме этого, чертил и консультация была. Получил письмо из дому, просят помощи. Завтра пошлю из расчета малость денег. Надежда падает духом – недоедания, плохая одежда, такая работа. Неудивительно...

6.3.48 г...Зашел в воскресенье в парткабинет. Взял справочник для поступающих в вузы и просмотрел его. Как захотелось учиться! Но куда деться? Порассуждаем: 1. Если я поступлю в педагогический институт (заочно). Стремление у меня только к литературе. Значит, после пяти лет муки я буду преподавателем литературы в 7—10 классах. А чертежи, а паровоз, а эта работа! Все пропадет. На чем я оставил половину своего зрения, на чем принял мучения, огорчения и радости. Отставить! 2. Юридический (заочно) ин-тут или факультет университета. Поможет в развитии, но кем я буду? Грешная мысль, что буду чернила брызгать на бумагу когда-либо, не покидает меня, и посему я смотрю на юридический. 3. Технический (заочно), точнее, паровозный факультет. Это трезвое и верное дело. Если будет охота – преподавать, в техникум я попаду, во всяком случае. Я, пожалуй, так и устрою. Но вот математика и иностранный язык! Да еще физика...

18.3.48 г...Вообще-то я зря упирался. Преподавателем работать лучше. Во-первых – прогрессируешь, во-вторых – покультурнее и почище, в-третьих – 2 месяца отпуска. Ставочка у меня сейчас приличная. Мне действительно создали все условия. «Работать, черт побери. Только еще раз – надо выдержаннее себя вести. Не смеяться так часто, не совать нос – куда не просят. Быть немножко вежливее с окружающими...

Сегодня получил аванс. В воскресенье надо будет отправить Ивану посылку. Ящик – сбил, собрал уже муки, концентрату, сала, вот куплю еще сахару, еще каких-нибудь жиров, грамм 300 водки и пошлю.

28.3.48 г...Написал сегодня письмо Галине Андриановой. Она что-то не ответила мне, и я решил написать ей еще одно письмо. Не ответит – придется прекратить переписку...

Хорошо получить письмо от друга или подружки, с которыми связано столько воспоминаний.

Все-таки как странно поворачивается жизнь! Вот взять этот год. После лихорадочных поездок по Южному Уралу, таких трудных, непроизводительных и таких прекрасных по своей смелости и авантюристичности. Вспоминаю заброшенную станцию Карталы, машину

недалеко от базара, пухленькую, маленькую девушку и ее горячие ладони. Как я бесконечно благодарен тебе (уже забыл твое имя) за то, что ты не погнушалась мною, таким замерзшим и жалким парнем. Ты полила мне на руки горячей воды и дала чистое полотенце... Или Тайгу и мой отъезд из нее, когда я, судорожно прижав мать, оттолкнул ее от себя и ушел, все-таки не оглянувшись, в обнимку с Борькой, а чувствовал, что она стояла и смотрела печальными, мутными глазами мне вслед. Или потом бесконечные странствия, голодовки: Свердловск, Челябину, Москву, длинный ряд унижений и тоскливых дней. Последние дни на Украине. Наливались зеленой водой яблоки, и я, собрав последние силы, ночью, как конокрад, лез через забор, на яблоню, и складывал эти горькие зеленые шарики за пазуху. А потом лежал целый час на кушетке и грыз с племянником эти зачатки будущих яблок. Потом поездки по Хохландии. Как менял «Историю дипломатии» на кусок хлеба и как продал томик Есенина за 15 рублей. Обратно Москва, «Ржавки», новый дядя – незабвенный по своей скромности и открытой души человек. И, наконец, эта Узловая, где я нашел-таки чего искал. Работу, которая нравится, хороший заработок. И все-таки мне не сидится, тянет в Сибирь посмотреть на Тайгу, сходить на недельку в тайгу, вдохнуть запах черемухи и смолы. Полежать в высокой траве на Анисимовке, на Репейке, за Березовкой или в парке.

Вот живу я сейчас, не зная нужды ни в пище, ни в одежде, работа нравится, но не чувствую полного душевного спокойствия. Почему это? Хочется сейчас прислониться к Гальке Андриановой, Володе Кривошеину, Гошке Тонкому и взречься, закусив зубами кусок их одежды. И как мне развлечься. Разве найти девушку. Такую же глупую, как я. Не капризную и нежную, но чтобы она любила смотреть на меня и прикасалась ко мне. Это чистое, тоскующее желание вырывается на людях в скабрёзные, пошлые речи и поступки, по отношению женского пола, а пойду если с девушкой, проводишь ее, то прут в глаза ее недостатки, и никуда не деться от этого.

А девушку я все-таки найду. Такую, чтоб была и хорошая и хорошенькая. Пусть скажу про себя плохо, но мне кажется сейчас, что это необходимо. И, рассуждая логически, это закономерно, естественно. Молодость и глупость, в ней заключающаяся, просят выхода – такого, чтобы душа встала в равновесие. Так-то, Владимир Алексеевич.

30.3.48 г. И вот сегодня вышел на улицу, смотрю: миллионы звезд какой-то дурак по небу рассыпал. Эх, собрал бы эту бирюзу да украсил бы нашу зеленую жизнь, а то уж слишком далеко от нас, получается, красивая жизнь, где-то там в бездонной глубине.

Что же, начинаем опять хреновину пороть. Отрываться от жизни начинаем. Не дай бог.

13.4.43 г. Принимаем экзамены. Бывшая моя группа сдает тоже. Ничего ребята. Знают.

Очень бедно проходит моя жизнь. Живу исключительно в работе. Больше – никак...

В воскресенье – бродил целый день по Узловой из библиотеки в библиотеку, потом сходил в клуб, посмотрел «Правда хорошо, а счастье лучше». В 2 часа лег спать. Бедно, очень бедно. Читаю, почти прочел «История моей жизни» Свирского.

4.5.48 г. Перед праздником – устал до смерти. Работал все. Плакатов одних переписал уйму...

Неожиданно и очень кстати (хоть и нескромно) вывесили на Доску почета. И вишу я себе там, очками поблескиваю. Стоп. Серьезнее! Серьезнее! Особенно эти последние, до отпуска, 2 месяца...

Домой послал 200 рублей денег. Надёже надо помочь доучиться – она учится в педучилище в Кемерово...

25.5.48 г... Вчера был на «понедельнике» – нашем, узловском, литературном вечере. Читал свою поэму местный поэт. Ерунда. Человек 10 выступали и расшили его по швам. У меня чесались руки выступить, и редактор нашей газеты узловской «Сталинское знамя» приглашал, но я струсил.

Сегодня был в парке...

Если посмотреть пристально, то мне кажется, дело было так. Очкастый и горбатый парень или мужчина носится по танцплощадке, выбирая по вкусу себе девушку. И не нашел. Он ведь разборчив очень – этот долговязый осел. А как хорошо, что мысли его не заняты этим. Как хорошо!

26.5.48 г. Получил письмо из дому. Очень доволен тем, что немного помог своим. Надёжа просит достать полусапожки – расшибусь, но достану.

31.5.48 г. Насчет рассказа... Надоело это «творение» до черта, читаю и переделываю, кусками выбрасываю и все сначала. Третий раз берусь переписывать набело, и ни черта не получается – все более хорошую деталь можно приделать... Прочел хорошую вещь – роман «Старатели» Гонибеса. Замечательно! Пробую сам подобрать какую-нибудь темку, но пока ничего не нахожу. Нужно писать, когда есть о чем писать и чтобы это было, черт побери, не слишком рано...

Когда-то давно задумал я написать о Золотарева – знаменитом машинисте-энтузиасте. Эту мечту не бросаю и буду потихоньку подкапливать факты. Завожу книжечку карманную – куда буду записывать характерные моменты из жизни нашего училища. Чем бес не шутит. Возможно, придется когда-нибудь подзаняться этим вопросом. Да, а девушки у меня нет. Это – лучше, потому что времени отнимает она много и потом не могу найти хорошую, такую, чтобы ответила взаимностью...

1.7.48 г. Сейчас пришел с «Риголетто». Это офильмованная опера Верди, на немецком языке. Пришел – стал делиться впечатлениями, а помпохоз, наш сосед, толкует: «Э-э-э, «Риголетто» – это Евгения Онегина опера?» «Зачем, итальянского композитора – Верди». «А я думал Евгения Онегина...» Люди думают. Когда же ты начнешь думать, Владимир, и делать то, что думаешь? А?

7.7.48 г. Принял все экзамены. Двое неуспевающих со всех групп. Скоро, через 1 день, еду в отпуск. Уже нахожусь в отпуске, но еще кое-что доделать надо...

24.7.48 г... Приехал 17-го числа домой. В Новосибирске купил себе 2 костюма хороших, бастон и шевиотовый, рубашку, 2 пары носков и еще кое-что. Были дома очень рады, что я приехал, да и я сам, подъезжая, – весь дрожал.

Друзей встретил всех. Все такие же. Изменился Борис Найденов. Стал замкнутее, равнодушнее, строже. Володя Кривошеин учится. Как встречу с друзьями – теперь студентами – так и подмывает ехать учиться.

26.7.48 г. 24-го числа – батрачил у одного старика-кержа-ка, этакого бородатого жилы. Работал до одури, до крови на руках. 50 рублей заработал...

30.7.48 г. Отдыхаю и наслаждаюсь отдыхом. Ездил за шишками с друзьями на днях – привез сотни четыре, хотя сильно рисковал и когда лазил с угрозой упасть и превратиться в мешок с костями, и когда вез в пригородном с угрозой штрафа и в лучшем случае потери продукта этого изнуряющего, дьявольского труда. Вчера целый день провел на пруду, купался, загорал и отдыхал, как вздумается – домино, книга, рекорды на скорость. Посмотрел на друзей, зубрящих под солнцем транскрипции – вновь обуяла жажда учения. Есть такой институт – «внешней торговли». Хотел бы попасть туда на юридический факультет. Если там заочно с января – постараюсь узнать все подробнее...

5.9.48 г. Приехал в Узловую и приступил к работе. Нагрузка будет большая. Долго не могу забыть Тайгу, мать, это радостное дружеское общество своих друзей...

25.9.48 г... Я поступил в школу рабочей молодежи в 10-й класс. Неделю отзанимался. Достал все книги для 10-го, испортил много тетрадей и неужели это все бросить? Нет – я кончу 10-летку.

День уплотнен до невозможности. Утром встаю в 6 часов – занимаюсь часа два, завтрак готовлю, завтракаю и на работу. Ухожу в 4 часа, занимаюсь часа 2 и в школу. Прихожу в

пол-одиннадцатого – занимаюсь с час и спать. Однажды закружилась голова, лег, полежал – прошло. Буду жать. Посмотрим, что выйдет.

19.10.48 г. Наступило расхолаживание. Я сообразил, что для поступления в институт нужно не так уже много труда. Я прикладываю слишком много, слишком. Очень устаю. Может быть, лучше будет, если я просто подготовлю самостоятельно физику, химию, немецкий, математику. Поеду в Москву – все выясню.

30.10.48 г. Получил письма от Бориса, от Володи, от сестры Марии. Борис катает по-немецки, просто, черт возьми, как хорошо. Послал ему еще письмо по-немецки. Глаголы у меня мало-помалу начинают выпрягиваться. В музучилище учится. Очень доволен. А доволен ли я своей жизнью? Скажу прямо: доволен. Во-первых, работа. Работы много, но у меня уже начал появляться кое-какой опыт...

Во-вторых – бытовые условия. Я живу неплохо. Если иногда и похожу пару дней в грязном белье, то это только из-за своей жадности к книжке. Экономлю время. Квартирка у меня довольно теплая, и я – один, мешать никому.

В-третьих. Хоть чему-либо, но я учусь. Может быть, и не требуется так много сил тратить, но будущее покажет, прав я или нет. А пока учусь.

В-четвертых – я могу помогать маме и Ивану. Это – очень и очень важно.

Немного плохо то, что я не пользуюсь успехом у «дам». Это оттого, что мне некогда заниматься этим. Но это от нас никуда не уйдет, хотя иногда жгучие, сосущие до боли вопросы разрывают грудь и мне хочется до чертиков ласки. Простой, женской – материнской или любимой девушки, такой простой и человеческой. Вот олух! Ведь ты еще, очкан, не любил ни разу. Были только такие увлечения... В жизни еще не было момента, чтобы от любви я не спал ночь или пару часов. Меня тоже не любили. Нельзя, а фальши я не люблю.

6.12.48 г... Учиться я, конечно, бросил. Но это не беда. Буду учиться, только самостоятельно, историю, литературу («кровь и жизнь мою», – пристрастие к литературе я сохранил), географию и главное – немецкий.

20.12.48 г. На днях провел ужасную ночь. Был грипп (вообще довольно обычный пустяк). 39°. Ночью встал, кипятил чай, читал, писал, спустился вниз (не давал спать коменданту) и потом вдруг обнаружил, что мои плевки с кровью. Не веря, я как следует кашлянул, и опять сгусток крови. Протерев очки, я медленно, с расстановкой кашлянул и сплюнул на бумажку. Кровь! Я едва не сошел с ума. Итак, у меня чахотка. Если это дело подтвердится – надо что-то предпринимать. Лечиться и лечиться. Есть все хрусты, не пить, не курить. А пока курю и пью, т. к. точно не знаю, что у меня. Тогда, ночью, я думал о том, что проживу еще 2–3 года, и все. Все мои замыслы, мечты съедят черви...

1949 г.

12.1.49 г. Сел за немецкий. Переводил немецкую сказку. Запас слов у меня еще очень маленький. Этак, примерно, слов 200–280, не больше. Лингвистических способностей у меня нет. Мало-мало беру усидчивостью... Все продолжает крепнуть мечта о писательстве. Я еще, конечно, очень молод, неопытен и достаточно безграмотен, чтобы что-нибудь стоящее создать. Но пробовать надо и обязательно пробы показывать, потому что сам себе даешь или очень пристрастную оценку, или убеждаешь себя в бесплодности своих усилий /что чаще всего/...

19.1.49 г.... Вчера была немецкая картина: «Грезы». Принципиально не пошел. За последние год-полтора в наших кинотеатрах демонстрируются немецкие фильмы. Поток этих «произведений» немецкой кинематографии закрыл глаза на современность нашим зрителям. Я пересмотрел массу этих фильмов. «Оперетта», «Песнь для тебя», «Риголетто», «Летучая мышь», «Флория Тоска», «Андалузские ночи», «Богема» и т. п. Рекорд побила пресловутая «Индийская гробница». По своей пустоте, сомнительной нравственности, надуманного сюжета эта картина побила все рекорды. Там столько накручено чепухи...

Все эти немецкие фильмы не стоят одного «Мичурина», которого я на днях посмотрел.

В последнем номере «Литературной газеты» целая страница была посвящена итогам XII пленума правления СП. Был там на обсуждении вопрос о кинематографии (нашей, конечно). Все, как будто, хорошо. Отмечаются лучшие, ругают безыдейные кинокартины, но замалчивание все же чувствуется. Чувствуется в каждой строчке формалистический подход к формалистическому пониманию произведений кино. Вопрос о коренной перестройке работы советских студий не был поднят, и, кажется, наши студии будут бездействовать и в дальнейшем, расходуя гос. средства.

Хочется творческого труда. Хочется сделать что-нибудь стоящее. Когда же это будет? Остается только позавидовать обеспеченности маменькиных сынков, которые, не зная мертвящей скуки захолустья, живут полной, интеллектуальной жизнью. Тогда все силы своего ума можно направить к одной цели.

Был сегодня на участке с учеником. Очень было приятно, что встретили хорошо. Комнаты по 10 кв. м вмещают ни много ни мало – по 7–8 человек. Так живет шахтерская семья Шабановых и железнодорожники Чумаковы.

Этим простым, забитым нуждой людям было очень приятно, что я их всех узнал и даже вспомнил, кто где работает. Ничего. Жить!

20.1.49 г. Получил письмо от Ивана. 9 лет я уже его не видел и не узнаю, наверное, когда увижу. А увижу я его, видимо, скоро. Обещает заехать ко мне после своего красного дня – 4 апреля...

24.1.49 г. Был в училище скандал с ребятами 8-й гр. Не сняли шапок за первый урок – сорвали его. На второй урок все же сняли, но рабочей обстановки не было. Я их оставил на 7-й час. С большим трудом, с помощью мастера и замполита, установил дисциплину, провел урок. Настроение после этого вытягивания нервов – бузовое. Даже расхолаживание к работе есть. Хуже всего – потерять у ребят авторитет! Тогда будет очень и очень трудно.

2.2.49 г... Сегодня совершил непростительный грех. Мальчик, один ученик, очень способный, умный парнишка, заболел менингитом с осложнением на глаза. Я его очень люблю, за его свежий ум, за шахматные способности, за хорошее ко мне отношение. Собрался сегодня идти к нему в больницу. Купил пачку печенья, и показалось далеко и холодно, не пошел. Исправить. Ему, ослепшему и воображающему, что все для него потеряно – будет очень хорошо, если я приду и побеседую с ним, да еще подарок принесу.

11.2.49 г. ... Я достаточно груб, нетактичен и в этом отношении действительно многого не понимаю. Что же, культурным привычкам не было у кого учиться, а особенно в отношении девушек. С самого сопливого возраста я слышал о них только грязь и неприличности. Искренне сожалею об этом.

18.2.49 г. Все время интересуюсь литературой, копаюсь в старых журналах, читаю критику. Позавчерашняя «Правда» ударила по декадентству и космополитизму в поэзии. Проводником декадентства называет Антокольского. Воспитанники его Урин и Гудзенко (я их считаю одними из лучших молодых) – не могут найти тем в современности. «Сын» Антокольского – прекрасная вещь, но это было однажды. После того, когда ему было поручено воспитание в Лит. институте – он не настраивал молодежь на темы современности, а воспитывал их на сонетах, балладах на узко-индивидуальные темы. Например, задавал работу на тему «бессонница». А. воспевал Алигер, воспевающую декадентские мотивы, нюансы «своей» души, мирок, ограниченный письменным столом и керосиновой лампой на нем. Автор статьи – Н. Грибачев (он, кажется, секретарь парторганизации С.С.П.).

В последнем номере «Крокодила» помещена статья «Шадринские простакки». Когда я прочел ее – чувство досады долго не оставляло меня. Ведь эта моя тема! Я вообще много говорю о себе, но ничего существенного не делаю. Смысл статьи – такой же, как и у меня: провинциальный городок попадает на удочку аферистам, спекулирующим на знаменитостях. Только там Чирков, а в Узловой «были» Любовь Орлова и П. Кадочников. Я ведь так и не отправил своего фельетона, т. к. все некогда было узнать фамилию зав. горфо. А мой (без пристрастия) фельетоничнее.

24.2.49 г. Учиться почти бросил. Водку не пью. Живу довольно бедной духовной жизнью и только мечтаю о другой.

Я тоскую по родине вьюжной,
По сибирским дремучим лесам,
По глубоким снегам,
По высоким стогам.
Кто сказал, что тоски нам не нужно?

Припев:

Если ты побываешь в Сибири,
Долго будешь ее вспоминать.
Наши девушки – лучшие в мире,
Наши парни – таких поискать.
Долго будешь Сибирь вспоминать,
Если ты побываешь в Сибири.

Эту штуку нужно дольше разработать и послать Борису Н. – пусть напишет музыку.

Тоскую об учебе, но о такой, чтобы она что-то давала, чтобы она мне нравилась, но эта работа – она высасывает последние силы. Энергия теряется за 6 часов, проведенных в училище.

7.3.49 г. ... Уже 21, молодость имеет начало и конец.

Молодость в 21 год — середина. Не буду сегодня, как

обычно в этот день, смотреть на себя со стороны, не буду ковыряться в себе самом – это плохо, когда много самоанализируешь.

Правдивость в себе понемногу теряешь и не так строг становишься к себе и другим. От этого слабеешь...

14.3.49 г. Роман Ажаева «Далеко от Москвы», чем дальше я читаю его – тем неохотнее отрываюсь от этих сочных живых страниц. Положительно влюбляюсь в героев этого романа. Главное – в автора.

Некоторые места перечитываю по несколько раз. «Человек должен быть всегда недоволен собой. Никогда не вините обстоятельства в своих неудачах, вините только себя. Не останавливайтесь. Не успокаивайтесь, не остывайте, не старейте душой. Не соблазняйте легко доступными мелкими радостями жизни за счет менее доступных больших радостей. Есть в жизни ближняя и дальняя перспективы. Никогда не довольствуйтесь ближней». Прекрасно!

Василий Ажаев вложил эти слова в уста старого инженера Тополева, а как много в них молодости, задора, опытности, основанной на знаниях, закаленной в борьбе с трудностями, неудачами и ошибками.

Доклад сделал. Говорил сначала, немного волнуясь, а потом ничего, увлекся, и было все прекрасно...

Есть цель – она мне кажется недостижимой.

17.3.49 г...Прочел книжку (...) «А. Блок». Кое в чем она мне не понравилась, но о Блоке я узнал многое, чего раньше не знал...

Б.Н. (Борис Найденов. – *Е. Ч.*), тот любит цветы, траву, овес озимый в борозде, былинки и т. д. У меня это эмоций не вызывает. Мне надо людей и, назову про себя, (...) «маяковщины».

Легко и приятно читать хороший рассказ, но самому написать – очень трудно. Слова, как ни пиши, кажутся не на своем месте, неточными, слабосильными...

30.3.49 г. Литература, поглощаемая большинством, не является какой-либо нагрузкой ума – она только отнимает время, т. к. в голове ничего не остается от доброго десятка книг. Возьму пример с себя. Кажется, что я почти ничего не читаю, хотя прочитываю в день страниц 100–120. Почему это чувство, почему кажется, что за эти 7 месяцев последних – я не прочел ничего – просто какая-то пустая яма. Из монументального беллетристического романа Голубева «Сотворение века» запомнил только самую дрянь...

Неужели я в книгах ищу только развлечения? Да, это почти так. Я сейчас состою в 5 библиотеках. Требуется делать выбор, тщательный и придирчивый.

4.4.49 г. Нет месяца полтора писем – жду с нетерпением. Рассказ заканчиваю, он мне ужасно надоел. Эта неделя – срок. В то воскресенье отделяю и посылаю в редакцию «Смены» на консультацию...

7.4.49 г. Получил из дому письмо. Очень неважно живут. Жду с нетерпением Ивана, чтобы решить, как жить дальше. Обособиться от матери не могу. Я ей обязан всем, даже своими недостатками и, может быть, пороками. Борис курит, оказывается. Новость. Не уследила мать, как в свое время не уследила за мной. Прочел кое-что о Чернышевском и просто обожествлять начинаю его. Его образ в моем представлении это что-то невообразимо чистое, притягательное. Высококультурный, образованный, аскет, честный, терпеливый, как его герой Рахметов, со всепобеждающей идеей Веры Павловны – как это прекрасно! Душа захлебывается от желания стать похожим хоть в чем-нибудь на него или на образы его произведений.

Это идеи многих тысяч молодых людей России, и это хорошо. Как замечательно, что история моей Родины имеет такие примеры. Что моя литература имела таких людей, непрекрасно-прекрасных и чистых.

Рассказ закончен сегодня. Завтра начинаю переписывать. Есть маленькая надежда получить ответ на мое ученическое рукодeлие.

9.4.49 г... В этот день встретился с Э. Мы с ней, узнавая друг друга, и приближаемся и удаляемся друг от друга. Она очень наивна, но мила. Иногда мне по получасу приходится молчать и слушать ее болтовню. Кажется, я не люблю ее.

Очень я стал привередлив в выборе подружек. Дружба с ней дает мне что-то. Или бодрости, или жажды жизни, но что-то хорошее. Это – главное.

Жду Ивана. Уже пора приехать ему. Черт возьми! Ведь восемь лет назад! Мне было тогда 13 лет. Только 13 лет! Как быстро прошли эти годы и, сознаться, беспорядочно и бес-толково. Ничто не приблизило меня к цели. И сама цель – туманится в хряском сумраке.

Сейчас волнует семья. Устроить – задача. Сегодня весь вечер стирался. Это все-таки тяжелая работа стираться. Но какое восхитительное душевное облегчение после чего-нибудь сделанного (пусть даже выстиранных простынь и рубашек) – прелесть.

Так тихо и хорошо на душе. И только желаешь этого ощущения другим людям.

На улице – грязи Узловские. Поэтому сижу, а то бы сходил куда-нибудь. Куда-нибудь – место довольно определенное. Это клуб, бильярдная и чайная. Знакомой молодежи мужского пола – все больше. Есть хорошие хлопцы,

11.4.49 г... Ивана жду – завтра, послезавтра должен подъехать. Встречу – не представляю, видимо, это будет что-то не особенно родственное, так мы отвыкли. 9 лет почти не виделись, ему уже 34 года. Жизнь почти прошла, хотя никто не знает, как он сумеет прожить остаток лет,

Я курю. Вчера – плевался кровью. Чувствую, что курить больше нельзя, но ежедневно покупаю по пачке папирос.

Хорошо, что есть литература, откуда черпаешь веру во многое: в самого себя, в людей, в идеи коммунизма.

Много во мне некоммунистично. Очень многое. Часто не могу справиться со своими чувствами, не могу правильно, по-коммунистически отнестись к людям, сам совершил два года назад не коммунистический поступок. Я бежал от трудностей. Нет, Володя, только не от трудностей ты бежал! Тебе было трудно, и это было удовольствием. Ты ушел от голода, грязи, постепенного атрофирования всех человеческих качеств. Коллектив там был плохой. Друзей – не было (как, впрочем, нет и сейчас). Я был прав. Пользы Родине я принес здесь больше, намного больше, и я этим внутренне успокаиваюсь...

13.4.49 г. Занимаюсь чуть баяном. Две русских песни «Вдоль крутых бережков» и «Всю-то я вселенную проехал» – разучил по нотам. Завлекательная вещь.

На людях – лучше. В одиночку почему-то тоска.

Не путая любовь с потребностью любви, хочется полюбить радостно, открыто и сильно. Так, как в романах, так, как способен полюбить Человек, как человек должен любить: чисто, безмерно. Это ведь, Володя, не умничание и не кривляние. Самое отвратительное извращение естественных функций мозга – притворство и грязь в любви. Нам, обычным людям – трудно бывает (подчас, невозможно!) осветить отношения с женщиной ярким и теплым светом, который есть у каждого мужчины, юноши...

Я задумался на минуту и захотел сделать что-то большое и значительное, способное осчастливить много людей.

Как хороша молодость!

15.4.49 г... Надо учиться, а что делаю я? Я читаю романы: «Буря», «Университет» Коновалова. Они многое дают, но чувствую, что мне приходится играть и не быть самим собой (а может быть, это и есть я сам?). Неуравновешенный, самомнительный эгоист, погрязший в самоанализе.

Сажусь за немецкий, и пропадает охота учиться. Или, может быть, это потому, что работа все-таки забирает много сил. Вру! Сегодня я не сделал почти ничего – повторял с ребятами вопросы к экзаменам.

Нет опоры, нет цели, для которой я бы жертвовал всем...

19.4.49 г... Почему меня ничего в жизни не удовлетворяет? Неужели я таким и останусь? Это еще ничего, т. к. я имею ко многому интерес и во многом нахожу радость. Скучнее стать обывателем.

24.4.49 г... Почему мне так много хочется? Но я не получаю. Нетерпеливо и непостоянно живу. Такое есть... Много делал нехороших поступков... Чувствую, что плохой слишком сам, поэтому у меня не заводится друзей. «Искать друзей в будущем – удел одиночества» – кажется, Леонид Леонов.

Рассказ написал, но отправить его не могу – боюсь, сам не знаю чего. Вернее, мне будет стыдно, когда начнут читать мою пачкотню. И стесняюсь показать кому-нибудь здесь.

5.5.49 г. 30-го числа днем – уехал в Москву... На демонстрации не был. Посмотрел только, как тысячи людей шли на площадь. На следующий день поехал к моему двоюродному брату П. Морозову. Он – добился многого...

Меня продолжал мучить вопрос: «Куда учиться?» Они в университет не советуют. Советуют в технический вуз. 3-го числа купил (с трудом нашел) пару линеек логарифмических, заехал в управление, в МЭМИИТ. Потолковал со студентами об их житье-бытье. Неважно, но жить можно. И я почти решился поступать в МЭМИИТ.

Итак, буду продолжать свое техническое образование, хотя душа не лежит.

Я рассуждаю так: для того, чтобы стать писателем, надо очень быть о себе высокого мнения в эти годы. Такую мечту я не покидаю. Она умрет вместе со мной. И в гуманитарное учебное заведение я мечтаю попасть только потому, что там дается развитие таким общим наукам, как история, география, политэкономия и пр.

Юристом стать – тоже можно, только с условием – творческой работы на литературном поприще. Педагогом – не прельщает.

Поэтому удобнее всего закончить железнодорожный вуз. Какие к этому шансы? 1. Перспектив роста на моей теперешней работе – я не вижу. 2. Стипендия в МЭМИИТе на 2-м курсе в 2,5 раза больше, чем в университете. 3. Мать принципиально не возражала никогда – (конечно, помощи от нее я ждать не буду). 4. В моем распоряжении еще 3 м-ца до экзаменов. 5. С отпускными я смогу прожить 1-й курс сносно. 6. Не исключена возможность подработать в Москве во время учебы. 7. Все учебники, для подготовки ко вступительным экзаменам, у меня собственные. 8. Все-таки постираться я смогу у какой-нибудь из двоюродных сестер, братьев, дядек. 9. Страстное желание учиться, учиться. 10. 5 лет в Москве – что-то дают человеку.

Итак с сегодняшнего дня – начинаю учить.

9.5.49 г. Что я за человек? Принятое вчера твердое решение учиться, сегодня уже размягчается, и я слабею, слабею.

Прислал Б. Найденов письмо и советует тоже учиться. Только с условием – к чему лежит душа.

Чувствую, что к технике душа не лежит. И в детстве вот, я не прельщался конструированием приемников, пароводок – всякое ремесло было не по душе. Я только читал, читал с 6-ти лет. И как сяду за математику – отвращение появляется к точной науке, и хотя усилием воли я заставляю решать задачи, но это только насилие над самым собой, и, вот именно, только.

Нет, я очень и очень слабovolен... Конечно, я буду жать, но если не удастся сдать в МЭМИИТ – попытаюсь заочно в юридический.

Вот как можно стать на перекутье и... простоять всю жизнь. Прочел билеты по литературе для 10-го класса. Я литературу не учил с 7-го – это было в 42-м году, но почти на все билеты я бы смог ответить на 4–5. Это значит что-нибудь или нет?

Что такое со мною случилось сегодня? С воспаленной головой сижу и думаю. В задумчивости открыл «справочник» для поступающих в вузы. Университет Ломоносова нашел. Подчеркнул филологический факультет, искусствоведческое отделение, потом заочное и тоже искусствоведческое отделение. И мысли запенились как пиво в горлышке бутылки, после того, как пробку вынули.

Мечтаю, мечтаю.

И сразу стало неохота тревожить математику.

12.5.49 г.... Сходил в кино. «Сталинградская битва». Картина замечательная. Сделана по-советски. Выпукло, рельефно выступает образ И.В. С ужасом подумал – что будет, если его не станет?.. (И.В. Сталин. – *Е. Ч.*)

21.5.49 г... Писем нет. Где мама, я не знаю. Как Иван, тоже. Жму на немецкий и историю, как будто только это и надо...

24.5.49 г. У меня теперь есть цель: поступить в этом году на филологический фак. Моек, университета. Отделение или журналистики, или искусствоведческое. Будем посмотреть. Но отдам все! Думаю еще год поработать и учиться заочно. Купить себе кое-что из тряпья, а то быть студентом, да еще нищим – скучно весьма...

26.5.49 г.... С сегодняшнего дня сокращаю сон до 6 часов. Больше, чем 6–7 часов, заниматься не могу. Это мне будет стоить громадных усилий, т. к. устаю на работе.

Ваня получил мою посылку, благодарит. Мама собирается ехать, продали дом и картошку. Надёжа не может уволиться...

Жать, хотя и так жму порядком.

26.5.49 г. Как привлекательна и маняща возможность узнать много, больше, чем знаешь.

Нахожусь в окружении людей, для которых еда, выпивка и мир в семье – все счастье. Как это счастье мало! Как оно мизерно по сравнению с тем счастьем, которое может и должен иметь человек. Я не виню их, их вины здесь нет. Но порой только жалость, самая хорошая, без унижения. Почему нам, моим знакомым, родным, всем людям не хватает чего-то. Работа – этот лучший и вернейший друг человека – не всем истинный друг. У многих отношения с ним испорчены, обращаются они по-приятельски, а самое печальное, когда он – враг. Это по-видимому, тоже от условий...

Последние 2 дня – принимал экзамены с 8 до 18 часов. Очень устаю, и самостоятельные занятия получаются с пониженной продуктивностью. Самообразование – замечательнейшая вещь. Но как бы я учился, если бы попал в университет!..

Конспектирую историю, литературу, копаюсь в Горьком, в его статьях, в статьях о нем, завел даже на него тетрадь! Его необходимо хорошо знать. Прочел я его всего. Но запомнил мало.

31.5.49 г. С завтрашнего дня – лето. Стоит зной. Жму, но по-прежнему теряю много времени.

По литературе собираю материалы. Задача на июнь м-ц. Написать 6 сочинений, с хорошей проработкой первоисточников, текстов, газетного мат(ериа)ла, статей: 1. Горький в Америке. 2. Горький – великий сын великого народа. 3. Горький – основоположник метода социалистического реализма. Маяковский В.В. (патриотизм, реализм, «...лучший поэт сов. (етской) эпохи»). 5. Пушкин – родоначальник русской литературы (или что-то в этом роде). 6. Молодежь в трудовых подвигах.

Сегодня и до 5-го – первую тему.

Закрепить знания по литературе XVIII–XIX веков.

Основательно проработать «Географию СССР».

Закрепить 1-ю часть и изучить половину 2-й части «Панкратовой».

Кончить – грамматику Грабарь-Пассен.

Получил телеграмму из Москвы от Нади, проехали в Чернигов. Неприятности на работе с директором.

3.6.49 г. Вчера сел писать сочинение «Горький и социалистический реализм». Обложился материалами: газеты, журналы, учебники, выписки и... не могу опустить перо на бумагу – боюсь. Просто какой-то страх охватил меня: так велик и могуч он. Я его года три назад почему-то невзлюбил, хотя это стыдно и неправильно. Вызвано это было его письмами, в которых он с барской снисходительностью советовал молодежи. Потом «Клим Самгин» – я бесился, читая эту книгу. Почему? Так противен был герой с его само- и просто анализом, так он не походил на обычных людей. И я не полюбил великого писателя просто за то, что, как мне показалось, он слишком долго нянчился с этим двурушником и подлецом. Лучше бы он его утопил в проруби, чем того мальчика, Бориса Варева, который был больше человеком даже в то, сопливое время. Теперь я понял, что Горький именно и хотел выznать у читателя такое чувство (не боясь, разумеется, шишек в свою голову).

Сочинение пишется по таким богатым материалам, что пухнет на глазах. Необходимо разговорчики о «чижах», «дятлах» – отбросить...

8.6.49 г. Я много слишком теряю время, хотя занимаюсь часов по 7–8. Сочинение о Маяковском заканчиваю. Обновляю в памяти выдержки из его произведений и написание их – сгодится может.

Маяковский – титан! Он помогает жить. Литература наша жизнеутверждающая, самая зовущая.

Ей посвятить себя не жаль.

Глаза устают. Это – плохо. Интересно – скоро ли я ослепну совсем?..

13.6.49 г... Получил письмо из дому. Так я привык при этом слове вспоминать Тайгу, знакомые лица и места, но теперь у меня дом на Украине, в Чернигове. Хотя дома нет и там – там только полуподвал, где живет моя самая близкая родня – главное, мать.

Тянет в Сибирь. Знаю, что с годами это чувство будет сильнее и сильнее. Получил бы я высшее образование – поехал бы в Сибирь, там работать, учиться и учить там...

16.6.49 г. Зарапортовался! Повлияло, конечно, и письмо из редакции «Смены», полученное сегодня. Стихи признали слабыми, описательными. Посоветовали поработать в районной газете – это-де повысит вашу идейность». И в конце: «Желаем успеха в жизни, творчестве».

Очень вежливенько дали понять, чтобы не загружал почту...

23.6.49 г... Что делать? – спрашивает Ч., только не Чернышевский, а Чивилихин.

Решаю: (хотя, кажется, давно решил) – отпускные деньги – аккредитовываю, еду в Москву сдавать документы в первые дни отпуска. Дальше – мимо – в Чернигов. Месяц – зубрю, как последний «академический сухарь». В начале августа – сдаю, если примут. А примут – о, о, о! тогда я решусь на все. С работы уволюсь, как бы ни манили и ни держали. Снимаю где-либо комнатку или унижусь перед родными, попрошу. Буду подрабатывать где угодно, какой угодно работой – неправда, выдюжу.

25.6.49 г. Сегодня дьявольски устал. В 4-х группах провел экзамены письменные и встал в 5 часов – немецким занимался. Остается 10 дней до отпуска – что делать?

29.6.49 г. Переживаю то уныние и апатию, то подъем всех сил – возвышающий и облагораживающий.

Оставаясь один на один, почему-то боюсь неискренности в своих мыслях, поступках. На людях такого чувства – нет.

Занимаюсь, но преступно бессистемно, хищнически расходую время, в то время, как сейчас необходимо внутренне собрать в возможно более здоровой и продуктивной форме все духовные силы и направить их на одну цель: поступление в университет.

Это – мечта, мечта всей жизни, т. к. еще пару лет, и я не смогу ничего добиться от себя, так разболтаюсь и опущусь.

17.7.49 г. С 5-го – в отпуске. Пришлось еще 2 дня работать, проверял контрольные. Взмучился. 6-го вечером выехал, а 8-го уже был в МГУ Довольно остроумным каламбуром расположил к себе «комиссию» из пятикурсников и они меня протолкнули, т. е. оформили внеочередной прием к документнику.

С небольшими зацепочками сдал документы...

9-го выехал из Москвы. В Нежине был утром 10-го. День надо было убить, и я пошел в город (5 км) к Гоголевским местам. Побывал возле лица, где учился Гоголь (сейчас пед. институт).

На памятнике рядом: «Еще пройдет десяток лет, и вы сами увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, а за покупкой мудрости, которой больше не продают на европейских рынках».

Такое великое предсказание.

В городе мало знают его памятник. Лицей представляет из себя громадное четырех-этажное здание со строгой, аракчеевской архитектурой. Строгие очертания этого здания напоминают казенную Россию, но с добросовестными мастерами. Внутрь – не заходил, т. к. был прямо с поезда, в помятом костюме. В гоголевском парке я долго ходил вокруг памятника великому русскому писателю. На шлифованном гранитном пьедестале (черный с белыми вкраплениями) – стоит его статуя, от которой веет задумчивостью, мудростью, прозорливым, проникновенным юмором. Голова чуть наклонена, семинарские волосы, мефистофелевидный профиль.

И странной русской вязью: «Определено мне чудной властью озирать жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»

Как откровенно, поэтично и гуманно...

18.7.49 г. Хожу заниматься в библиотеку Короленко. Хорошо. Жать хоть эту неделю!

Но я толстею – это удивительно, раньше я ошупывал только свои кости, теперь на щеках что-то помягче.

Скоро пойду опять к Коцюбинским. Лазал по пещерам. Нужно фонарь и компаньона...

25.7.49 г. Завтра уезжаю в Москву. Что произошло за эти дни? Почти что – ничего. Писем ни от кого нет. Занимаюсь с ленцой – так разотдыхался...

Итак через 4 дня – я держу экзамен в университет. Чувствую, что подготовлен слабо. Но будем смотреть.

1.8.49 г... Написал сочинение: «Образ В.И. Ленина в творчестве Горького и Маяковского». Кажется, не на 3...

11.8.49 г. Очень жалею, что написал 4 листа на сочинении, вместо двух. Не был опытен. Такие сочинения, как мое, – редкость здесь – так сказал мне преподаватель.

Надо набрать 24 очка! Ведь на одно место будет приблизительно человек 8–9. Это уже много.

А дальше тоже начнется: квартирный вопрос, увольнение, голодовки неизбежные и т. д.

Даже возникает какое-то расхолаживание. Неспкойная обстановка вокруг. Косо посматривает дядюшка. Слишком сильное увлечение курением. Уставшие глаза. Нет ни от кого никакой поддержки. Все друзья и подружки – молчат. Мама тоже.

Неужели я напрасно проводил за немецким часы? Неужели это все даром? Приходя с работы, я садился за немецкий и долбил, долбил, долбил, струнами натягивая нервы и собирая что-то внутри в тугой, неподдающийся комок. Завтра решается все! Я готов ко всему.

13.8.49 г. Оказывается, не так уж я плохо знаю немецкий. Бедные десятиклассники. Они даже читают плохо. Меня спросили, где я родился, в каком году и где окончил я школу.

Потом перевел Элеоноры Маркс «Маркс со своими детьми», ответил на ряд грамматических вопросов и, в результате), отлично.

Значит, я могу надеяться, что попаду все же в университет. Сегодня встал – бодрый. Сейчас начинаю заниматься историей. На нее я тоже нажимал зимой, переписал вкратце всю историю Руси и СССР, сейчас нужно нажать – **еще только 3 дня!**

Жмем, Володя, жмем!

21.8.49 г. Неизвестность и неизвестность.

Историю сдал на 5. Результат, сказали – 22-го. Я уехал к дяде в Подмоскowie. Вчера приехал, полдня переживал, ничего не узнал. Много бродят претендентов. И когда я среди них, кажется, что не пройду, когда нет никого – думаю попасть.

Неужели все труды пропали зря. 24 очка! Это ведь не так мало. Но таких там – много. Позвонил одной черниговской знакомой – сегодня должны встретиться. Это затем, чтобы не волноваться. Мне будет очень стыдно перед родственниками, если не пройду, хотя они и немногое понимают в этом деле.

Итак, через 24 часа я все узнаю, т. е., как говорят в подобных классических случаях: *быть или не быть?* (Гамлет).

20.9.49 г. В моих записях – белое пятно. 20 дней – не писал. Не было времени, настроения. Дело в том, что я уже – студент МГУ Уволился с работы. Оставил Алика, приехал в Москву и вот – учусь. Это коротко. На самом деле за эти 20 дней много пережито, много схвачено впечатлений. Главной победой является то, что я все-таки смог устроиться с общежитием. Это меняет всю обстановку, которая существовала, по крайней мере 5 дней назад. Большая моя заслуга, что не отступил, не струсил. Доволен.

Что за науки? Логика, современный русский, античная, советская литературы, языкознание, Deutsch, история (сов. и новейшая), география, литературоведение. Все это – по мне...

Логически рассуждая, не могло быть иначе – так много я труда вложил, чтобы поступить в МГУ...

Не хочется писать о моих друзьях пока, т. к. еще не пригляделся. Самые умные – лентяи и бездельники. Попроще хлопцы учат усердно. Первые – /.../ в сущности хлопцы хорошие, но они дармоеды. Папы работают хорошо, занимают хорошее положение, и они без горя прожили свои два десятка. Я им не завидую. Необходимо заняться общественной работой. Первая /.../ – профсоюз. Спорт и литкружок – другое. Очень много возможностей работать над собой, впитывать в себя все хорошее и полезное. Например, есть возможность посещать Литинститут.

27.9.49 г. Прочел «Кружилиху» Пановой В. Почему ее ругали эстеты? Это – ясно. Книга – ценна. Ценна своей правдой изображения разнообразных человеческих характеров, ценна тем, что, закрывая ее, чувствуешь, что где-то рядом стоит этот завод; в него можно пойти и, встречая этих людей, говорить с ними. Они – эти люди – наши современники... Прочел очерки Г. Николаевой «Черты будущего». Пишется о кержаках. Интересные наблюдения за этим чем-то особенным народом имею я. Вокруг Тайги и в Тайге их – уйма.

Был в Узловой. Бюро не состоялось. Ехать еще. Ехал на товарных – нет денег. Простыл. Хриплю.

Пожалуй, последние два дня по-настоящему взялся за занятия. Решил перейти во французскую группу. Этот язык мне кажется достойным трудов. Хотя он по практическому значению стоит значительно ниже английского, но зато, если я им владею, сколько прекрасных творений смогу прочесть в оригинале! Без преклонения отдаю должное языку Верна, Руссо, Роллана, Золя, Мериме, Барбюса, Ги де Мопассана, Бальзака. Если явится необходимость в дальнейшем (в неопределенном времени) знания английского, думаю, что найду силы изучить его.

Античная литература! Какое это жемчужное ожерелье, какая бесценная бездна ума – талантливое и оригинального.

«Труды и дни» Гесиода – что-то прекрасное, а ведь это было написано 2700 лет назад!

На физкультуре сегодня – оскандалился – не смог сдать на 1000 метров. Боже, я ли это? Неужели сердце? Заняться, заняться...

Вселили двух журналистов-второкурсников. Дело будет повеселее. Хохмят. Умные ребятки. Я – староста комнаты.

Молодость! Как ты хороша! И как мы, молодые, не умеем ее ценить.

В воскресенье были группой в 15 человек в Останкино, во дворце Шереметева. Чудесно. Великолепие – сшибает своей неожиданной прелестью.

Желтый сад, земля, устланная шелестящим ковром, пруды в зеленом окаймлении тины, с зеркально-ясной серединой. Эллинские статуи, башни у прудов, смеющиеся девушки в погоне за мячами, друзья, щелкающие лейками – как все это чудесно и преходяще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.